

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Цветков Н.И.

**ОБЗОР
АПОЛОГЕТИЧЕСКИХ
ТРУДОВ
ВОСТОЧНЫХ ОТЦОВ
И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ
В IV И V ВЕКАХ**

Прибавления к творениям Святых Отцов в
русском переводе,
1872, XXV, с. 314-371, 637-735

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ОБЗОРЪ

АПОЛОГЕТИЧЕСКИХЪ ТРУДОВЪ ВОСТОЧНЫХЪ ОТЦЕВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ ВЪ IV И V ВѢКАХЪ.

Измѣнившіяся съ IV вѣка отношенія государственной власти къ христіанскому обществу оказали великое вліяніе на весь строй его жизни, между прочимъ и жизни умственно-научной. Тогда получила болѣе широкое развитіе и христіанская апологетика. Хотя защита христіанства отъ нападеній сто враговъ не составляла въ это время главнаго занятія отцевъ и учителей Церкви, какъ было во II и III вѣкахъ однакоже лучшіе и болѣе обширные труды по христіанской апологетикѣ принадлежатъ именно періоду процвѣтанія Церкви въ IV и V вѣкахъ. За ихъ великое достоинство говоритъ уже то обстоятельство, что они не потеряли своего значенія и нынѣ; напротивъ, и въ нашъ вѣкъ, когда болѣе, чѣмъ когда-либо, противоборствуетъ христіанству невѣріе, могутъ служить весьма важнымъ пособіемъ для богослова—апологета.

Внимательно разсматривая апологетическія писанія IV и V вѣковъ, нельзя не замѣтить въ нихъ

существеннаго отличія отъ апологетическихъ трудовъ времени предшествующаго. Въ противоположность судебнооправдательнымъ апологіямъ періода гоненій, апологетическія писанія IV и V вѣковъ носятъ, по преимуществу, строго-ученый, теоретическій характеръ. Онъ особенно ясно выражается въ образъ опроверженія язычества и защищенія христіанства. И до IV вѣка христіанскіе апологеты пытались показывать ложность язычества, изображать его безобразіе и уродство въ нравственномъ отношеніи. Но это изображеніе служило для того, чтобы доказать, что не въ язычествѣ заключается причина благосостоянія государствъ и народовъ, какъ утверждали его защитники. Христіанскіе апологеты IV и V вѣковъ поражаютъ язычество просто какъ ложную религію, но большей части безъ всякаго отношенія къ государству. Съ другой стороны, они не ограничиваются однимъ только указаніемъ безнравственнаго характера языческихъ религій, указаніемъ демонскаго ихъ происхожденія, какъ было въ первые три вѣка христіанства. Они доказываютъ, что языческая религія не способна ни къ какому усовершенствованію, что она есть ложь по самой природѣ своей и останется всегда таковою, какъ бы ни утончали ее близорукіе ея послѣдователи. Они доказываютъ, что предубѣжденіе въ пользу той мысли, что въ міѳологическихъ повѣствованіяхъ и религіозныхъ обрядахъ язычества заключается высшій таинственный смыслъ, а самыя эти повѣствованія и обряды служатъ только внѣшней оболочкою для выраженныхъ въ нихъ религіозныхъ идей,—это предубѣжденіе, примѣчаемое еще во II

вѣкъ, но особенно разившееся въ IV столѣтіи,—не имѣеть никакого основанія. «Древніе язычники,—говорили апологеты IV вѣка, — вовсе не усвоили различнымъ мноамъ и обрядамъ язычества того смысла, какой придаютъ имъ позднѣйшіе толкователи; они никогда въ этихъ мифахъ и обрядахъ не видѣли аллегорій, но принимали въ собственномъ и буквальномъ смыслѣ.»¹⁾ На эту черту въ язычествѣ, противъ которой ратуютъ всѣ апологеты IV и V вѣковъ, обращали мало вниманія апологеты времени предшествующаго.

Подобно опроверженію ясычества измѣнился у апологетовъ IV и V вѣковъ и образъ защищенія христіанства. Апологеты предшествующаго времени довольствовались лишь положительнымъ изображеніемъ высокихъ и спасительныхъ догматовъ и таинствъ Церкви христіанской, въ противоположность безнравственнымъ ученіямъ и обрядамъ язычества. Ихъ цѣль состояла въ томъ, чтобы доказать, что ни въ ученіи христіанъ, ни въ таинствахъ и обрядахъ ихъ нѣтъ ничего противнаго нравственному чувству и вреднаго государственному благосостоянію. Апологеты IV и V вѣковъ входятъ въ болѣе подробное изслѣдованіе смысла и значенія вѣроученія и священныхъ дѣйствій христіанства. Они стараются философскимъ образомъ оправдать и обосновать христіанскіе догматы и таинства; ихъ цѣль была доказать, что христіанство само по себѣ, въ самыхъ своихъ основахъ есть высшая, истинная и совершеннѣйшая религія.

¹⁾ Ср. Кельера: *Hellenismus und Christenthum*, Köln, 1866 p. 192.

Наконецъ, и тонъ апологетическихъ трудовъ IV и V вѣковъ совсѣмъ иной, чѣмъ въ апологіяхъ періода гоненій. Въ апологетическихъ писаніяхъ первыхъ трехъ вѣковъ слышится большею частію голосъ умоляющаго о справедливости, скромно предъявляющаго свои права на существованіе, защищающаго только себя отъ несправедливыхъ обвиненій, Апологіи IV и V вѣковъ—слово побѣдителя, въ радостномъ сознаніи своего торжества и могущества указывающаго на безсиліе противника и свою собственную мощь. «Мы просимъ тебя объ одномъ—писаль Марку Аврелію Мелитонъ,—чтобы ты самъ напередъ узналъ этихъ неуступчивыхъ производителейъ споровъ (такъ смотрѣли на христіанъ язычники) и потомъ справедливо рѣшилъ, достойны ли они смерти и наказанія, или, напротивъ, освобожденія и спокойствія.» ¹⁾ «Храмы посвященные обоготвореннымъ героямъ, восклицаетъ въ сознаніи побѣды Блаженный Феодоритъ—не существуютъ болѣе, или преобразованы въ христіанскія церкви, посвященные памяти мучениковъ» и т. д. ²⁾

Разсмотримъ подробнѣе, въ чемъ заключались причины указанныхъ особенностей въ апологетическихъ трудахъ IV и V вѣковъ?

Послѣ объявленія христіанства господствующей религіей въ имперіи Римской не возстанія языческой черни, ае крики и обвиненія поборниковъ по-

¹⁾ Евсев. Ц II IV, 26.

²⁾ Graec. affect. emotio, s. IV. p. 580. Edit. Cramoisy. Ср Евсевія: Praep Ev I. IV. c. 2. in Patr Curs Compl. t 21 p. 236 sqq. и во многихъ другихъ мѣстахъ.

липеизма составляли главный предмет опасеній христіанскихъ руководителей и наставниковъ, по нападенію мыслящаго языческаго класса людей. Христіанству противостояла уже не ви́шняя сила, не правительственная власть, какъ было прежде, но языческая образованность. Въ этой образованности заключалась сила язычества, съ ней теперь и должны были сражаться христіанскіе апологеты, — отсюда разность между апологетическими трудами IV и V вѣковъ и апологіями времени предшествующаго.

Въ двухъ, собственно, видахъ выразилось противодѣйствіе христіанству со стороны языческой образованности: въ неоплатонизмъ и агитаціи софистовъ или риторовъ языческихъ.

Первоначально неоплатонизмъ былъ только отвлеченною философскою системою и не имѣлъ въ виду оппозиціи христіанству. Мы не встрѣчаемъ прямыхъ нападеній на распространяющуюся христіанскую религію ни у Аммонія Сакка, ни у Плотина—первыхъ основателей неоплатонической школы; эти нападенія начинаются только съ легкой руки Порфирія. Но вступивъ, наконецъ, въ борьбу съ христіанствомъ, неоплатонизмъ сдѣлался едва ли не самымъ опаснымъ его врагомъ. И это неудивительно, если вспомнить, что онъ распространивъ свое вліяніе на Востокъ, стянувъ къ себѣ почти всѣ, враждебныя ученію Христа, умственные силы греко-римскаго и восточнаго міра, сдѣлавшись средоточіемъ умственной жизни того времени, искренно и крѣпко примкнулъ къ политеизму, въ теченіи нѣ-
 лыхъ трехъ вѣковъ, употребляя отчаянныя усилія,

чтобы поддержать падающее зданіе древней религіи и доставить ей побѣду.

Неоплатоники двоякимъ образомъ вредили христіанству. Прежде всего, отрицательно и непрямо, стараясь, при помощи аллегорическаго метода, оправдать язычество, утончить и одухотворить его религіозныя представленія. Они утверждали, что въ политеизмъ подъ видомъ національныхъ боговъ, героевъ, демоновъ, находящихся подъ властію Верховнаго Божества, олицетворены низшія силы, послѣдовательно одна за другою исходяція изъ абсолютнаго Единаго—того верховнаго начала, которое управляетъ міромъ, что мифы о богахъ не суть историческое изображеніе дѣяній боговъ, но образное представленіе, произвольный историческій субстратъ религіозно-нравственныхъ идей и воззрѣній на различныя процессы и явленія природы, что въ нихъ чувственно-образно выражены истины религіи и философіи, которыя были слишкомъ высоки для пониманія массы народной и могли быть ею приняты лишь подъ чувственнымъ покровомъ. При такихъ объясненіяхъ, языческая религія являлась еще довольно удовлетворительною; но ничъ выходило, что не одни нелѣпности, но и глубокія истины заключаются въ языческомъ вѣроученіи.

Подобнымъ образомъ относились неоплатоники и къ религіознымъ обрядамъ язычества. Они возвышались иногда до чистыхъ повятій о богопочитанніи, приближались даже къ христіанскому ученію о поклоненіи Богу духомъ и истиною. «Не количество приносимаго въ жертву — училъ Порфирій, — но расположеніе души приносящаго — главное при

жертвахъ.»¹⁾ Они открыто порицали тѣхъ, которые ради житейскихъ цѣлей, какъ напримѣръ при выборѣ супруги, ради успѣха торговаго предирія-тїя и проч., вопрошали прорицателей и прислуна-ли къ гаданіямъ, ясно отрицали то представленіе, будто боги питаются дымомъ жертвеннымъ. И, од-нако, при всѣхъ возвышенныхъ понятїяхъ о суще-ствѣ и цѣли богопочтенія, они, подѣ влияніемъ предвзятой мысли, оправдывали обряды богослуже-нія и другія дѣйствїя, относящїяся къ религіи язы-ческой и вѣрованїя язычества. Они утверждали, что въ религиозныхъ дѣйствїяхъ и священныхъ обря-дахъ язычества заключается внутренняя, магиче-ская сила, которая приноситъ несчаствїе или благо-получїе совершающимъ ихъ, по ихъ усердію, что они вовсе не вымысль, но обязаны своимъ происхожденїемъ божеству, которое ввело ихъ и научило имъ людей. Не смотря на великое противорѣчіе собственнымъ своимъ философскимъ воззрѣніямъ, неоплатоники оправдывали даже существованїе идоловъ и жертвъ. Идолы имѣють, по ихъ мнѣнію, законное право на существованїе потому что они суть видимые знаки близости Божества, поставленные для того, чтобы внушая мысль о присутствїи Божества, отвращать людей отъ зла и направлять къ добру, тѣмъ бо-лѣе, что между знакомъ и означаемымъ въ идолахъ всегда есть тайное, въ существѣ обоихъ коренящее-ся, отношенїе, и люди могутъ въ изображенїяхъ

¹⁾ De abstin. I II. § 15. 19 См Чирисра: Der Fall des Heidenthums Leipzig. 1839. p. 438.

боговъ видѣть символы ихъ свойствъ. Жертвы суть выраженіе отношенія людей къ высочайшему существу. Чрезъ принесеніе жертвъ чловѣкъ воздастъ почтеніе богамъ и приноситъ имъ благодарность за ихъ благодѣянія.

Такъ какъ всѣ явленія міра, — учили неоплатоники, — вслѣдствіе единства міроваго начала, тѣсно связаны между собою, то можно заключать отъ одного явленія къ другому. Міръ полонъ знаменательными, пророчесственными явленіями. По всей вселенной разлита пророчесственная сила, во всѣ времена получали божественную помощь служители божества. Отсюда открывается возможность предузнавать будущее, по чувственнымъ предметамъ и явленіямъ; отсюда законность гаданій и мантики; отсюда въра въ мнѣмые чудеса Пифагора, Аполлонія Тианскаго и другихъ, которыя язычество хотѣло противопоставить чудесамъ Иисуса Христа. Если міру, дѣйствительно, присуща божественная сила, то что можетъ препятствовать върѣ въ чудеса прошедшаго и чудесныя предзнаменованія будущаго? Если божество проникаетъ весь міръ, то что мѣшаетъ ему открываться въ чудодѣйственной силѣ святыхъ мужей, въ чувственныхъ предметахъ и явленіяхъ?

Такое непрямое противодѣйствіе христіанству посредствомъ утонченія и одухотворенія языческой религіи, неоплатонизмъ выказывалъ на первыхъ порахъ своего развитія — во II и III вѣкахъ. Со времени Порфирія неоплатонизмъ, какъ замѣчено было выше, вступилъ въ открытую борьбу съ новой религіей. Это было совершенно естественно и вполне

объясняется положеніемъ его и христіанства относительно политеизма. Между тѣмъ, какъ неоплатонизмъ признавалъ народныхъ боговъ за дѣйствительныя, управляющія міромъ, слѣдовательно, достойныя почитанія существа, христіане признавали ихъ ничтожными идолами, или демонами. Они явно стремились уничтожить вѣру въ древнихъ боговъ, не переставали оспаривать истину и значеніе мифологій, порицать священныя дѣйствія и обряды язычества и призывать чтилелей боговъ изъ идольскихъ капищъ въ свои храмы. То, что неоплатоники хотѣли поддержать и въ облагороженномъ, преобразованномъ видѣ, передать потомству, какъ святое наследіе предковъ, христіане безжалостно разрушали. Чѣмъ же, какъ не противодѣйствіемъ, могъ отвѣчать христіанству неоплатонизмъ, если, особенно, припомнить то глубокое уваженіе къ великимъ древнимъ произведеніямъ эллинскаго ума, которымъ такъ горячо сочувствовали въ это время все образованные люди міра языческаго, то благоговѣнное преклоненіе предъ греческой цивилизаціей, которую христіанство грозило разрушить, если взять еще во вниманіе философскую гордость неоплатониковъ, которая не могла унизиться до подчиненія религіи, выросшей не на почвѣ эллинизма!

Другой видъ противодѣйствія христіанству со стороны языческой образованности представляла агитация такъ называемыхъ софистовъ. Софисты воспитались на изученіи древней литературы. Но языческая религія, присутствовавшая при колѣбелн этой литературы, вдохновлявшая лучшихъ ее представителей, глубоко проникла въ самое существо

ея. Что удивительнаго если софисты выносили изъ знакомства съ этой античной литературой тѣ религіозныя идеи, которыя въ ней проповѣдывались, — идеи политеизма! Человѣкъ незамѣтно, постепенно подпадаетъ вліянію тѣхъ впечатлѣній, которыя чаще на него дѣйствуютъ. А наитанные сами духомъ язычества, софисты старались внушать тотъ же самый духъ и своимъ многочисленнымъ слушателямъ.

Съ другой стороны, софисты не могли не замѣтить, что торжество новой религіи угрожаетъ имъ паденіемъ. Слѣдовательно, кромѣ другихъ побужденій, собственная выгода должна была побуждать ихъ — возстать на защиту языческой религіи. И вотъ они утверждаютъ, что въ языческой религіи заключается наиболѣе благоприятныхъ условій для развитія цивилизаціи, доказываютъ, что все лучшее, чѣмъ гордились греки, — наука, краснорѣчіе, искусство и проч., выросло именно на почвѣ эллинизма.

Если мы вспомнимъ, какъ высоко Греки, среди всеобщаго надсія политическихъ учрежденій и политической жизни, цѣнили краснорѣчіе и какое глубокое уваженіе питали, поэтому, къ лучшимъ знатокамъ эллинской литературы, каковы были софисты, то для насъ понятно будетъ, какъ вредна могла быть христіанству ихъ непріязнь. И хотя вліяніе ихъ было особенно сильно въ школахъ, но ихъ рѣчи проникали и въ жизнь общественную, производили и въ ней свое дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что они, даже при христіанскихъ государяхъ, занимали высокія общественныя должности.

Этими двумя явлениями—неоплатонизмомъ и дѣятельностью софистовъ, по преимуществу, определялась апологетическая дѣятельность христіанскихъ Отцевъ и Учителей въ IV и V вѣкахъ, обусловливался характеръ и содержаніе ихъ апологетическихъ трудовъ. — Правда, и во II и III вѣкахъ христіанство встрѣчало враждебныя нападенія философовъ и риторовъ, но тогда не въ нихъ собственно, былъ центръ тяжести языческой оппозиціи. Тогда на христіанахъ тяготѣла, преимущественно, внѣшняя сила; сами философы и риторы, не имѣя силъ ученымъ образомъ поддержать и защитить язычество, прибѣгали къ ней; вспомнимъ участіе философа Кресцента въ судьбѣ Іустина мученика. Но съ конца III вѣка образованные язычники выступили противъ христіанъ съ собственнымъ знаменемъ, стали противодѣйствовать христіанству своими писаніями и учеными критико-философскими возраженіями. Оттого, хотя и ранѣе христіанство встрѣчало противодѣйствіе со стороны ученыхъ язычниковъ, но только съ IV вѣка христіанская апологетика, по преимуществу, направляется противъ ученыхъ нападеній язычества и усваиваетъ тотъ ученый характеръ, который определяетъ новую фазу ея развитія въ IV и V вѣкахъ.

Весьма большое вліяніе на новый характеръ церковной апологетики въ IV и V вѣкахъ имѣло, также, измѣненіе внѣшняго положенія Церкви въ IV вѣкѣ. Пока на прѣстолѣ Римскомъ были императоры-язычники, пользовавшіеся внѣшней силой на подавленіе христіанства, апологіи христіанскихъ учителей могли быть не что иное, какъ просьбы о

справедливости, чѣмъ онѣ, дѣйствительно, и были. Сочиненій противъ христіанъ язычники тогда почти не писали; если же и писали, то христіанскимъ учителямъ некогда было отвѣчать на нихъ. Подъ огнемъ жестокыхъ преслѣдованій некогда было имъ отражать ученые нападенія образованныхъ язычниковъ; едва доставало времени предохранять отъ паденія слабыхъ, укрѣплять въ вѣрѣ и подвигахъ мученичества. Въ видѣ исключенія можно указать только на восемь книгъ Оригена противъ Цельса, которыя имѣютъ характеръ добросовѣстнаго ученаго разбора и опроверженія клеветъ и предубѣжденій противъ христіанства. Со времени Константина В. Церковь христіанская изъ гонимой сдѣлалась господствующей; ей не нужно было защищать свое существованіе, свое право на свободное исповѣданіе; ея членамъ не нужно было обращаться съ жалобами на лютость гоненія. Не естественно ли было церковной апологетикѣ принять иной характеръ, именно ученый, въ виду ученыхъ нападеній образованныхъ язычниковъ, которымъ оставалось теперь лишь перо для защиты своей отживавшей религіи?

Указанныя особенности, хотя замѣтны во всѣхъ апологетическихъ трудахъ IV и V вѣковъ, но, по преимуществу, принадлежатъ апологетическимъ писаніямъ Восточныхъ Отцевъ и Учителей христіанской Церкви. Западные апологеты, нерѣдко остаются еще на практической почвѣ и такимъ образомъ ихъ труды сохраняютъ болѣе близкую связь съ апологіями II и III вѣковъ. Апологетическія писанія христіанскихъ Отцевъ и Учителей Востока носятъ, напротивъ, строго-теоретическій характеръ. Не ка-

саясь вопроса: угрожаетъ или нѣтъ ученіе Спасителя политическому существованію Римскаго государства, не обращая вниманія на клеветы, взводимыя язычниками на христіанство,—что мы видимъ въ апологетическихъ сочиненіяхъ Церкви Западной,—апологеты Восточной Церкви прямо и положительно доказываютъ, что Иисусъ Христосъ есть истинный Богочеловѣкъ Мессія, что Его ученіе есть единое истинное ученіе, что язычество отжило свое время и должно быть замѣнено истинною и совершеннѣйшею религіею. Подобное замѣчается и въ образѣ изложенія апологетическихъ трудовъ Восточной Церкви; въ нихъ вовсе не встрѣтимъ тѣхъ ораторскихъ приемовъ и оборотовъ рѣчи, какими изобилуютъ сочиненія апологетовъ Западныхъ, но повсюду преобладаетъ строго-ученое развитіе мысли.

Дѣло въ томъ, что противодѣйствіе христіанству неоплатонизма и софистовъ, которымъ опредѣлялся характеръ апологетическихъ трудовъ IV и V вѣковъ, собственно имѣло мѣсто на Востокъ; между тѣмъ на Западъ болѣе всего учителямъ христіанской Церкви приходилось имѣть въ виду крики языческой черни и возгласы политическихъ ораторовъ Рима, опиравшихся на живыя еще преданія о прежней славѣ Римскаго государства. Съ другой стороны, должно обратить вниманіе на разность въ самомъ складѣ ума въ обѣихъ половинахъ тогдашней греко-римской имперіи. Мыслящіе люди Востока обладали философскимъ складомъ ума, они прежде всего требовали строгой мысли и основательныхъ доводовъ; только то, что было твердо теоретически доказано, имѣло для нихъ значеніе. Само

собою разумѣется, что для того, чтобы достигнуть своей цѣли, восточные апологеты должны были собразоваться съ умственнымъ настроеніемъ своихъ читателей, а слѣдовательно, употреблять учено-теоретическій способъ доказательства и изложенія христіанской истины.

Какъ велико было число апологетическихъ трудовъ Восточныхъ Отцевъ и Учителей Церкви въ IV и V вѣкахъ, можно заключить изъ указанія въ хроникѣ Луція Декстера подъ 310 годомъ, что около тридцати, по крайней мѣрѣ, христіанскихъ учителей писали противъ Порфирія ¹⁾. Но изъ всей этой богатой апологетической литературы до насъ дошли только: I) нѣсколько апологетическихъ трудовъ Евсевія Кесарійскаго (нѣкоторые не въ полномъ видѣ). II) апологетическіе трактаты св. Аѳанасія Александрійскаго; III) нѣсколько апологетическихъ сочиненій разныхъ писателей противъ Юліана; и IV) апологетическій трудъ Блаж. Θεодорита подъ заглавіемъ: «о врачеваніи эминскихъ недуговъ».

I.

Апологетическіе труды Евсевія Кесарійскаго.

Въ ряду апологетовъ Восточной Церкви IV и V вѣковъ первое мѣсто по времени происхожденія, а отчасти и по достоинству письменныхъ апологетическихъ трудовъ, принадлежитъ отцу церковной исторіи—Евсевію Кесарійскому. Его апологетическія

¹⁾ Ibid с 21 1 с р 772

писанія, не смотря на нѣкоторые недостатки, составляютъ основу великаго зданія апологетической литературы IV и V вѣковъ; во все время процвѣтанія древней церковной апологетики они служили источникомъ, откуда почерпали содержаніе для своихъ трудовъ церковные апологеты этого времени.

а) СОЧИНЕНІЕ ПРОТИВЪ ІЕРОКЛА.

Первый апологетическій трудъ Евсевія Кесарійскаго есть его сочиненіе, написанное противъ Іерокла, подъ заглавіемъ: *πρὸς τὰ ὑπὸ Θίλοστράτου εἰς Ἀπολλώνιον τὸν Τυανέα διὰ τὴν Ἰεροκλεῖ παραληφθεῖσαν αὐτοῦ τε καὶ τοῦ Χριστοῦ σύγκρισιν* (разборъ Филостратовой біографіи Аполлонія Тіанскаго, по поводу Іероклова сравненія его со Христомъ). Обращая вниманіе на то, что Іерокль сочиненіе свое противъ христіанъ «*Λόγοι φιλαλήθεις πρὸς τοὺς χριστιανούς*» написалъ, по свидѣтельству Лактанція ¹⁾, около того времени, какъ былъ разрушенъ храмъ христіанскій въ Никомидіи, что случилось въ 303 году, а съ другой стороны, имѣя въ виду слова самого Евсевія ²⁾, изъ которыхъ можно вывести, что онъ свое сочиненіе написалъ вскорѣ послѣ появленія сочиненія Іерокла, можно думать, что отвѣтъ Евсевія Іероклу написанъ около 303 года ³⁾.

¹⁾ Бож. Наст. V, 2

²⁾ Contr. Hier. c. 1 in Patr. Curs. Compl. t. 22 p. 795

³⁾ Seele: Histoire generale des act. sacrés et ecclésiastiques t. IV p. 215.

Герокль былъ правителемъ Визоннн при Діоклитіанѣ и однимъ изъ самыхъ усердныхъ его помощниковъ въ кровавомъ преслѣдованіи христіанъ. Не довольный однимъ внѣшнимъ преслѣдованіемъ, онъ рѣшился ученымъ образомъ напасть на христіанъ и съ этою цѣлю написалъ противъ нихъ сочиненіе, въ которомъ выказалъ такое знакомство съ свящ. Писаніемъ, что Лактанцій выразилъ даже предположеніе: не былъ ли онъ прежде христіаниномъ ¹⁾! Чтобы сочиненіе имѣло болѣе уснвха, онъ надписалъ его не «противъ христіанъ», а «къ христіанамъ» (*πρὸς τοὺς χριστιανούς*), дабы тѣмъ показать, что онъ хочетъ преподать имъ добрые совѣты ²⁾.

Подобно многимъ другимъ писаніямъ защитниковъ язычества этого времени, сочиненіе Герокля не дошло до насъ. Но при указаніи Лактанція и Евсевія можно составить приблизительное понятіе о его содержаніи. Герокль старался отыскать противорѣчія въ свящ. Писаніи ³⁾, сводя различныя изреченія, будто бы несогласныя одно съ другимъ, нападалъ на апостоловъ Петра и Павла, бывшихъ будто бы сѣятелями мнимо-ложнаго ученія, называя ихъ грубыми певѣждами и проч. ⁴⁾ Чтó у него новаго,— это параллель, которую онъ проводитъ между Иисусомъ Христомъ и Аполлоніемъ Тіанскимъ, увѣряя, что оба они творили одинаковыя чудеса, что Апол-

¹⁾ Бож. Наст. V, 2

²⁾ На это обращать вниманіе еще Лактанцій с. 6

³⁾ Бож. Наст. V, 2. *contr. Her. c. 2 in Patr. Curs. Compl. t. 22 p. 797 sqq.*

⁴⁾ *Ibid.*

лоній совершилъ даже большія чудеса.—Никто еще не подрывалъ истинность христіанства съ этой стороны, и вотъ, вѣроятно, причина, почему Евсевій поспѣшилъ тотчасъ же отвѣтить на книгу Іерокла.

Такъ какъ въ критическомъ разборѣ книгъ свящ. Писанія Іерокль лишь повторяетъ то, что уже было сказано Цельсомъ и Порфиріемъ, то Евсевій оставляетъ безъ разбора тѣ возраженія, которыя, съ этой стороны представлены были Іерокломъ, отсылая къ «осьми книгамъ противъ Цельса» — Оригена ¹⁾, и останавливается только на сравненіи Іисуса Христа съ Аполлоніемъ Тіанскимъ, которое сдѣлалъ Іерокль, заимствовавъ факты изъ біографіи Аполлонія, составленной Филостратомъ. «Я—такъ объясняетъ свою цѣль апологетъ—въ этомъ мѣстѣ не буду изслѣдовать, кто изъ этихъ двоихъ (разумѣются Іисусъ Христосъ и Аполлоній Тіанскій) имѣетъ болѣе права называться Богомъ и совершилъ большія и славнѣйшія чудеса. Я не буду указывать на тѣ пророчества объ Іисусѣ Христѣ, которыя изрекли еврейскіе пророки, вдохновенные Духомъ Святымъ; на то, сколь многихъ Онъ обратилъ къ Себѣ словомъ небеснаго ученія, которое послѣ Него распространялось людьми, готовыми за Него положить жизнь; на то, что Онъ открылъ новый путь жизни, что силою Своего Божества Онъ открылъ Себя Спасителемъ міра, такъ что и доселѣ еще многія тысячи желаютъ почерпать изъ Него, какъ изъ источника небесной премудрости; на то, что Его ученіе

¹⁾ Contr Hier c 11 c p 797

побѣдоносно вынесло всѣ удары и преслѣдованія со стороны царей и народовъ, что силою Его святаго имени мы прогоняемъ нечистыхъ демоновъ, — изъ этого ясно видно, что нельзя даже и сравнивать съ Нимъ Аполлонія Тианскаго... Все это опуская, мы обратимъ вниманіе на біографію Филострата ¹⁾).

Обращаясь къ Филостратову описанію жизни Аполлонія Тианскаго, Евсевій находитъ, что оно содержитъ многія событія,—или прямо нелѣпныя, или противорѣчащія другимъ показаніямъ того же жизнеописанія. Къ числу первыхъ относится напр. сказаніе о томъ, будто прѣдъ рожденіемъ Аполлонія матери его явился морской богъ Протей и объявилъ, что отъ нея родится онъ (Протей); также, будто лебеди при рожденіи Аполлонія служили въ качествѣ повивальныхъ бабокъ ²⁾.—Еще болѣе разсказывается такихъ событій, которыя рѣшительно противорѣчатъ другимъ мѣстамъ той же біографіи. Такъ, въ одномъ мѣстѣ Аполлоній говоритъ о себѣ, что онъ знаетъ всѣ языки, не изучая ни одного ³⁾, а въ другомъ мѣстѣ этой біографіи читаемъ, что онъ, когда ему было 14 лѣтъ, отправленъ былъ отцемъ своимъ въ Тарсъ въ Евтидему Финикійскому учиться словесному искусству ⁴⁾. А въ Индіи этотъ знатокъ языковъ нашелся вынужденнымъ

¹⁾ Contr. Hierogl с 4 l с. p. 801. Филостратъ писалъ эту біографію по просьбѣ императрицы Юліи, жены Александра Севера, которая умерла въ 217 г, слѣдовательно спустя болѣе ста лѣтъ послѣ смерти Аполлонія

²⁾ Ibid с 8 l с. p 809

³⁾ Ibid. с 8. l с p. 809 Филостратъ называетъ Аполлонія *αὐτοδιδακτος* Ibid с. 9.

⁴⁾ Ibid с 9. l с. p 812.

отыскать себѣ переводчика, чтобы имѣть бесѣду съ индійскимъ царемъ Фраотомъ ¹⁾. Далѣе, Филостратъ рассказываетъ, что, когда Фраотъ, отославъ переводчика, началъ разговаривать съ Аполлоніемъ на греческомъ языкѣ, это такъ удивило философа что онъ спросилъ царя, какимъ образомъ тотъ, живя среди варваровъ, научился греческому языку ²⁾. Это противорѣчитъ тому свидѣтельству сей же самой біографіи, что Аполлоній отъ природы былъ одаренъ нѣкоторымъ прозрѣніемъ событій ³⁾. Наконецъ, Филостратъ рассказываетъ, что, когда однажды Веспасіанъ просилъ Аполлонія указать на нѣкоторыхъ изъ своихъ учениковъ, которые могли бы ему быть совѣтниками, то Аполлоній указалъ на Діона и Евфрата, какъ на людей глубокаго ума и высокой добродѣтели, но послѣ, когда между нимъ и Евфратомъ произошло разногласіе, то не было почти преступленій, въ которыхъ бы Аполлоній не обвинялъ Евфрата. Это, также, несовмѣстимо съ глубокимъ знаніемъ людей, которое приписываетъ Аполлонію Филостратъ ⁴⁾.

Всѣ чудеса Аполлонія и чудесныя предсказанія, каково напр. приписываемое ему предсказаніе о моровой язвѣ въ Ефесѣ, суть или обманъ, или должны быть приписаны дѣйствию волшебства; на это указываетъ уже то обстоятельство, что, по свидѣтельству самаго Филострата, онъ не творилъ чу-

1) Ibid. c. 14. l. c. p. 820

2) Ibid. c. 15. l. c. p. 821

3) Ibid. c. 9. l. c. p. 812

4) Ibid. c. 23. l. c. p. 841.

десъ до возвращенія изъ Индіи и Персіи, гдѣ онъ былъ для того, чтобъ изучать мудрость браминовъ и маговъ ¹⁾. Онъ былъ обвиняемъ въ занятіи магіей самими язычниками, какъ напр. Евфратомъ ²⁾; и это было однимъ изъ главныхъ обвиненій, вѣданныхъ на него Домиціаномъ, а іерофантъ въ Аѳинахъ отказался посвятить его въ элевзинскія таинства именно потому, что считалъ его магомъ, находящимся въ сношеніи съ демонами ³⁾.

Накопецъ, къ тому же мнѣнію объ источникѣ чудесъ Аполлонія приводитъ и разсмотрѣніе ихъ, какъ они передаются Филостратомъ. Освобожденіе Ефеса отъ заразы ⁴⁾, есть, если не басня, то, очевидно, демонское обольщеніе. Ибо какое тутъ соотношеніе между вещами, когда моровая язва, которая есть не что иное, какъ поврежденіе воздуха, уничтожается вслѣдствіе убійства старика, который, послѣ того, оказался собакою? и почему одинъ Ефесъ подвергся этому несчастію, между тѣмъ какъ въ окрестныхъ мѣстахъ этой заразы не было? Не ясно ли, что это дѣло демоновъ, служеніемъ которыхъ пользовался Аполлоній вслѣдствіе волхвованія и которыхъ если иногда Аполлоній и изгонялъ, то, какъ говорятъ, при помощи другаго демона ⁵⁾? Что касается воскрешенія нѣкоторой дѣвицы Аполлоніемъ, то и самъ Филостратъ—говоритъ Евсевій—выражаетъ подо-

¹⁾ Ibid. с. 26 I. с. p. 832

²⁾ Ibid. с. 30. I. с. p. 837.

³⁾ Ibid. с. 30. I. с. p. 840

⁴⁾ Ibid. с. 27 I. с. p. 833.

⁵⁾ Ibid. с. 30 I. с. p. 837.

зрѣніе, что, можетъ быть, въ этой дѣвицѣ еше оставалась искра жизни, которая укрылась отъ вниманія мелниковъ, и снова обнаружилась, когда легкій дождь сталъ падать на лице мнимо-умершей ¹⁾). И въ самомъ дѣлѣ, если бы Аполлоній воскресилъ дѣйствительно умершую, то неужели бы не узналъ объ этомъ императоръ и его совѣтники? и неужели бы отдѣлился отъ своего учителя Аполлонія Евфратъ, какъ онъ вскорѣ послѣ того сдѣлалъ?

Въ концѣ своего сочиненія противъ Іерокла, Евсевій опровергаетъ ложное ученіе о судьбѣ, приписываемое Аполлонію Филостратомъ. Опредѣленія судьбы — училъ Аполлоній — такъ неизмѣнны, что человѣкъ, которому напр. определено быть царемъ, непременно получаетъ царство, хотя бы еще живъ былъ тотъ, престолъ котораго онъ занять долженъ. Равнымъ образомъ, кому назначено судьбою быть архитекторомъ, тотъ непременно будетъ имъ, хотя бы у него были отсѣчены объ руки ²⁾). — Евсевій замѣчаетъ, что такое ученіе опровергается самою исторіею Аполлонія. По какому праву Аполлоній унижалъ Евфрата, какъ недостойнаго человѣка и, между тѣмъ, чтилъ Пифагора, тогда какъ го, что они сдѣлали, зависѣло не отъ нихъ, а отъ судьбы? Какъ могъ и какое право имѣлъ Аполлоній отвращать сразу, явившуюся въ Ефесѣ, когда она появилась по опредѣленію судьбы ³⁾? Должно ли удивляться восхваляемой любви къ истинѣ самого Аполлонія, ког-

¹⁾ Ibid

²⁾ Ibid с 43 l. с. p 856.

³⁾ Ibid с 45 l. с. p 861 864

да мудрость его зависѣла не отъ его доброй воли, но есть необходимое опредѣленіе судьбы ¹⁾? Если признать это ученіе о судьбѣ, неизмѣнныя рѣшенія которой управляютъ міромъ, то исчезнетъ всякое различіе между добромъ и зломъ, честностію и порокомъ ²⁾. Когда безусловно дѣйствіями челоука управляетъ судьба, тогда никакая добродѣтель не заслуживаетъ похвалы и награды, никакой порокъ не заслуживаетъ наказанія.

Въ сочиненіи противъ Герокла Евсевій занимается рѣшеніемъ одного частнаго вопроса изъ области христіанской апологетики, именно опроверженіемъ параллели, проведенной Герокломъ между Іисусомъ Христомъ и Аполлоніемъ Тіанскимъ. Онъ не обнаруживаетъ здѣсь той многосторонней учености, того основательнаго знанія свѣтской языческой литературы, которымъ онъ изумляетъ насъ въ другихъ своихъ апологетическихъ трудахъ. За то книга Евсевіева обращаетъ на себя вниманіе новизною предмета; до Евсевія никто еще не предпринималъ попытки въ этомъ родѣ. Апологетъ въ семь трудъ черпаетъ свои доказательства не откуда либо извнѣ, но изъ самаго жизнеописанія Филостратова, которое онъ разбираетъ, словами своего противника пользуется для его опроверженія, а это даетъ особенную цѣну самому труду.

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid с. 46 л. с. р 865.

б) «Евангельское приготовление» (*προπαρασκευὴ εὐαγγελικῆ*)

Несравненно важнѣе, чѣмъ разобранное сочиненіе, два другіе, сохранившіеся до насъ, апологетическіе труда Евсевія Кесарійскаго — «свангельское приготовленіе» и «свангельское доказательство.» Это хотя два отдѣльные самостоятельные труда, но они имѣютъ самую тѣсную связь между собою, составляя какъ будто одно цѣлое. Одна главная мысль — доказать истинность христіанства — ¹⁾ проникаетъ ихъ, раскрываемая только съ разныхъ сторонъ.

Хотя и «свангельское приготовленіе» и «свангельское доказательство» представляютъ систематическое, положительное раскрытіе истины христіанства, тѣмъ не менѣе, они были направлены противъ возраженій и полемическихъ писаній Порфирія. Это ясно доказываютъ многочисленныя цитаты изъ этаго писателя, которыя апологетъ приводитъ частію съ цѣлію опроверженія мыслей, заключающихся въ нихъ самихъ, частію дабы поражать ими ненавистное язычество. Посему, для лучшаго пониманія апологетическихъ трудовъ Евсевія, не бесполезно познакомиться прежде съ Порфиріемъ и его дѣятельностію противъ христіанства.

Порфирій жилъ въ половинѣ III вѣка. Сдѣлавшись противникомъ христіанства не столько, впрочемъ, по привязанности къ языческой религіи, сколь-

¹⁾ Гаер Ev. I. I. c. I in Patr. Curs. Comp. i. 21. p. 24.

ко по неприязни къ христіанству, по опасенію видѣть христіанство, «отродіе—какъ оныъ называлъ— невѣжественнаго іудейства», торжествующимъ на разваинахъ эллинской мудрости, принимающимъ роль просвѣтителя рода человѣческаго, ¹⁾ Порфирій, прежде всего, позаботился защитить язычество отъ нареканій въ безсмыслии и ложности, въ которыхъ его урекали христіане. Съ этою цѣлію оныъ написалъ очень часто цитуемое Евсевіемъ, сочиненіе «Философія оракуловъ» (*περὶ τῆς ἐκ λογίων φιλοσοφίας*), представляющее сводъ различныхъ изреченій оракуловъ, трактатъ «объ изображеніяхъ боговъ» (*περὶ ἀγαλμάτων*) и т. п. ²⁾ Затѣмъ Порфирій перешелъ къ болѣе прямымъ и открытымъ нападеніямъ на христіанство. Главнымъ его сочиненіемъ въ этомъ родѣ были «пятнадцать книгъ противъ христіанъ» (*κατὰ χριστιανούσ λόγοι ιε'*). Въ этомъ сочиненіи, написанномъ около 270 года, «сеиъ врагъ христіанства», ³⁾ не повторяя различныхъ обвиненій и ходячихъ клеветъ на христіанство, старался подорвать божественное достоинство его посредствомъ критическаго разбора источниковъ его вѣроученія—священныхъ книгъ, и показать, что его ученіе вовсе не выше и не чище языческаго. Трудъ Порфирія не дошелъ до насъ, истребленный въ то время, когда думали довершить побѣду христіанства уни-

¹⁾ Chastel: Histoire de la destruction du paganisme dans l'empire d'Orient, Paris, 1850 p. 110.

²⁾ Köllner: I c p. 192—204

³⁾ „Ὁ τῆν ἡμῶν συσλευτὴν πεποιημένος. какъ называетъ его Евсевій, Praep. Evang. V, 5 in Patr. Curs. Compl. t. 21. p. 328.

чтоженіемъ писаній его прогивниковъ. Но указанія церковныхъ писателей, какъ-то Евсевія, Феодорита, Іеронима, Августина, сохранившихъ въ своихъ апологетическихъ писаніяхъ немногіе отрывки изъ его сочиненія, даютъ возможность составить нѣкоторое приблизительное понятіе о направленіи и содержаніи этого труда.

Критика Порфирія касалась многихъ, можетъ быть, даже всехъ книгъ Св. Писанія, какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завета. Въ 4-й книгѣ своего труда Порфирій занимался исторіею еврейскаго народа, или, какъ выражается Евсевій, хулилъ Моисея и Пророковъ. ¹⁾ Вѣроятно, онъ здѣсь опровергалъ положеніе христіанъ, что Моисей и Пророки древнѣе греческихъ мудрецовъ. Такъ можно заключать изъ того, что Евсевій именно подобное мнѣніе имѣеть въ виду въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ старается доказать древность Моисея. ²⁾ Въ 12 книгѣ Порфирій опровергалъ предсказанія Давіила и подлинность его пророчествъ, предсказанія сего же пророка онъ разбиралъ и въ 13 й книгѣ. ³⁾ По свидѣтельству Блаженнаго Іеронима, Порфирій утверждалъ, что книга извѣстная подъ именемъ Давіила, написана не Давіиломъ, но неизвѣстнымъ авторомъ, жившимъ во времена Антиоха Елифана и содержащая не пророчества, а исторію. ⁴⁾

Подобному критическому разбору подвергалъ Пор-

¹⁾ Praef. Ev. X, 9 | с. p. 808.

²⁾ Tschirner, I с. p. 568.

³⁾ Conf. ibid.

⁴⁾ Praef. in Daniel in opp. t. III p. 1071

Фирій и Новый Заветъ, — какъ евангелія, такъ и Дѣянїя и посланїя апостольскїя. Такъ на основанїи Матѳ. 9,9, гдѣ говорится, что Матѳеѣй тотчасъ послѣ призванїя Господомъ сдѣлался Его послѣдователемъ, Порфирій обвинялъ апостоловъ въ легкомыслїи и неразумїи, потому что они тотчасъ слѣдовали за незнакомымъ человѣкомъ; если же не такъ,—говорить онъ—то нужно допустить обманъ въ евангелїистъ. ¹⁾ Такъ онъ объяснялъ, что смерть Ананїи и Саифиры (Дѣян. 5 гл.) произошла отъ заклинанїи Петра, представляя апостола чѣмъ-то въ родѣ мага. ²⁾ Особенно старался онъ обратить противъ христіанъ мѣсто въ посланїи къ Галатамъ 2,9. Цѣлю его было, при разборѣ этаго мѣста, обвинить Апостола Петра въ заблужденїи, Павла въ дерзости, представить этихъ первоверховныхъ Апостоловъ въ непримиримомъ разногласїи, а такимъ образомъ обратить на самихъ христіанъ упрекъ въ разномыслїи и противорѣчїи, который ставили христіане языческимъ философамъ. ³⁾

Мы не будемъ приводить другихъ возраженїй Порфирїя противъ христіанства и христіанскихъ священныхъ книгъ. Въ числѣ ихъ не мало пустыхъ, мелочныхъ придирокъ. Таковъ напримѣръ упрекъ Іисусу Христу въ непостоянствѣ, по поводу того, что Онъ не хотѣлъ сначала идти на праздникъ въ

¹⁾ Hieron opp t IV p 30

²⁾ Ibid p 792, ep ad Demetr Conf Kellner, I c p 216.

³⁾ Hier opp t IV p 622; conf Tschirner, I c p 566; Kellner. I c p 216

Иерусалимъ, а потомъ пошелъ (Ев. Іоан. 7 гл.) ¹⁾; таковъ упрекъ евангелистамъ въ томъ, что они озеро геннисаретское называютъ моремъ. ²⁾ Но иногда Порфирій поднималъ вопросы серьезные и глубокіе. Весьма немногіе изъ противниковъ христіанства, при столь глубокомъ нерасположеніи къ нему и замѣчательномъ остроуміи, обладали столь обстоятельнымъ знакомствомъ съ системою христіанскаго вѣроученія и христіанскими священными книгами, какимъ обладалъ Порфирій. Поэтому не удивительно, что сочиненіе его вызвало цѣлый рядъ отвѣтовъ со стороны христіанскихъ учителей. ³⁾ Особенно славилась сочиненія противъ Порфирія Меодія Тирскаго, Евсевія Кесарійскаго и Аполлинарія Лаодикійскаго. Но ни писанія сихъ христіанскихъ учителей, ни другихъ, писавшихъ прогнвъ Порфирія, до насъ не дошли. Обращаемся къ «евангельскому приготовленію» и «евангельскому доказательству» Евсевія Кесарійскаго.

Что «евангельское приготовленіе» и «евангельское доказательство», написанныя къ одному и тому же лицу, нѣкому Θεодоту, ⁴⁾ появились въ одно почти время, — въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. ⁵⁾ Несомнѣно, притомъ, что они изданы прежде Ни-

¹⁾ Hieron. opp t IV p 524; conf. Tschirner, l. c. p 578

²⁾ Hieron opp t II p 509; conf. Kellner, l c p 215

³⁾ Werner, Geschichte der apol. und polem. Literatur Schaffhausen 1861 p 212.

⁴⁾ Praep Ev 1, l. I c p 24; Dem Ev proem l c. p 13 Этотъ Θεодотъ былъ, вѣроятно, епископъ лаодикійскій, упорный арианистъ, см Euseb II F VII, 32, Theodor II E 1,5; conf Селье, l c p 227

⁵⁾ Haenell De Eusebii Caesareensis apologeticis, p 69

кейскаго собора. ¹⁾ Но опредѣлить точнѣе время ихъ появленія весьма трудно. Одни изъ изслѣдователей, какъ Гэнселль, ²⁾ предполагал, что оба эти сочиненія написаны Евсевіемъ ранѣе, чѣмъ «выборъ изъ пророчествъ» (*ἐκλογαὶ προφητικαὶ*), происхожденіе того и другаго относятъ къ первому десятилѣтію IV вѣка. Это подтверждается какъ будто тѣми словами «евангельскаго доказательства», въ которыхъ говорится, что «цари и народы не перестали еще возставать противъ Христа и Его ученія», ³⁾ что христіанъ не перестали еще влачить на судилища, на которыхъ они осуждались за одно имя, хотя бы не были виновны ни въ чемъ другомъ»; ⁴⁾ въ этихъ словахъ, по видимому, указывается на гоненіе Діоклетіана. Другіе, напротивъ, полагаютъ, что указанные анологетическіе труды Евсевія появились около 313 года. ⁵⁾ Основаніемъ для этого мнѣнія служатъ слова 6-й книги «евангельскаго доказательства», въ которыхъ говорится, что «въ царствѣ римскомъ не только египтяне, — люди самые суевѣрные, но и всѣ другіе, какъ бы сдерживаемые уздою, не могутъ и не смѣютъ злословить церковь Спасителя» ⁶⁾ въ этомъ видятъ указаніе на міръ, которымъ наслаждалась церковь, благодаря миланскому эдикту 312 года. Можетъ быть, и очень въ-

¹⁾ Ibid, conf Schaff: Kirchen-Geschichte, Leipzig 1867 p 1129

²⁾ L c p 69

³⁾ Dem Ev IV, 16 l c p 308

⁴⁾ Ibid III, 5 l c p 213.

⁵⁾ Селье: l c t IV p 226

⁶⁾ Dem Ev IV, 20, l c p 476

роятно, что оба труда Евсевія задуманы были давно, но составлялись не вдругъ и нѣкоторыя части оныхъ были написаны во время преслѣдованія, другія послѣ онаго. ¹⁾ Разсмотримъ главныя мысли, заключающіяся въ этихъ трудахъ.

«Евангельское приготовленіе», состоящее изъ 15 книгъ, служитъ какъ бы введеніемъ въ изслѣдованіе. Цель его—доказать что христіане имѣли право отвергнуть религіозное ученіе Грековъ, по причинѣ его безсмыслія, и послѣдовать богодарованной религіи Евреевъ. Въ краткомъ предисловіи, защищая христіанство отъ нѣкоторыхъ упрековъ со стороны язычниковъ, Евсевій говоритъ: несправедливо утверждаютъ нѣкоторые противники христіанства, будто христіане не могутъ своего ученія подтвердить доказательствами и требуютъ безусловной вѣры въ то, что они проповѣдуютъ. Послѣдователи Христа имѣютъ твердыя доказательства своей вѣры и готовы состязаться съ противниками ихъ ученія; они, какъ устно, такъ и письменно, вступаютъ въ разсужденія съ желающими узнать и изучить оное. Но они не прибѣгаютъ, подобно языческимъ мыслителямъ, къ тонкимъ философскимъ или діалектическимъ доказательствамъ истинности своихъ выраженій, христіанская религія не нуждается въ такихъ доказательствахъ, какъ ясно выражался еще Апостоль Павелъ (1 Кор. 2, 4; 2 Кор. 3, 5); ея истинность и божественное происхожденіе доказываются самымъ дѣломъ, — тѣми дѣйствіями

¹⁾ Селье: I. c. t. IV. p. 227

ми, которая она производитъ въ своихъ послѣдователяхъ ¹⁾

Всякому желающему знать основанія ея, христіанская вѣра можетъ дать вполне удовлетворительный отвѣтъ. Но не все ищутъ разсудочныхъ доказательствъ ея истинности и способны понимать ихъ; большинство принимаетъ христіанство на вѣру, не испытывая тѣхъ основаній, на которыхъ опирается ея истинность. Что же? Не замѣчается ли въ томъ достоинство христіанской вѣры, что она каждому можетъ дать годную пищу? и что въ этомъ необыкновеннаго? Весь родъ человѣческій держится вѣрою и надеждою. Такъ больные, хотя и не знаютъ сами, какимъ образомъ предписанныя врачомъ лекарства могутъ принести имъ пользу, однако, довѣряя его знанію и искусству, принимаютъ ихъ. ²⁾

Послѣ этого предисловія Евсевій приступаетъ къ критикѣ язычества. Три вида теологіи—по замѣчанію апологета — можно различать въ язычествѣ. Первый видъ, который онъ называетъ теологіею мифовъ (*εἶδος μυθικὸν θεολογίας*), представляютъ соблазнительныя басни, которыя измыслили о богахъ языческіе поэты. Таково сказаніе о томъ, что Сатурнъ пожралъ собственныхъ дѣтей и потомъ снова извергнулъ; таково сказаніе, что Зевсъ любодѣйствовалъ съ своею матерію и потомъ женился на дочери, рожденной отъ этого незаконнаго сожи-

¹⁾ Praep. Ev. 1, 3 l. c. p. 29 sqq

²⁾ Ibid. 1, 5 l. c. p. 44 sqq

тія. Сказанія эти составляютъ сущность религіозныхъ представленій всѣхъ знаменитыхъ языческихъ народовъ. Но какъ во всѣхъ этихъ басняхъ нѣтъ ничего, кромѣ нелѣпостей и безсмыслія, то они должны только отвращать отъ себя всякаго благо-разумнаго и благороднаго челоуѣка. Вѣра въ нихъ, дѣйствительно, давно уже и исчезла; ее можно раз-вѣ находить у невѣжественныхъ массъ, но отнюдь не у образованныхъ людей. ¹⁾

Второй видъ теологіи языческой представляетъ естественная теологія философовъ (*εἶδος φυσικόν*). Такъ называетъ Евсевій то превращеніе миѳологіи въ философскія идеи, безъ всякаго религіознаго со-держанія, то превращеніе боговъ и ихъ дѣятельно-сти въ простое олицетвореніе силъ природы, ко-торое совершено было неоплатониками, особенно Порфиріемъ. Какъ ни утонченны такія объясненія миѳовъ, они ни мало не могутъ оказать помощи дѣлу язычества, потому что въ самомъ существѣ своемъ суть ложь. Для древнихъ имѣлъ значеніе одинъ прямой, буквальный, историческій смыслъ; они и не грезили никогда о подобныхъ толковані-яхъ. Порфирій приписываетъ на примѣръ Орфею понятіе о духовности міроправителя, между тѣмъ изъ приведенныхъ самимъ Порфиріемъ стиховъ Ор-фея видно, что ему совершенно чужда была мысль о чистой духовности Божества, равно какъ и пред-ставленіе о премірномъ Богѣ. Противорѣчія, въ ко-торыхъ запутался Порфирій при своихъ объясне-

¹⁾ Ibid 1, 6—10; II. 1 с. р. 48. sqq.

нiяхъ, ясно показываютъ недостаточность его аллегорическихъ объясненiй. Если даже допустить справедливость объясненiй Порфирiя, признать въ мифологiи символическiй смыслъ, то язычество не оказывается ли все-таки грубымъ идолопоклонствомъ, потому что въ немъ подъ образомъ боговъ и богинь олицетворяются солнце, луна и проч.? Не отвратительно ли обоготворенiе всего того, что служитъ человѣку для употребленiя и наслажденiя, — всякаго рода животнѣхъ и растенiй? Не возмутительно ли обоготворенiе грѣшныхъ проявленiй чувственности, олицетворяющихся въ видѣ сатировъ и другихъ подобныхъ существъ? — Наконецъ, объясненiя, которыя даетъ Порфирiй мифамъ о богахъ, противорѣчатъ ясно тѣмъ свидѣтельствамъ, которыя сами боги, или лучше сказать, демоны, дали о себѣ въ оракулахъ; они ясно говорятъ о своихъ родителяхъ, о рожденiи и другихъ событiяхъ своей жизни, а это показываетъ, что они суть конкретныя, индивидуальныя существа, а не безличныя, слѣпыя силы природы. ¹⁾

Съ особенною подробностiю разсуждаетъ Евсевiй о третьемъ видѣ теологiи языческой, который онъ называетъ «*ἔιδος θεολογίας πολιτικὸν καὶ νομικὸν*», то-есть объ оракулахъ и вообще выраженiи теологiи въ гражданскомъ законодательствѣ и общественной жизни. Оракулы и весь языческiй культъ — разсуждаетъ апологетъ — ясно отвергнуты и изобличены въ своей лживости и Богомъ и самою языческою

¹⁾ Praep. Ev. III 1 с. р. 153 sqq; conf. Werner, I с. р. 214—219

образованностию. Извѣстно, что замѣчательнѣйшія святилища язычниковъ, какъ храмы дельфійскій и капитолійскій, святилище Весты, знаменитый александрійскій серапеумъ истреблены и превращены въ пепель частію молніей, частію пожарами. ¹⁾ Извѣстно, также, что перипатетики, циники и эпикурейцы не скрывали своего невѣрія въ оракулы; а тѣ образованные язычники, которые, какъ Порфирій, стараются ихъ оправдать, впадаютъ въ рѣшительныя противорѣчія; и это совершенно естественно. Что, въ самомъ дѣлѣ, даетъ уваженіе оракуламъ и всему языческому культу? Вѣра въ то, что отвѣты оракуловъ суть подлинныя изреченія боговъ? Но эти отвѣты обязаны своимъ происхожденіемъ не богамъ, какъ думаютъ язычники, а жрецамъ. Язычники поражаются ихъ мѣткостию; но что удивительнаго, если избѣщенные своими шпионами о причинахъ, которыя каждаго приводили къ оракулу, прорицатели давали отвѣты, сообразныя съ тѣмъ, о чемъ ихъ спрашивали? Что удивительнаго, если люди, обладающіе политическою мудростию, иногда давали совѣты полезныя и спасительныя? Притомъ, кто не знаетъ, что они, обыкновенно, излагали свои отвѣты въ стихахъ, которыхъ темный образъ выраженія давалъ возможность впадать въ нихъ различныя смыслы? ²⁾

Если инныя изреченія оракуловъ—не обманъ, то ихъ происхожденіе должно приписать злымъ ду-

¹⁾ Ibid IV, 2 l. c. p. 236 sqq; conf. Werner, l c p. 219.

²⁾ Ibid IV. 1—2. l. c p. 229 sqq

хамъ или демонамъ, воспользовавшимся идолами, или прорицателями, какъ своимъ орудіемъ. Точно также злымъ демонамъ обязаны своимъ происхожденіемъ принесеніе въ жертву людей и многіе другіе безчеловѣчные и безнравственные обряды богослуженія. Если и людямъ мудрымъ и благороднымъ противны подобныя жестокости и безстыдства въ обыкновенной жизни, и воспрещаются законами, то тѣмъ болѣе подобныя дѣйствія должны быть противны добрымъ силамъ—Богу и добрымъ демонамъ. ¹⁾ Не даромъ стараются прорицатели и гадатели тайною прикрывать то, что у нихъ происходитъ.

Какъ отлично отъ этихъ нелѣпостей языческой религіи ученіе Евреевъ! Въ немъ ясно утверждается, что Богъ есть Творецъ неба и земли и всего, что въ нихъ находится, что воля его всемъ управляетъ, что человекъ созданъ по образу Божию и предназначается къ уподобленію Богу и блаженному общенію съ Нимъ; что онъ созданъ былъ первоначально добрымъ, но потомъ палъ, вслѣдствіе злоупотребленія своею свободой, что для него необходимо возстановленіе въ первоначальное состояніе невинности, святости и богоподобія и проч. Можно ли сравнивать эти возвышенныя идеи съ нелѣпыми ученіями языческой религіи ²⁾?

Взглядъ на ходъ греческой философіи и всей, вообще, древней образованности приводитъ апологета

¹⁾ Ibid

²⁾ Ibid VII VIII. l c p 508 sq

къ тѣмъ же заключеніямъ о безконечномъ превосходствѣ религіознаго ученія Евреевъ, какъ и разсмотрѣніе религій языческихъ. Со времянь Іустина мученика всѣ христіанскіе апологеты ставили своею задачею доказать, что всѣ лучшія и наиболее правильныя религіозныя понятія Грековъ и другихъ образованныхъ народовъ древности почерпнуты ими изъ источника еврейскаго откровеннаго ученія ¹⁾. Но никто не разрѣшилъ эту задачу такъ полно, какъ Евсевій, посвятившій вопросу объ отношеніи греческой образованности къ религіозному ученію Евреевъ цѣлыя 7 книгъ своего «евангельскаго приготовленія».

Религіозное ученіе евреевъ, столь возвышенное и истинное, ихъ священныя обряды во всѣ времена были извѣстны просвѣщеннымъ мужамъ древней Греціи. Евреи всегда считались отъ знаменитѣйшихъ изъ Еллиновъ за народъ высоко-образованный, и особенно отличающійся глубокою религіозностію, а ихъ нравы, обычаи и установленія — достойными всякаго вниманія и уваженія. Доказательствомъ служатъ многочисленныя свидѣтельства самихъ языческихъ писателей. Теофрастъ, котораго слова приводитъ Порфирій, говоритъ, что язычники едва ли приносили жертвы съ такимъ благоговѣніемъ, какъ сирійскіе Іудеи. Историкъ Мегасѣенъ, котораго мнѣніе приводитъ Климентъ Александрійскій, говоритъ прямо: «что знали и проповѣдывали древніе о народѣ, — это извѣстно, также, браманамъ въ Индіи и

¹⁾ Werner, I с. р. 358.

Иудеямъ въ Сирію¹⁾. Не менѣе извѣстна была язычникамъ исторія еврейскаго народа и его знаменитыхъ мужей. Въ писаніяхъ знаменитыхъ язычниковъ можно находить безчисленныя сказанія не только о потоцѣ, столпотвореніи, но и о патріархахъ народа еврейскаго—Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Моисей и проч.²⁾

Но этого мало; Евреи, которыхъ такъ уважали всѣ просвѣщенные мужи древней Греціи и такъ презираютъ теперь ихъ горделивыя потомки, должны быть, по справедливости, причислены къ тѣмъ народамъ, отъ которыхъ Греки заимствовали всѣ свои искусства, знанія, учрежденія. Греки, такъ гордящіеся своею образованностію и отвергающіе религію Евреевъ, какъ варварскую, ничего, однако, не изобрѣли сами, но все заимствовали отъ другихъ народовъ, считаемыхъ ими за варваровъ, особенно отъ Евреевъ. Если припомнить, что исторія и памятники письменности Евреевъ предваряютъ не только цвѣтуцій періодъ греческой цивилизаціи, но даже и историческое существованіе греческаго народа³⁾, если принять во вниманіе дошедшіе отъ древности извѣстія о путешествіяхъ нѣкоторыхъ мудрецовъ еллинскихъ въ Сирію и смежныя страны, и уваженіи ихъ къ учрежденіямъ евреевъ, то эта мысль является весьма естественной. Но она имѣетъ и болѣе твердыя доказательства.

Сами писатели греческіе свидѣтельствуютъ, что

¹⁾ Граер. Ев. IX 1 с. р. 680 sqq.

²⁾ Ibid

³⁾ Граер. Ев. X, 1 1 с. р. 765.

не только ихъ знаменитѣйшіе мудрецы и философы были, по происхожденію, большею частію, не Греки, или по крайней мѣрѣ, заимствовали отъ чуждыхъ народовъ свои познанія, но увѣряютъ, что и то, что служитъ для употребленія и удобствъ жизни, заимствовано греками отъ древнѣйшихъ образованныхъ народовъ, таковы Порфирій, Діодоръ Сицилійскій и др. 1).

Еще болѣе истинность этой мысли о заимствованіи греками своей образованности отъ Евреевъ Евсевій подтвердилъ сравненіемъ священныхъ писаній Моисея съ ученіемъ греческихъ мыслителей. Кто, при этомъ, не замѣтилъ бы, поразительнаго сходства у Моисея съ лучшими греческими мыслителями, особенно съ величайшимъ изъ нихъ—Платономъ, сходства, простирающагося даже до согласія въ выраженіяхъ? Какъ свящ. Писаніе признаетъ Бога непостижимымъ для человѣка, такъ и Платонъ, согласно псалму XXXV, 19, учитъ, что Бога можно постигнуть человѣку только при помощи озаренія свыше. Какъ Писаніе признаетъ въ Богѣ другое начало, отличное отъ перваго, которое оно называетъ Словомъ и Мудростію, такъ и Платонъ говоритъ о Логосѣ, котораго онъ называетъ *θεϊότατος*. Какъ Моисей признаетъ безсмертіе души, когда говоритъ, что она есть дыханіе Вседержителя и образъ Его и утверждаетъ, что человѣкъ поставленъ господиномъ надъ земными тварями, такъ и Платонъ, сходно съ этимъ

1) Граер Ев X I с р 765 sqq Евсевій указываетъ, что и алфавитъ греческій произошелъ отъ еврейскаго.

утверждаетъ, что душа человѣческая, по существу своему, вѣчна и безсмертна. Какъ Моисей утверждаетъ, что міръ сотворенъ всемогуществомъ Божиимъ, такъ и Платонъ называетъ Бога Отцемъ всего. Какъ Моисей училъ свой народъ умеренности, почитенію къ родителямъ и проч., такъ и Платонъ. Пророкъ Іезекіиль въ одномъ мѣстѣ XXII, 18, сравниваетъ домъ Израилевъ со сплавомъ изъ желѣза, олова, мѣди, свинца и серебра; у Платона, также, встрѣчается сравненіе членовъ государства съ благородными и неблагородными металлами. Это сходство ветхозавѣтнаго ученія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ съ выводами греческой философіи ясно указываетъ на еврейское откровеніе, какъ на первоисточникъ всѣхъ здравыхъ религіозныхъ и нравственныхъ идей ¹⁾.

Но спрашивается: почему бы христіанамъ, при этомъ сходствѣ ученія Платона съ ученіемъ Моисея, не слѣдовать ученію Платона? Не приличнѣе ли было бы Грекамъ по происхожденію оказывать предпочтеніе греческимъ мыслителямъ?

Дѣло въ томъ, что ученіе и учрежденія Моисея—божественнаго происхожденія и потому всюду носятъ печать истины, ученіе же Платона, какъ и вообще ученіе всякаго другаго философа, отнюдь не свободно отъ заблужденій. Мы не найдемъ у него почти ни одного положенія, которое не имѣло бы примѣси лжи и заблужденія, ибо только изреченія и откровенія Господа—*слова чиста, серебро раз-*

¹⁾ Praep. Ev. XI. XII. 1 c. p. 845.

женно, искушено земли, очищено седмерицею (Пс. XI, 7). Не говоря уже о снисходительности Платона къ народной вѣрѣ, въ самыхъ его философскихъ ученiяхъ не мало положенiй, которыя, рѣшительно, не могутъ быть одобрены. Такъ онъ признаетъ бытiе чисто-духовныхъ существъ, кромѣ Бога, — существъ, не сотворенныхъ изъ ничего, но составляющихъ истеченiе и разрѣшенiе перваго и втораго пачала. Такъ онъ, хотя, согласно съ Евреями, учитъ о безсмертiи души человѣческой, но утверждаетъ, что она состоитъ изъ двухъ частей — духовной и чувственной; утверждаетъ, что звѣздамъ должно быть воздаваемо особенное поклоненiе, допускаетъ общенiе жень, педерастiю и проч. ¹⁾). Другiе греческiе писатели выражали еще болѣе странныя воззрѣнiя.

Притомъ, кто не знаетъ, что ученiя философовъ представляютъ одну борьбу мнѣнiй, совершенно различныхъ и противоположныхъ между собою! «Есть ли хоть одно философское мнѣнiе — говорить самъ Порфирiй — которое бы не оспаривалось философами другой школы? — потому что аксиомы, самыя очевидныя, казались извѣстнымъ философамъ подозрительными и сомнительными» ²⁾). Нужно ли еще доказательствъ несостоятельности этихъ мнѣнiй ³⁾?

¹⁾ Ibid. XIII. 1 с. p. 1060.

²⁾ Ibid. XIV, 10. 1 с. p. 1220.

³⁾ «Несправедливо было бы — приведемъ здѣсь замѣчанiе св. Кирилла Александрийскаго — указывать, какъ на подобное явленiе, на несогласiя, ереси и расколы у христіанъ. У христіанъ всѣ свящ. писатели, которыхъ писанiя составляютъ источникъ христіанскаго вѣроученiя, согласны между собою. А если потомъ, не понявъ истинъ, завѣщанныхъ имъ предками, уклонились отъ нихъ, то развѣ виноваты въ томъ послѣдiе?»
Contr. iul 1, 29. Edit. Aub.

Такъ какъ религіи языческія представляютъ одни нелѣпости, а философскія системы, при очевидныхъ несообразностяхъ, крайне не согласны между собою, что прямо заставляетъ отрицать ихъ истинность, то само собою разумѣется, что они не могутъ служить руководительнымъ началомъ для вѣры и жизни. Какъ ни утончать религіозныя понятія язычества, какъ ни соглашать противорѣчивыя ученія философовъ, всегда они будутъ оказываться недостаточными. Лишь христіанское ученіе въ состояніи удовлетворить ищущую религіознаго успокоенія душу, и христіане совершенно правы, оставляя язычество и принимая ученіе Моисея и Пророковъ, предварившихъ и предвозвѣстившихъ явленіе Христа и христіанское ученіе.

При самомъ поверхностномъ обзорѣнн «евангельскаго приготовленія», нельзя не замѣтить, что оно, въ строгомъ смыслѣ, мало относится собственно къ апологетикѣ. Постоянныя цитаты изъ языческихъ поэтовъ, философовъ, историковъ, приводимыя, иногда, почти безъ всякаго объясненія и примѣненія къ главной задачѣ, дѣлаютъ его, скорѣе, какимъ то разсужденіемъ о языческихъ культахъ и появившихся въ то время объясненіяхъ ихъ, чѣмъ, собственно, апологетическимъ трудомъ ¹⁾. Но, какъ сборникъ матеріаловъ, «евангельское приготовленіе»—сочиненіе драгоцѣнное. По истинѣ, нельзя не изумляться той глубокой учености и тому глубокому знанію древней языческой литературы, какое обнаружили въ этомъ трудѣ Евсевій. Какое множе-

¹⁾ См. Гэнеля: I. с. р. 18. 19.

ство драгоценныхъ отрывковъ изъ языческихъ писателей приводитъ онъ, частію, въ доказательство безсмыслія языческаго культа, частію, въ доказательство того, что и лучшіе изъ языческихъ мыслителей сознавали неудовлетворительность его и недостаточность философіи! Не удивительно, что такое сочиненіе служило источникомъ для послѣдующихъ апологетовъ, которые все относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ.

с) ЕВАНГЕЛЬСКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО (*εὐαγγελικὴ ἀπόδειξις*).

Какъ въ «евангельскомъ приготовленіи» все направлено къ раскрытію основаній, по которымъ христіане отвергли ученіе древнихъ Еллиновъ и послѣдовали религіозному ученію Евреевъ, такъ главная задача «евангельскаго доказательства» состоитъ въ томъ, чтобы отвѣтить на вопросъ: почему же христіане, слѣдуя ученію евреевъ, не соблюдаютъ обрядовыхъ постановленій закона Моисеева и положительнымъ образомъ доказать истинность и божественное достоинство христіанства.

Причина, почему христіане отвергаютъ обрядовыя предписанія закона Моисеева, не смотря на его божественное происхожденіе, заключается въ его временномъ и національномъ значеніи. Богъ открылъ Аврааму, что все народы «о немъ» т. е. почитая Бога такъ, какъ онъ, благословятся. Если бы Моисей заповѣдалъ такіе законы, которые были у Авраама и другихъ, жившихъ до него патріарховъ, то Моисеевъ законъ былъ бы совершенно достаточенъ и не было бы нужды въ другомъ. Но въ томъ то

и дѣло, что онъ примѣненъ былъ къ однимъ іудеямъ, да и притомъ, лишь къ тѣмъ, которые жили въ Іудеѣ ¹⁾).

Моисей заповѣдалъ каждому Еврею приходиться въ Іерусалимъ трижды въ годъ, въ три великіе праздника—Пасху, Пятидесятницу и праздникъ Кущей, вмѣстѣ съ семействомъ. Кроме того, установлено было являться еще при нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ: женщины должны были являться туда послѣ родовъ для очищенія; тѣ, которые впали въ какой либо грѣхъ—хотя бы то былъ грѣхъ невѣденія—чтобы загладить оный жертвою. Но могли ли эти предписанія быть исполнены тѣми іудеями, которые жили вдали отъ Іерусалима, разсыянные по всемъ концамъ земли? Могли ли быть исполнены къмъ либо по разрушеніи Іерусалима и храма Римлянами ²⁾? А между тѣмъ Моисей изрекаетъ проклятiе тѣмъ, которые преступятъ хоть одну черту или iоту изъ закона. Отсюда ясно усматривается необходимость прекращенія сего закона, и нужда замѣненія его новымъ завѣтомъ Бога съ людьми.

Виновникъ и Провозвѣстникъ новаго закона есть Іисусъ Христосъ. Онъ есть истинный Законодатель, предсказанный Моисеемъ (Втор. XVIII, 15), потому что никто изъ древнихъ пророковъ не издавалъ новыхъ законовъ, но всѣ почивали на Моисеѣ и къ сохраненію его законовъ всѣхъ призывали. Поелику Христосъ пришелъ не разрушить законъ, но исполнить (Матѳ. V, 17), то Онъ, проповѣдуя новый за-

¹⁾ *Demonst Ev 1 1 c. 2 in Patr Curs Compl t. 22 p. 28.*

²⁾ *Ibid 1, 3 sqq; особено 1, 6 l. c. p. 57 sqq.*

конь, прежде Самъ совершенно исполнилъ законъ Моисеевъ, частію исполняя то, что онъ предписываетъ, частію осуществляя на самомъ дѣлѣ пророчества о Его Лицѣ. Если бы онъ осуждалъ Вѣтхій Заветъ, то кто бы повѣрилъ, что Онъ есть Законодатель, предсказанный Моисеемъ и пророками? Напротивъ, исполнивъ ихъ предреченія Онъ этимъ самымъ удостовѣрилъ въ своемъ божественномъ достоинствѣ ¹⁾).

Хотя христіанская религія, замѣнившая собою законъ Моисеевъ, называется Новымъ Заветомъ, но она существовала уже до Моисея. Она есть религія древнихъ патріарховъ, въ продолженіи долгаго времени остававшаяся въ забвеніи, но потомъ возстановленная Христомъ ²⁾). Справедливость этого ясно обнаруживается при точномъ ихъ сравненіи. Какъ религія христіанская, такъ и религія патріарховъ есть почитаніе Единого Бога. Патріархамъ присуще было вѣденіе и о Слово Божіемъ, которое мы называемъ Христомъ и Которому воздаемъ божественное почитаніе. Равно и образъ жизни совершенно сходенъ у христіанъ и у древнихъ патріарховъ. Ибо и патріархи, какъ христіане, не наблюдали ни воздержанія отъ мясъ нѣкоторыхъ животныхъ, ни обрѣзанія (до Авраама), ни другаго какого либо обрядоваго предписанія Моисеева. Іовъ уже исполнялъ на дѣлѣ заповѣди евангельскія, плача съ плачущими, помогая сиротамъ и вдовицамъ, одѣвая нищихъ,

¹⁾ Dem Ev. I 1 с 3—4 l. с p. 28. sqq.; с. 7. l с p 69. sqq

²⁾ Ibid 1, 2. p. 24 и въ друг. мѣст. Ср. Евсевія: Церк. Ист. 1, 4.

полагая свое счастье не въ обладаніи земными благами, но въ дѣлахъ добродѣтели. ¹⁾

При всемъ сходствѣ, религія христіанъ и религія патріарховъ имѣютъ между собою двѣ немаловажныя разности: а) христіане, стремясь къ высшему нравственному совершенству, воздерживаются отъ супружества; между тѣмъ патріархи имѣли по нѣскольку женъ и объ умноженіи потомства прилагали особенное попеченіе; б) патріархи приносили животныхъ въ жертву Богу; христіанамъ такія жертвы воспрещены.

Что касается первой разности, то она объясняется такъ. Патріархамъ нужно было имѣть женъ, дабы населить недавно сотворенный міръ; не имѣя никакихъ другихъ заботъ, кромѣ заботъ о своемъ семействѣ, каждый изъ нихъ непрестанно могъ прилежать со всемъ семействомъ дѣламъ благочестія. Они заботились объ умноженіи потомства, дабы сохранилось истинное благочестіе, дабы въ виду умноженія нечестивыхъ, умножались и тѣ, которые могли бы людей развращенныхъ учить благочестію. Совершенно въ иныхъ условіяхъ находятся теперь христіане. Для нихъ бракъ былъ бы скорѣе препятствіемъ къ благочестію и нравственному усовершенствованію. Имъ не нужно заботиться объ умноженіи потомства; ибо язычники толпами переходятъ въ церковь Христову, соревнуя другъ другу въ желаніи узнать религію Христову; притомъ христіане знаютъ, что скоро наступитъ конецъ міра. Впро-

¹⁾ Dem Ev 1, 5—6 Ср Praep Ev VII, 6 sqq. in Patrol Curs Comtpl. t. 21. p 516 sqq.

чемъ, евангеліе не запрещаетъ вступать въ бракъ; но только Апостолъ Павелъ требуетъ, чтобъ избираемый во епископа, былъ изъ едиобрачныхъ, подобно Ною, Исааку, Иосифу и др. ¹⁾

Разсуждая о другой разности между религіей патриарховъ и религіей христіанской, апологетъ на основаніи священнаго писанія утверждаетъ, что закланіе жертвенныхъ животныхъ было угодно Богу. Послику люди не могли дать жизнь свою и душу для заглаженія своихъ грѣховъ, то что болѣе могло замѣнить это, какъ не кровь и заключающаяся въ ней жизненная сила животныхъ? Но христіанамъ нѣтъ нужды приносить такихъ жертвъ; ибо Христосъ—Агнецъ Божій, на подобіе жертвеннаго животнаго былъ закланъ за грѣхи всего рода человѣческаго. Они приносятъ таинство Тѣла и Крови Христа, воспоминаіе о Которомъ они возобновляютъ различными символическими дѣйствіями при семь таинствъ. Они приносятъ Богу оміямъ ихъ молитвъ, приносятъ съ тѣломъ чистымъ и сердце чистое, а эта жертва пріятнѣе Ему, чѣмъ кровь и тукъ животныхъ. ²⁾

Не соблюдая священныхъ обрядовъ іудеевъ, христіане почитаютъ, однако, и пользуются ихъ священными книгами. Причина этого заключается въ томъ, что они въ этихъ книгахъ находятъ свидѣтельство, что спасеніе всѣмъ народамъ будетъ открыто Мессією, и слѣдовательно, въ нихъ мо-

¹⁾ Dem. Ev. 1, 9. l. c. p. 77 sqq

²⁾ Ibid. 1, 10 l. c. p. 84 sqq.

гутъ почерпнуть доказательства истинности ихъ религіи.¹⁾

Итакъ, христіане совершенно правы, не соблюдая обрядовыхъ предписаній закона Моисеева, имѣвшаго лишь временное значеніе и ни мало не противорѣчатъ себѣ, принимая, при этомъ, съ уваженіемъ священныя писанія Евреевъ. Они не слѣдуютъ буквѣ закона ветхозавѣтнаго, но вполне остаются вѣрны духу и смыслу его.

Съ 3-й книги «евангельскаго доказательства» начинается раскрытіе положительнаго ученія христіанскаго о Лицѣ Иисуса Христа и Его ученіи. Здѣсь апологетъ отвѣчаетъ на слѣдующія два вопроса: а) изъ чего открывается божественное достоинство Иисуса Христа? и б) въ какомъ отношеніи Онъ находится къ Богу Отцу и существамъ тварнымъ?

Однимъ изъ самыхъ главныхъ доказательствъ божественности Иисуса Христа служатъ исполнившіяся на Немъ ветхозавѣтныя пророчества, которыми многіе изъ защитниковъ христіанства, по ихъ собственному признанію, были приведены изъ язычества къ вѣрѣ во Христа. И, въ самомъ дѣлѣ, можно ли не признать дѣйствія божественной силы въ этихъ пророчествахъ, которыя, будучи изречены занѣскольکو вѣковъ прежде, исполнились во всей точности?

А что, дѣйствительно, ветхозавѣтныя пророчества относятся къ Иисусу Христу и на Немъ исполнились, — доказательствомъ служитъ самая жизнь Его; вся она, до малѣйшихъ подробностей, есть исполненіе ветхозавѣтныхъ изреченій о Мессіи — Избави-

¹⁾ Ibid. I. II.

тель рода человеческого. Кто напримѣръ не убѣдится, что именно къ Иисусу Христу относится предсказаніе Моисея о Пророкѣ, подобномъ ему, смотря на удивительное сходство историческихъ обстоятельствъ жизни того и другаго. И тотъ и другой почитали Единого Бога, Творца всего; и тотъ и другой учили о безсмертіи души, о необходимости для людей благочестивой жизни. И тотъ, и другой засвидѣтельствовали учрежденную ими религію великими чудесами. И тотъ, и другой освободили людей отъ рабства и тѣмъ, которые повинуются ихъ наставленіямъ, даровали землю святую и въ ней жизнь блаженную. Оба постились въ пустынь сорокъ дней; оба папитали народъ въ пустынь пищею. Какъ Моисей перешель море, такъ и Христосъ ходилъ по морямъ. Какъ лице Моисея, такъ и лице Христа просвѣтилось на горѣ. Оба дѣйствовали перстомъ Божиимъ—одному написанъ перстомъ Божиимъ законъ, другой прогонялъ демоновъ. Какъ Моисей Иисусу Навину, такъ Христосъ Петру далъ новое имя. Моисей послалъ двѣнадцать соглядатаевъ осмотрѣть землю Ханаанскую, поставилъ 70 старѣйшинъ для суда надъ Израилемъ. И Христосъ избралъ себѣ сперва двѣнадцать, а потомъ семьдесятъ учениковъ для проповѣди всемірной. Какъ никто не знаетъ образа смерти и мѣста погребенія Моисея, такъ и образъ вознесенія Христа—тайна для всѣхъ. Что никто изъ пророковъ не былъ подобенъ Моисею, доказывается словами Второз. XXXIV, 10; а что Моисей именно говорилъ о Христѣ, это видно изъ Числ. XXIV, 7 и Быт. XLIX, 10.

Подобно пророчеству Моисея о Пророкъ, подобномъ ему, лишь къ одному Христу могутъ быть приложены и другія пророчества о Христвъ—Исаи о томъ, что Онъ родился изъ потомства Давидова (11, 1—2), что Онъ дастъ миръ міру (11, 6 — 10), что родится отъ Дѣвы (VII, 14), что претерпѣть страданія и смерть (LIII гл.); а также пророчества Михея (V, 2) о томъ, что Онъ родится въ Вифлеме, — Псалмопѣвца о воскресеніи Его и проч. ¹⁾

Другимъ неотразимымъ доказательствомъ божественности Іисуса Христа служить Его чудодѣйственная сила и характеръ его самого и ученія Его. Въ самомъ дѣлѣ, являлся ли когда человекъ, котораго жизнь была бы столь удивительна и ученіе столь возвышенно, какъ ученіе Христа? Онъ уничтожилъ жертвоприношенія—что кажется соблазнительнымъ для язычниковъ, — но Онъ, вмѣсто ихъ, повелѣлъ приносить въ жертву сердце чистое и добрую жизнь, а это есть болѣе истинный и болѣе достойный Бога образъ почитанія Его, какъ свидѣлствуютъ сами греческіе мудрецы—Порфирій и Аполлоній Тіанскій. ²⁾

Чудеса Іисуса Христа могутъ, безъ сомнѣнія, доказывать, что Онъ обладалъ силою большею, чѣмъ какою обыкновенно обладаютъ люди,—силою божественною. Но не суть ли они вымысль учениковъ Его, или обманъ со стороны самаго Чудотворца, совершенный при помощи магіи?

¹⁾ Dem Ev III, 2 l c p 168 sqq

²⁾ Ibid III, 3 l c p 188 sqq

Что чудеса Иисуса Христа—не вымысль Его учениковъ, а дѣйствительные факты,—это видно:

а) Изъ того, что ученикамъ не было никакой нужды въ вымысль. Они не могли этого сдѣлать по какому-либо расчету земному, потому что научились отъ Своего Учителя презирать временныя блага, такъ что равнодушно переносили все скорби, лишеныя и самую смерть. ¹⁾

б) Изъ совершеннаго согласія ихъ повѣствованій о сихъ чудесахъ. Откуда это совершенно необъяснимое явленіе, что ученики Христа, даже по разсѣяніи въ разныя страны на проповѣдь, ни въ чемъ не противорѣчатъ другъ другу? Почему они, далѣе, Своему Учителю воздали божественное почитаніе послѣ смерти Его, когда уже Онъ не былъ съ ними, и они могли разсудить — обманщикъ ли Онъ? Почему они за проповѣдь о Немъ шли на вѣрную смерть? Какъ они осмѣлились на предпріятіе—подчинить весь міръ своему закону,—они, люди необразованные, нескусные въ словѣ? — и притомъ, имѣя въ виду противопоставить предразсудкамъ язычниковъ ученіе о человѣкѣ Распятѣ, исповѣдую Его Богомъ, уча почитать его вмѣсто боговъ, культъ которыхъ былъ утверждень и закрѣпленъ обычаемъ, столь же древнимъ, какъ и самое бытіе народовъ? Чего могли они надѣяться и ожидать отъ этого предпріятія, кромѣ цѣпей, темницы, мукъ и смерти? — Скажутъ, что они не предвидѣли всѣхъ опасностей? Но они не могли не предвидѣть этого,

¹⁾ Ibid III, 5 1 c p 197 sqq.

зная, какъ строгі законы римлянъ, грековъ и варваровъ противъ тѣхъ, которые осмѣлились бы ввести новую религію, а недавній примѣръ Стефана, Іакова и друг. еще болѣе долженъ былъ увѣрить ихъ въ томъ, что ихъ ожидало. Если это свидѣтельство очевидцевъ — свидѣтелей, столь согласное, не достаточно для того, чтобы засвидѣтельствовать чудеса Іисуса Христа, то, послѣ этого, нѣтъ факта, который бы нельзя было заподозрить и въ которомъ нельзя было бы не сомнѣваться. ¹⁾

в) Изъ характера самыхъ писаній апостольскихъ. Характеръ сихъ писаній не допускаетъ и мысли объ обманѣ и вымыслѣ, — столько тутъ чистосердечной простоты и любви къ истинѣ. Писатели прямо объявляютъ о своихъ грѣхахъ и слабостяхъ, умалчивая о томъ, что было въ нихъ лучшаго и добраго. Матѳей прямо, безхитростно объявляетъ, что онъ былъ мытарь, когда Іисусъ Христосъ призывалъ его къ апостольскому служенію, и въ числѣ апостоловъ ставитъ Ему выше себя, между тѣмъ какъ Лука не говоритъ, что Матѳей былъ мытарь, а Маркъ ставитъ его въ лицѣ апостоловъ выше Еомы. Съ какою скромностію говоритъ о себѣ Іоаннъ въ посланіяхъ и евангеліи? Петръ не считалъ себя достойнымъ написать евангеліе, а Маркъ, писавшій подъ его руководствомъ, предававшій письму то, что слышалъ отъ Петра, проходя молчаніемъ его славное свидѣтельство о Христѣ, какъ Сынъ Божіемъ (Матѳ. XVI, 16), и похвалы ему отъ

¹⁾ Ibid

Христа, приводитъ разсказъ о его троекратномъ отреченіи. Всѣ съ такою искренностію разсказываютъ объ измѣнѣ одного изъ учениковъ, о поруганіяхъ, страданіяхъ и смерти Іисуса Христа... Если бы цѣлю апостоловъ былъ обманъ, то они стали бы разсказывать о вещахъ удивительныхъ, на примѣръ что Іуда за свое вѣроломство былъ превращенъ въ камень, что рука того раба, который ударилъ Іисуса Христа, въ минуту изсохла и т. под.; они прошли бы молчаніемъ исторію Его страданій и смерти и представили бы Его восходящимъ на небо, безъ пріятія смерти. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ разсказъ священныхъ писателей, а это яснѣйшимъ образомъ доказываетъ истинность всего, ими описаннаго. ¹⁾

Чудеса Іисуса Христа нельзя также признать и за обманъ, совершенный при помощи магій, подобный тѣмъ чудесамъ, которые творили заклинатели силою демоновъ. Это видно изъ рѣшительнаго несогласія Его нравовъ и Его ученія съ жизнію, нравами и ученіемъ волхвовъ и заклинателей, всегда гоняющихся за славою, жадныхъ къ прибыткамъ, склонныхъ къ самымъ безстыднымъ удовольствіямъ. Никогда не могли уличить въ употребленіи магій, также, ни учениковъ Іисуса Христа, ни ихъ послѣдователей. Многіе изъ волхвовъ обращались ко Христу; и когда, послѣ сего, они приносили свои волшебныя книги апостоламъ, то сіи тотчасъ ихъ публично сожигали. Если самые знаменитые философы

¹⁾ Ibid.

не могли распространить своего учения такъ далеко, какъ Иисусъ Христосъ, то тѣмъ болѣе волхвъ не могъ бы имѣть такого успѣха. Тѣ, которые прославились волхвованіемъ, не сдѣлали ни одного чуда, которое могло бы сравниться съ чудесами Спасителя. Притомъ, Христосъ рѣшительно отвергалъ заклинанія и жертвы, посредствомъ коихъ волхвы, обыкновенно, творили чудеса, а его ученики и всѣ христіане, во имя Его, изгоняли демоновъ изъ людей. ¹⁾ Самъ Порфирій — злѣйшій врагъ христіанства, — признавалъ Иисуса Христа за добродѣтельнаго и благочестиваго человѣка, котораго душа взята на небо. Что Иисусъ Христосъ обладалъ особенною божественною силою, открывается, наконецъ, изъ самаго образа распространія Его ученія, и успѣха евангельской проповѣди. Для осуществленія своей цѣли и окончанія Своего дѣла, Онъ избралъ незнатныхъ и неискусныхъ учениковъ; Онъ повелѣлъ проповѣдывать Свое ученіе всѣмъ народамъ, между тѣмъ какъ законодатели и философы благодѣтельствовали только своему отечеству; Его ученіе распространилось повсюду съ неизмѣрною скоростію, — не ясно ли, что Онъ — не простой человѣкъ, но выше человѣка. ²⁾

За изложеніемъ доказательствъ божественнаго достоинства Иисуса Христа слѣдуетъ раскрытіе положительнаго ученія о Его Лицѣ и совершенномъ имъ дѣлѣ нашего искупленія. Нѣтъ нужды излагать эту часть апологетики Евсевіевой подробно. Замѣтимъ

¹⁾ Ibid. III, 6. 1 c. p 224 sqq.

²⁾ Ibid. III, 7. 1. c. p 236 sqq, особенно 241.

только, что здѣсь Евсеvій не во всемъ показалъ себя чистымъ въ ученіи, придерживаясь Оригеновыхъ воззрѣній на лице Искушителя.

Въ послѣднихъ книгахъ «евангельскаго доказательства» Евсеvій объясняетъ ветхозавѣтныя мѣста и пророчества, относящіяся къ Иисусу Христу. Одни изъ нихъ касаются божественной, другія чело-вѣческой Его природы. Часть этихъ мѣстъ указываетъ уже евангелистами, какъ пророческія; другія церковными учителями послѣдующаго времени. Мы не послѣдуемъ за апологетомъ въ изложеніи этихъ пророчествъ и остановимся только на параллели, которую онъ проводитъ между еврейскими пророчествами и предсказаніями языческихъ оракуловъ, предваряющей изложеніе и разъясненіе самыхъ пророчествъ.

Предсказанія языческія суть произведеніе злыхъ демоновъ; это ясно видно изъ того, что виновники ихъ соглашались, чтобъ имъ были приносимы въ жертву люди, что нерѣдко они или не знали будущаго или обманывали вопрошающихъ—то краснорѣчивыми словами, то двусмысленной рѣчью, что они приучили людей находить удовольствіе въ мерзкихъ и отвратительныхъ вѣсняхъ, что оракулы замолкли по пришествіи въ міръ Иисуса Христа, наконецъ, что они не сдѣлали и не научили ничему доброму. ¹⁾ Между тѣмъ еврейскіе пророки, дви-жимые Духомъ Святымъ, хотя, иногда, отвѣчали

¹⁾ Ibid. I V Prooem. l. c. p. 337. Подробности о языческихъ прорицаніяхъ Евсеvій рассуждаетъ въ Pгаer. Ev. II. IV—VI

вопрошающихъ о предметахъ обыкновенныхъ; но, преимущественно, имѣли въ виду предметы важные: увѣщавали народъ сохранять заповѣди Божіи и чтить Единого Бога, предсказывали о пришествіи въ міръ Христа Спасителя, учили всѣхъ людей истинному благочестію. ¹⁾ Съ другой стороны, языческіе предсказатели изрекали будущее въ безсознательномъ состояніи, возбужденные силою демонскою, они не понимали того, что говорили и дѣлали. Напротивъ, еврейскіе пророки были свободными орудіями Духа Божія, Который не стѣснялъ и не подавлялъ ихъ естественныя силы, а только очищалъ и просвѣщалъ. Можно ли же приравнивать пророчества еврейскія къ предсказаніямъ языческихъ оракуловъ? ²⁾

«Евангельское доказательство» не вполне дошло до насъ; дошли до насъ только первыя десять книгъ. Что составляло содержаніе остальныхъ десяти книгъ, достоверно не извѣстно. Но можно догадываться, на основаніи словъ самого Евсевія, что въ нихъ разбирались пророчества о пришествіи и земной жизни Спасителя. ³⁾ Такъ какъ въ десятой книгѣ изъясняются пророчества о распятіи Христа, то вѣроятно, что въ остальныхъ, не дошедшихъ до насъ книгахъ, апологетъ объяснялъ пророчества о воскресеніи Христа, вознесеніи Его и второмъ славномъ пришествіи. ⁴⁾ Въ томъ отрывкѣ изъ 15 кни-

¹⁾ Ibid. I c. p. 341 sqq.

²⁾ Ibid. I. c. p. 345

³⁾ Dem. Ev. II Prooem. I c. p. 164.

⁴⁾ Dem. Ev. I. Prooem. и c. 1 I c. p. 13 sqq

ги «евангельскаго доказательства», который изданъ Анжело Маіемъ, изъясняется мѣсто изъ Дан. 2, 31 и слѣд., ¹⁾ а Блаженный Иеронимъ утверждаетъ, что въ 18-й книгѣ Евсевій изъясняль нѣкоторыя мѣста изъ книги Пророка Осіи. ²⁾

Уже выше было замѣчено, что «евангельское доказательство» будучи отдѣльнымъ трудомъ, составляетъ, однако самое естественное продолженіе «евангельскаго приготовленія». «Евангельское приготовленіе доказываетъ, что религія христіанская превосходитъ всѣ религіи языческія; «евангельское доказательство» утверждаетъ, что христіанская религія есть единая истинная и совершеннѣйшая религія; и если первое можно назвать «оглашеніемъ» вступающаго въ церковь, то послѣднее есть самое наставленіе въ обществѣ.

d) Замѣчанія о недошедшихъ или не вполне до насъ дошедшихъ апологетическихъ трудахъ Евсевія.

Кромѣ указанныхъ трудовъ Евсевія по части христіанской апологетики, извѣстны намъ по названіямъ, или дошли до насъ въ отрывкахъ еще слѣдующія его апологетическія сочиненія:

1) «О Богоявленіи» (*περὶ τῆς θεοφανίας*) въ пяти книгахъ. Объ этомъ сочиненіи упоминаетъ Блаженный Иеронимъ ³⁾. Въ нынѣшнемъ столѣтіи Анжело Маіемъ были изданы на греческомъ языкѣ отрывки

¹⁾ См Гэзелля: I с р 29

²⁾ Ср. Селье: I с. t. IV. р 251.

³⁾ De vir ill с 81.

изъ этого сочиненія, большая часть которыхъ относится къ 3-й и 4-й книгамъ. ¹⁾ Въ первыхъ трехъ (всѣхъ отрывковъ 22) показывается, что Иисусъ Христосъ есть истинное Слово Божіе, о которомъ издревле предвозвѣстили пророки, и излагаются причины, почему Онъ благоволилъ принять крестную смерть; въ остальныхъ изъясняются различные изреченія Іисуса Христа и событія изъ Его жизни.

2) «Выборъ изъ пророчествъ» (*ἐκλογαὶ προφητικαί*). Объ этомъ сочиненіи упоминаетъ самъ Евсевій. ²⁾ Оно раздѣляется на 4 книги. Въ первой изъясняются пророчества о Христѣ, заключающіяся въ историческихъ книгахъ Ветхаго Завета; во второй пророчества, заключающіяся въ псалмахъ; въ третьей свидѣтельства о Христѣ, находящіяся въ Книгѣ Притчей, Екклесіастъ, Пѣсни Пѣсней, книгъ Іова и у пророковъ, за исключеніемъ Исаи, въ четвертой разбираются мессіанскія пророчества Исаи.

Впрочемъ, хотя сохранившіяся до насъ четыре книги «*ἐκλογαὶ προφητικαί*» имѣютъ видъ цѣлаго, вѣроятно, они составляли часть другаго болѣе обширнаго труда, носившаго названіе: «*καθόλου*

¹⁾ Въ 1839 году англичаниномъ Таттамомъ отысканъ былъ въ одномъ нитрійскомъ монастырѣ сирскій переводъ сочиненія „*περὶ τῆς Θεοφανείας*“ и изданъ сначала въ Лондонѣ въ 1842 году одинъ, а потомъ въ слѣдующемъ 1843 году вмѣстѣ съ англійскимъ переводомъ въ Кембриджѣ. См. Patr. Curs. Compl. t. 24. p. 607 — 608. Но, по замѣчанію Авжело Маія этотъ сирскій списокъ „*περὶ τῆς Θεοφανείας*“ не полонъ, но весьма сокращенъ переводчикомъ. Ibid. p. 691—692.

²⁾ Церк. Ист. 1, 2.

στοιχειώδης ἐισαγωγή» и вообще представлявшаго сборникъ различныхъ трактатовъ, изъ которыхъ каждый былъ особымъ цѣлымъ. ¹⁾ Въ концѣ «ἐκλογαὶ προφητικαὶ» составлявшихъ 6—9 книги этого «сведенія» самъ авторъ говоритъ, что онъ въ слѣдующей 10 книгѣ будетъ опровергать мнѣнія тѣхъ, которые отвергають бытiе Божiе. ²⁾ Въ предшествующихъ же книгахъ рѣчь, по видимому, шла о лѣтосчисленiи (*χρονικὸς κανὼνας*) и излагалась исторiя грековъ и другихъ народовъ, чѣмъ авторъ старался доказать, что Моисей и пророки древнѣе греческихъ мудрецовъ. ³⁾

3) Тридцать книгъ противъ Порфирiя. ⁴⁾ Въ этомъ сочиненiи апологетъ опровергалъ клеветы сего философа на христiанскую религiю и возраженiя противъ нея. ⁵⁾ А въ 18 — 20 книгахъ съ особенною силою доказывалъ, по свидѣтельству Иеронима, ⁶⁾ подлинность книги пророка Даниiла.

4) «Двѣ книги обличенiя и оправданiя» *ἐλέγχου καὶ ἀπολογίας λόγοι δύο*) сочиненiе упоминаемое у Фотiя. ⁷⁾

Евсевiй, по справедливости, можетъ быть постав-

¹⁾ См. въ *Patrol. Curs. Compl.* t. 22. p. 1261. Ср. Гэнеля, I с. p. 3 и *Herzog's Real-Encyclopadie.* t. 4. p. 237.

²⁾ См. Гэнеля, I. с. p. 3.

³⁾ *Patrol. Curs. Compl.* t. 22. p. 1024. Ср. Гэнеля, I. с. p. 4.

⁴⁾ Блаженный Иеронимъ даетъ, впрочемъ, о числѣ книгъ Евсевiева сочиненiя противъ Порфирiя не одинаковыя показанiя; ибо въ книгѣ „о знаменитыхъ мужахъ“ показывается тридцать, а въ посланiи къ Магну двадцать пять. Ср. Гэнеля: I. с. p. 5.

⁵⁾ См. Селье, I. с. t. 4. p. 353.

⁶⁾ *Comm. in Dan. Proem.*

⁷⁾ *Phot. Cod.* 13. См. Селье I. с. t. 4 p. 359

лень во главѣ апологетовъ IV вѣка. Его апологетическіе труды составляютъ богатый арсеналь христіанской апологетики. Правда, онъ не представилъ никакихъ новыхъ важныхъ доказательствъ истинности христіанскаго ученія, которыхъ не употребляли бы уже прежніе апологеты. Но за то онъ, тщательно собравъ ихъ, искусно распространилъ и дополнилъ и, такимъ образомъ, придавъ имъ новую силу. Онъ первый изъ христіанскихъ апологетовъ изложилъ въ систематическомъ порядкѣ доказательства истины христіанства, отдѣливъ доказательства, утверждающія превосходство христіанской религіи предъ всѣми другими, отъ доказательствъ, прямо подтверждающихъ его истинность и божественное достоинство, а этимъ проложенъ былъ путь къ болѣе основательному и цѣлесообразному защищенію истины христіанства.

(Продолженіе будетъ)

П. Цѣтковъ

ОБЗОРЪ АПОЛОГЕТИЧЕСКИХЪ ТРУДОВЪ
ВОСТОЧНЫХЪ ОТЦЕВЪ И УЧИТЕЛЕЙ ЦЕРКВИ
въ IV и V вѣкахъ.

II.

АПОЛОГЕТИЧЕСКІЯ ПИСАНІЯ Св. АѦНАСІЯ АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

Почти въ одно время съ Евсевіемъ Кесарійскимъ трудился на поприщѣ христіанской апологетики св. АѦанасій Александрійскій. Св. АѦанасій прославился преимущественно своею борьбою съ арианствомъ. Но и апологетическіе его труды представляютъ такъ много замѣчательнаго, что немного можно во всей древней церковной литературѣ найти сочиненій, равныхъ имъ по достоинству.

Къ апологетическимъ трудамъ Св. АѦанасія относятся два трактата: а) «Слово на язычниковъ» и б) «Слово о воплощеніи Бога Слова.» Время происхожденія этихъ трактатовъ точно неизвѣстно; но весьма вѣроятно предположеніе, что они написаны около 319 года. Дѣлю въ томъ, что въ «Словѣ о воплощеніи Бога Слова» писатель, вооружаясь противъ язычниковъ, іудеевъ, манихеевъ, маркіонитовъ

и другихъ противниковъ догмата о воплощеніи, вовсе не упоминаетъ объ аріанахъ и о спорахъ съ ними, начавшихся вскорѣ послѣ 319 года,—эго едва ли бы произошло, еслибъ эта ересь уже открыто распространялась, когда писаны были трактаты. Съ другой стороны, мы не встрѣчаемъ въ апологетическихъ трактатахъ Св. Аѳанасія и выраженій, принятыхъ Церковію въслѣдствіе аріанскихъ споровъ. Нельзя опускать изъ вниманія и того, что Блаженный Іеронимъ ставитъ эти трактаты на первомъ мѣстѣ въ ряду прочихъ твореній Аѳанасія. ¹⁾ Возраженіе, что Св. Аѳанасій былъ въ 319 году очень молодъ, чтобы написать такія превосходныя творенія (ему было тогда около 23 лѣтъ), теряетъ свою силу, если мы вспомнимъ о необыкновенныхъ дарованіяхъ великаго святаго и о томъ, что онъ 6 или 7 лѣтъ спустя послѣ сего, по причинѣ великихъ надеждъ, возлагавшихся на него вѣрными, былъ возведенъ на александрійскій престолъ. Въ началѣ «Слова на язычниковъ» ²⁾ писатель говоритъ, что онъ, когда писалъ эти трактаты, не имѣлъ подъ руками отеческихъ писаній: на этомъ основаніи можно думать, что онъ составилъ ихъ не въ Александріи, но въ какомъ-либо уединенномъ мѣстѣ, можетъ быть тогда, когда, вмѣстѣ съ Антоніемъ, жилъ въ пустынѣ. ³⁾

¹⁾ *Prolegomena ad S. Athan. opp. in Patrol. Curs. Compl. t. 25 p. LXI. CLXI. CCLXXI.* Ср. Матера. *Athanasius der Grosse.* p. 123, Вернера: *Gesch. d. apol. und pol. Literatur.* 1861 p. 166

²⁾ „Слово на язычниковъ“— въ Твор. Св. Бѣдъ въ русск. перев., т. 17, стр. 5.

³⁾ Сетье: *Hist. gener. des aut. sacrès et ecclès. t. V. p. 181*

Нѣкоторые, какъ напримѣръ Тилемонтъ, ¹⁾ полагаютъ, что апологетическіе трактаты Св. Аѳанасія написаны къ одному лицу, именно къ нѣкоторому христіанину, по имени Макарію. Основаніемъ для этой мысли служило привѣтствіе писателя въ началѣ «Слова на язычниковъ»: *ὁ μακάριε*. Но въ другихъ мѣстахъ это привѣтствіе замѣняется слѣдующимъ: *μακάριε καὶ ἀληθῶς φιλόχριστε* (о мужъ блаженный и во истинну христолобивый), какъ въ началѣ «Слова о воплощеніи Бога Слова», или просто: *ὦ φιλόχριστε, ὦ φιλόχριστε ἄνθρωπε* (о мужъ христолобивый), въ концѣ этого трактата. Ясно отсюда, что *μακάριε* должно понимать точно такъ же въ собственномъ смыслѣ, какъ и *φιλόχριστε*, и что писатель безразлично обращается ко всемъ тѣмъ, кои любятъ Иисуса Христа и потому суть блаженны.

Доказать, что христіанство есть истина, вотъ главная цѣль обоихъ апологетическихъ трактатовъ Аѳанасія. Одинъ изъ нихъ доказываетъ это съ отрицательной стороны, чрезъ обличеніе безсмыслія язычества («Слово на язычниковъ»); другой съ положительной стороны, чрезъ раскрытіе внутреннихъ основаній разумности и божественности христіанства («Слово о воплощеніи Бога Слова»). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ трактатѣ писатель держится болѣе въ сферѣ общихъ разсужденій, не переходя къ подробному разбору и опроверженію частныхъ мыслей своихъ противниковъ.

¹⁾ Tillemont: *Memoir.* t. VIII p. 325.

Первый трактатъ начинается раскрытіемъ ученія о происхожденіи зла въ міръ. Въ началъ не было зла въ міръ, и человекъ, одаренный образомъ Божиимъ, созерцая непрестанно Бога—Своего Творца и Господа, находясь въ постоянномъ общеніи съ Нимъ, жилъ невинною, блаженною и безсмертною жизнью. Ни въ чемъ не находя препятствій къ влеченію о Богъ, онъ въ своей чистотъ постоянно созерцалъ Отчій Образъ—Бога Слово, по образу Котораго онъ сотворенъ, и въ этомъ созерцаніи находилъ постоянный источникъ блаженства, уразумывая чрезъ Него образъ управления вселенной, возвышаясь надъ чувственнымъ и тѣлеснымъ, соединяясь силою ума съ божественнымъ царствомъ духовъ.

Но вскорѣ наступило иное положеніе вещей. Вслѣдствіе дарованной ему свободы, человекъ могъ полюбить или Бога, или самого себя, видѣть въ міръ образъ Творца, или обратить этотъ міръ въ средство для удовлетворенія чувственности. Онъ возмнилъ, что будетъ правъ, дѣлая «то, что можетъ» и началъ дѣлать «то, что можетъ» презрѣвъ «то, что долженъ былъ.» Уклонивъ умъ свой отъ созерцанія Сушлаго, онъ обратилъ вниманіе на себя самого и на свое тѣло. Тогда въ этомъ прежде невинномъ и святомъ человекѣ проявились страсти и чувственныя привязанности, а вмѣстѣ съ ними чувство стыда и боязнь смерти; за первымъ обнаруженіемъ похоти послѣдовала привычка къ вождельніямъ; истинная свобода исчезла; направленіе воли къ одному добру прекратилось. ¹⁾

¹⁾ Слово на язычникомъ въ вышеуказанномъ мѣстѣ стр. 8—11

Такъ произошло, при посредствѣ діавола, зло въ міръ. Оно не есть что-либо первоначальное и самостоятельное, существующее само по себѣ; оно произошло послѣ и его возможность заключалась въ чувственной природѣ чловѣка и въ его положеніи въ чувственномъ міръ. Напрасно нѣкоторые утверждали, будто зло произошло отъ Бога, или что оно существуетъ вѣчно вмѣстѣ съ Богомъ, имѣя Творцемъ ншаго бога. Отъ Бога, какъ отъ чистаго Добра никогда не можетъ произойти зло. Еслибы добро содержало зло, то оно не было бы чистымъ добромъ, а имѣло бы смѣшанную природу, состояло изъ добра и зла. ¹⁾ Что касается втораго мнѣнія, то оно уничтожаетъ самое понятіе о Богѣ. Если бы вмѣстѣ съ Богомъ существовало, независимо отъ Него другое, равное Ему начало, то онъ не былъ бы совершенно Неограниченнымъ, а слѣдовательно и Богомъ. И если видимый міръ есть произведеніе злаго начала, то гдѣ творенія добраго? Мы ничего не видимъ, кромѣ окружающаго насъ міра. Что же служить признакомъ бытія добраго начала, когда нѣтъ произведеній, по которымъ мы могли бы узнать его? Какъ могли бы, далѣе, начала—доброе и злое существовать вмѣстѣ, при своей несовмѣстимости? ²⁾

Распространеніе зла въ міръ и родъ чловѣческомъ породило идолопоклонство. Утвердившись въ забвеніи божественнаго, услаждаясь тѣлесными страстями, имѣя въ виду лишь настоящее, чловѣкъ

¹⁾ Тамъ же стр. 12.

²⁾ Тамъ же стр. 13—14.

помыслилъ, что нѣтъ уже ничего, кромѣ видимаго и тѣннаго, что въ видимомъ и есть все добро. Образъ божественныхъ вещей затмился въ его душѣ. Забывъ, что сотворена по образу Божию, душа остановилась мыслию на несущемъ и чувственномъ и, смущаемая уваженіемъ къ нему, видимое и чувственное вообразила самнимъ Богомъ, видимому и тѣнному присвоила имя Божіе и стала прославлять то, что ей пріятно и угодно. ¹⁾

Первый видъ идолослуженія есть поклоненіе небеснымъ тѣламъ — солнцу, лунѣ и звѣздамъ. На нихъ, прежде всего, перенесено было уклонившимся отъ своего Создателя челоѵчествомъ понятіе Божества. Потомъ, падая все глубже и глубже, люди воздали божескую честь воздуху, — и тому, что въ немъ находится, затѣмъ стихіямъ, потомъ людямъ и изображеніямъ людей, какъ живыхъ, такъ и умершихъ, деревьямъ, животнымъ и проч. ²⁾ Наконецъ, зло дошло до того, что люди обоготворили свои собственныя страсти, олицетворивъ ихъ въ образъ людей. ³⁾ Таково ученіе Св Аѵанасія о происхожденіи идолопоклонства: оно поражаетъ своею глубиною и истинностію. Идолопоклонство во всѣхъ его видахъ — по мнѣнію апологета — есть зло, привзошедшее послѣ и имѣетъ свое начало не въ непосредственномъ дѣйствіи духа тьмы, но есть созданіе развращенной воли и помрачившагося ума самого челоѵка; его источникъ есть грѣхъ. «Кто

¹⁾ Тамъ же стр. 15—16.

²⁾ Тамъ же стр. 17.

³⁾ Тамъ же стр. 18.

любить христіанство и понимаетъ его—выясняетъ эту мысль Св. Аѳанасія ученый богословъ, — тотъ не можетъ объяснять язычество иначе, какъ изъ грѣха. Посему-то и прочіе христіанскіе учителя—Густинъ, Аѳинагоръ и другіе—учатъ точно также о происхожденіи идолопоклонства. Еслибы многобожіе языческое было что-либо первоначальное, необходимая ступень человѣческой культуры, то въ христіанствѣ подлежало бы признать только высшее развитіе человѣчества и въ Искупитель выражалось бы не милосердіе Божіе къ падшему роду человѣческому, но только высота разума человѣческаго, который въ Немъ достигъ своего полнѣйшаго раскрытія. Въ язычествѣ, правда, мерцаютъ слабые лучи свѣта истины, но это только потому, что Слово не оставило нашего рода, хотя онъ и не былъ достоинъ Его.»¹⁾

Раскрывъ происхожденіе многобожія, апологетъ обращается къ разоблаченію его несостоятельности. Лживость и нелѣпность идолопоклонства очевидна. Обращая вниманіе на самый общеупотребительный и распространенный культъ—обоготвореніе людей, легко замѣтить, что онъ путается въ непроходныхъ противорѣчійхъ и странныхъ несовмѣстимостяхъ. «Возводятъ въ боги» себѣ извѣстныя существа «сами люди.» Такъ въ Критѣ былъ признанъ богомъ Зевсъ. Такъ императоръ Адрианъ повелѣлъ воздавать божескую честь своему любимцу Антиною. И еще недавно римскій сенатъ издавалъ постановленіе

¹⁾ Moler. Athanasius der Große. p. 133

о нѣкоторыхъ изъ своихъ царей: «быть имъ въ числѣ боговъ». Но дѣлающіе другихъ богамъ тѣмъ паче должны быть сами боги, потому что творящее должно быть совершеннѣе творимаго; кто судить, тотъ, необходимо, выше подсудимаго, и кто даетъ, тотъ, безъ сомнѣнія, самъ имѣетъ то, чѣмъ одаряетъ другихъ. Но сенаторы, возводившіе императоровъ въ разрядъ боговъ, были сами люди и никогда не отрицали, что они смертны. ¹⁾

Если, такимъ образомъ, самое происхожденіе языческихъ божествъ показываетъ, что они — не боги, то еще яснѣе обнаруживается это въ тѣхъ дѣяніяхъ, которыя приписываютъ симъ богамъ язычники. Слыша, что эти боги подлежатъ физическимъ страданіямъ, кто не признаетъ ихъ слабость и немощность, не свойственную богамъ? А слыша объ ихъ непотребствахъ, кто не пожалѣетъ объ ослѣпленіи тѣхъ людей, которые имъ воздаютъ божеское почитаніе?

Всѣ объясненія, которыми друзья язычества стараются поддержать готовое рухнуть зданіе многобожія, отнюдь не могутъ служить въ пользу этаго устарѣвшаго колосса: никакими доводами не убѣдятъ вѣровать въ то, чего ложь столь очевидна, и во что простая, непосредственная вѣра давно подорвана.

Говорятъ: «боги, дѣйствительно существуютъ; но ихъ отнюдь нельзя обвинять въ безправственности; ее несправедливо придали имъ поэты, которымъ

¹⁾ Слово на язычниковъ I с. стр. 19.

свойственно вымышлять не существующее». Тут возможны два исхода,—отвѣчаетъ апологетъ,—или нужно принять, что боги и рассказы о нихъ—выдумка,—въ такомъ случаѣ сихъ боговъ нельзя считать за боговъ дѣйствительныхъ; или нужно отдѣлить лица отъ рассказываемаго о нихъ, и самихъ боговъ считать истинно-существующими, а рассказываемое о нихъ признавать ложью. Но и это последнее толкованіе мало помогаетъ дѣлу язычества, такъ какъ о богахъ мы имѣемъ только ложныя сказанія поэтовъ. Съ другой стороны, тѣ, которые усвоили богамъ языческимъ божественное достоинство, безъ сомнѣнія, знали, что дѣлать должно богамъ. Развѣ они приписали бы богамъ человѣческія понятія и дѣйствія, и притомъ, такія, которыхъ даже честные люди стыдятся? ¹⁾ Если поэты усвоили богамъ безславныя дѣянія, то это значитъ, что они ничего лучшаго не знаютъ о богѣ, следовательно не знаютъ его вовсе.

Столь же неправы и тѣ, которые утверждаютъ что стихотворцы лгутъ, когда говорятъ о непотребныхъ дѣяніяхъ боговъ, но справедливы въ похвалахъ имъ. Кто хвалитъ другаго, тотъ развѣ будетъ вымышлять и приписывать ему дѣйствія недостойныя? ²⁾

Говорятъ: «идолы, дѣйствительно, суть изображенія и подобія людей и безсловесныхъ; но они необходимы и имѣютъ право на существованіе, потому что чрезъ нихъ открывается намъ Божество.»—Но

¹⁾ Тамъ же стр 29

²⁾ Тамъ же стр 29 30.

почему Богъ открывається чрезъ идоловъ? Если по причинѣ вещества, то зачѣмъ придавать этому веществу извѣстный образъ? Если по причинѣ напечатлѣннаго на веществѣ образа, то какая нужда въ веществѣ золота или чего-либо иного? и не лучше ли чтить тѣ самыя существа — четвероногихъ, птицъ и т. под., которыхъ образы напечатлѣны на веществѣ? Если причина откровенія въ идолахъ Божества—ни вещество, ни образъ, но искусство призывающаго, если значіемъ изводится Божество на изваянія, то, опять, какая нужда въ веществѣ и изображеніи, когда знаніе въ человѣкѣ? ¹⁾ По видимому, слѣдовало бы вмѣсто изваяній чтить тѣхъ людей, которые обладаютъ таковымъ знаніемъ.

Говорятъ: «изображенія боговъ суть какъ бы письмена для людей; читая эти письмена люди могутъ уразумѣвать, какое должно имѣть понятіе о Богѣ».— Но зачѣмъ же этимъ изваяніямъ, чрезъ которыя призываются небесныя и божественныя силы, присвоить честь и наименованіе Бога, слѣдовательно, считать выше и достойнѣе самихъ призываемыхъ силъ? Зачѣмъ, если идолы суть письмена, служащія къ уразумѣнію Бога, знаки предпочитать тому, чтѣ ими означается? ²⁾

Несправедливы и тѣ, которые признають богами не идоловъ, но дѣйствительные, реально существующіе предметы — солнце, луну и проч. Сама природа, сами обожасемые предметы говорятъ прогнѣвшихъ мудрецовъ. Своимъ мудрымъ устройствомъ, своею связію и взаимною другъ для друга необхо-

¹⁾ Тамъ же ст. 34—35

²⁾ Тамъ же стр. 35—36.

димостию, они ясно свидѣтельствуютъ о Единомъ Господѣ и Творцѣ, требующемъ отъ нихъ безусловнаго Себѣ повиновенія, какъ и говоритъ Слово Божіе: *небеса повѣдаютъ славу Божию* (Псал. XVIII, 1). Если мы возьмемъ во вниманіе отдѣльныя части твари, то ясно увидимъ, что каждая изъ нихъ нуждается одна въ другой и каждая, только при помощи другихъ, можетъ отправлять свою дѣятельность. Но Божество мы можемъ мыслить только, какъ Существо совершенно Независимое, Самодовольное и Самостоятельное.

Напрасно язычники стали бы утверждать, что, хотя части творенія, взятая отдѣльно, недостаточны, но когда всѣ они составляютъ единое цѣлое, то это цѣлое будетъ совершенно и, слѣдовательно, можетъ быть признано Богомъ. Богъ есть цѣлое, а не части; Онъ не изъ различныхъ составленъ вещей, но Самъ есть Творецъ каждой вещи. Если вселенная, состоящая изъ неподобныхъ вещей, есть Богъ, то Богъ будетъ неподобенъ Себѣ и можетъ быть дѣлимъ, а это несообразно съ понятіемъ о Богѣ. Притомъ, части вселенной имѣютъ различныя отправленія и противоборствуютъ иногда одна другой, а въ такомъ случаѣ не странно ли приписывать имъ божественность? Если несогласны они сами по себѣ, по своей природѣ, то могутъ ли они подавать миръ молящимся и будутъ ли для нихъ охранителями единоклюбія? ¹⁾

Но гдѣ же истина? Гдѣ истинная религія? и какимъ путемъ мы можемъ до нея познавія?

¹⁾ Тамъ же стр. 43—49.

Два пути богопознанія — одинъ внутренній, или путь самопознанія; другой — внѣшній, основывающійся на разсматриваніи видимой природы.

Внутренній путь богопознанія имѣеть основу въ самой глубинѣ существа каждаго человѣка, — въ разумной и безсмертной душѣ его, составляющей отраженіе совершенствъ божественныхъ. Что человѣкъ, дѣйствительно, одаренъ разумною душею, — это становится совершенно яснымъ при внимательномъ разсмотрѣніи существа человѣческаго. Безсловесныя животныя видятъ только то одно, что у нихъ предъ глазами, стремятся лишь къ тому, что предъ ними; они — рабы чувственныхъ впечатлѣній. Но человѣкъ можетъ возвышаться надъ чувственными впечатлѣніями; онъ видимое глазами обсуживаетъ разсудкомъ; нерѣдко, уже устремившись къ чему-либо, бываетъ разсудкомъ удержанъ; что имъ обдуманно, обсуживаетъ снова. Различныя чувства человѣческой природы относятся между собою какъ струны на лирѣ; человѣческій духъ, какъ музыкантъ, ударяетъ въ нихъ, чтобъ извлечь гармоническія аккорды и мелодіи, то-есть изъ чувственныхъ впечатлѣній составить стройныя мысли и правильныя заключенія. Кто изъ наблюдавшихъ за проявленіями природы человѣческой не замѣчалъ ея двойственности? Кто не замѣчалъ, что въ ней есть иная сила, отличная отъ тѣла? Дѣло глаза — только видѣть, ушей — слышать, рукъ — касаться, но разсудить, что должно видѣть и слышать, до чего должно касаться, — это не дѣло уже чувствъ; разсуждаетъ объ этомъ иная сила въ человѣкѣ — разумная душа. Тѣло иногда находится въ покоѣ, а человѣкъ

возвышается до созерцанія вещей, виѣ находящих-ся, проходить мыслию далекія страны, находится въ сношеніи съ друзьями и знакомыми, предузнаетъ, что онъ будетъ дѣлать въ слѣдующій день. Что же это за сила, внутри чловѣка бодрствующая и дѣйствующая, какъ не душа разумная? И опять: тѣло смертно,—почему же чловѣкъ размышляетъ о безсмертіи? тѣло временно. — почему же чловѣкъ представляетъ себѣ вѣчное и, пренебрегая тѣмъ, что принадлежитъ временной жизни, ищетъ вѣчнаго? Ясно, что въ немъ должна быть иная сила, отличная отъ тѣла и надъ нимъ владычествующая—душа, и притомъ разумная душа. ¹

Будучи разумною, душа чловѣческая есть вмѣстѣ и безсмертна. Это ясно доказывается ея совершеннымъ отличіемъ отъ тѣла. Далѣе, если душа движетъ тѣло, а сама ничѣмъ постороннимъ не приводится въ движеніе, то ясно, что она самодвижна, слѣдовательно, и по сложеніи съ себѣ тѣла, сама собою будетъ приводиться въ движеніе. Если она движетъ тѣло, то тѣмъ болѣе ей необходимо приводить въ движеніе себя. Приводя же себя въ движеніе, душа будетъ жить и послѣ смерти, ибо движеніе ея не иное что, какъ жизнь. Уже и въ соединеніи съ тѣломъ, какъ бы переселяясь изъ него, душа представляетъ и созерцаетъ то, что превышаетъ земли. А разрѣшившись отъ тѣла, не тѣмъ ли паче и не въ большей ли мѣрѣ пріобрѣтетъ она яснѣйшее вѣденіе о безсмертіи? Если и соединен-

¹) Тамъ же стр. 51—53

ная съ тѣломъ, она жила такою жизнью, которая внѣ тѣла, то, по смерти тѣла, тѣмъ болѣе она такъ будетъ жить. Какъ тѣлесныя чувства, поелику тѣло смертно, видятъ смертное, такъ душѣ, созерцающей безсмертное и помышляющей о безсмертномъ, необходимо и самой быть безсмертною и жить вѣчно. Понятія и созерцанія безсмертія никогда не оставляютъ ее и будутъ ей служить пищей для поддержанія безсмертія. ¹⁾

Признаніе разумности и безсмертія души и ея отличія отъ тѣла, необходимо, вопреки языческимъ представленіямъ, ведетъ къ признанію духовности Бога и вѣчнаго и неизмѣняемаго бытія Его. Если духовна душа въ человѣкѣ, то тѣмъ паче долженъ быть духовенъ Творецъ ея; если безсмертна душа въ человѣкѣ, то тѣмъ паче долженъ быть вѣченъ ея Господь.

Есть и другой путь къ познанію Бога, открытый для тѣхъ, коиѣ свидѣтельство души недостаточно, у коихъ душа, омраченная внѣшнимъ и чувственнымъ, потеряла сознаніе своей разумности и безсмертія. Это путь разсмотрѣнія видимой природы и размысленія о ней.

Видимая природа, созданная Премудрымъ Художникомъ, своимъ порядкомъ и стройностію, какъ бы нѣкая живая книга ясно возвѣщаетъ Своего Владыку и Творца. Какъ изъ дѣлъ нерѣдко мы познаемъ художника, котораго не видали, такъ изъ порядка міра ясно увѣряемся, что есть Творецъ и Владыка

¹⁾ Тамъ же стр. 54, 55.

оного, хотя и не видимый нашимъ тѣлеснымъ очамъ. Взирая на небесный сводъ, на теченіе солнца и луны, на положеніе и круговращеніе звѣздъ, происходящее различно и по противоположнымъ направленіямъ, впрочемъ, такъ, что, при всемъ разнообразіи наблюдается порядокъ,—кто не придетъ къ той мысли, что не сами они привели себя въ устройство, но есть Иной, дающій имъ бытіе и порядокъ? Взирая на восходящее солнце, на луну, появляющуюся на небесномъ сводѣ ночью и, по неизмѣнному закону, совершенно въ равное число дней убывающую и возрастающую, на звѣзды, изъ которыхъ однѣ блуждаютъ, разнообразно измѣняя свое направленіе, а другія движутся въ неуклонномъ направленіи,—кто не придетъ къ той мысли, что есть Управитель и Господь, котораго законамъ безирекословно природа повинуется? Видя въ стройномъ сочетаніи вещи противоположныя, постоянство перемѣнъ во временахъ года, чудесное положеніе земли и проч.,—кто не сдѣластъ заключенія, что есть Нѣкая Верховная Сила, Которая, пребывая неизмѣнною, привела все эго въ устройство и распоряжается, какъ ей благоугодно? Если мы видимъ, что городъ, населенный множествомъ людей различнаго возраста и состоянія, управляется хорошо и все тамъ въ порядокъ, то заключаемъ, что есть тамъ градоначальникъ, управляющій всемъ и все приводящій въ порядокъ и стройность. Такъ, видя порядокъ и стройность вселенной, мы, необходимо, должны представлять Властителя вселенной—Бога. И притомъ, необходимо представлять, что Единъ есть Міроуправитель, какъ доказываетъ тогъ же са-

мый порядокъ и стройность міра. Еслибы тварь имѣла многихъ правителей, то не соблюдался бы такой во всемъ порядокъ, но все пришло бы опять въ безпорядокъ, потому что каждый изъ правителей противоборствовалъ бы другому: гдѣ нѣтъ начальствующаго, тамъ непременно бываетъ безпорядокъ. Если лира, въ которой множество струнъ, и которая, по сему, можетъ издавать различные тоны—густые и тонкіе—звучитъ согласно и стройно, то каждый заключаетъ, что лира не сама себя приводитъ въ движеніе и что не многіе ударяютъ въ струны, но одинъ, хотя и не видитъ, кто ударяетъ. Такъ, поелику въ цѣломъ мірѣ господствуетъ стройность и порядокъ—ни дольнее не возстаетъ противъ горняго, ни горнее противъ дольняго: слѣдуетъ представлять не многихъ, но Единого Творца и Царя всей твари, Который все озаряетъ своимъ свѣтомъ и все приводитъ въ движеніе ¹⁾).

Но кто сей Создатель и Господь вселенной? Тотъ, Котораго исповѣдуютъ и Которому поклоняются христіане—Отецъ Христовъ,—вотъ Единый Истинный Господь и Создатель вселенной. Онъ, какъ наилучшій кормчій, устрояетъ все Словомъ Своимъ—Господомъ Исусомъ Христомъ, Который, все приводитъ въ движеніе и порядокъ, Самъ постоянно пребывая у Отца. Онъ есть Источная Премудрость, Источное Слово Благаго, Отчая Сила, Источный Свѣтъ, единственный Сынъ, неизмѣняемый Отчій Образъ. Все Имъ оживотворяется и приводится въ

¹⁾ Тамъ же стр. 57—64

бытіе и ничто не существуетъ независимо отъ Него.

Другой апологетическій трактатъ Св. Аѳанасія: «Слово о воплощеніи Бога Слова» посвященъ раскрытію догмата о воплощеніи Сына Божія. Но, поставя своею задачею собственно доказать, что воплощеніе Сына Божія необходимо, возможно и вполне достойно Бога, апологетъ начертываетъ, при этомъ, цѣлое зданіе христіанской догматики. Предварительно излагается ученіе о сотвореніи міра Богомъ изъ ничего и опровергаются южныя мѣнія—эпикурейцевъ о случайномъ происхожденіи міра, Платона и другихъ—о томъ, что міръ сотворенъ Богомъ изъ готоваго уже вещества, нѣкоторыхъ еретиковъ—о нѣмъ творцѣ вселенной, кромѣ Бога Отца. Человѣкъ созданъ смертнымъ по тѣлу, но, вслѣдствіе дарованной ему благодати Божіей, былъ первоначально чуждъ смерти и тлѣнія. Преслушаніе заповѣди Божіей возвратило его въ первоначальное состояніе. Лишившись благодати Божіей, люди подверглись смерти тѣлесной какъ неизбѣжному слѣдствію уклоненія отъ Бога. Въствѣ съ смертію тѣлесною постигла ихъ и смерть духовная; они все болѣе и болѣе стали подпадать грѣху и уклоняться отъ жизни Божіей ¹⁾. Между тѣмъ, съ помра-

¹⁾ „Подвергнуться смерти духовной“ значитъ по Аѳанасію—подпасть грѣху, подобно какъ „жить вѣчно“ означаетъ „жить въ Богѣ“. Св. Аѳанасій не допускаетъ что человѣкъ, вслѣдствіе грѣха, сталъ смертенъ по душѣ, напротивъ, онъ прямо утверждаетъ, что душа бессмертна (Слово на язычниковъ—по рус. пер. въ Тв. Св. Отц. Т. 17, стр. 54). „Эго видно и изъ выраженій его, что душа чрезъ грѣхъ потеряла сознаніе бессмертія и вѣчной жизни, которое означаетъ направленіе къ добру. „Быть добрымъ“ и „быть“ въ соотвѣстномъ смыслѣ—по Аѳанасію одно и тоже. Тамъ же стр. 84—85.

ченіемъ образа Божія, вслѣдствіе грѣхопадѣнія, для челоувѣчества сдѣлались недостаточными и естественные пути богопознанія. Оно не могло уже познавать Бога ни изъ разсматриванія премудро устроенной природы, ни изъ писаній посылаемыхъ Богомъ святыхъ мужей. Въмѣсто Бога люди стали воздавать божеское поклоненіе предметамъ чувственнымъ. Благость Божія не оставляла людей, посылала пророковъ, даровала законъ,—все было напрасно; прельщаемые минутными удовольствіями и бѣсовскими прелестями, люди все болѣе и болѣе уклонялись ко злу ¹⁾.

Благость Божія не могла допустить, чтобы родъ челоувѣческой вѣчно пребывалъ въ такомъ состояніи, вѣчно находился въ отчужденіи отъ Бога, вѣчно страдалъ, такъ какъ только въ общеніи съ Богомъ челоувѣкъ можетъ наслаждаться блаженною жизнію; она требовала, чтобы ея созданіе не лишилось даровъ, которыми она его надѣлила. Но Правда Божія требовала, чтобы приговоръ Божественный за нарушеніе заповѣди исполнился и вина была заглажена. Кто же могъ загладить вину и исправить совершившееся? Самъ челоувѣкъ чрезъ покаяніе? Но покаяніемъ не соблюлась бы справедливость въ отношеніи къ Богу; вина превышала средство заглаженія. Притомъ, это средство было недостаточно для того, чтобы исправить слѣдствія вины. Чрезъ покаяніе челоувѣкъ не могъ бы достигнуть прежняго состоянія; онъ не могъ самъ собою сдѣлаться

¹⁾ Тамъ же стр 95 96.

участникомъ Сущаго и возвыситься надъ своею природою. Только Тотъ, Который сотворилъ чело-
вѣка въ началъ—Сынъ Божій могъ воздвигнуть че-
ловѣчество падшее и ходатайствовать за него предъ
Отцемъ Небеснымъ; только онъ могъ потребить
смерть и исцѣлить челоѣчество отъ объявшея его
грѣховной заразы ¹⁾).

Но недостаточно было, для возсозданія челоѣче-
ства, уничтожить только смерть и загладить вину;
надлежало еще обновить въ челоѣкѣ образъ Бо-
жій, помраченный грѣхомъ. Кто же могъ совершить
это обновленіе образа Божія, кромѣ Сына Божія?
Не могло оно совершиться чрезъ людей, потому
что они сами сотворены по образу, сами суть толь-
ко отображенія. Не могло совершиться и чрезъ
ангеловъ, потому что и они не образы. Какъ при
возстановленіи помраченнаго нечистотами лика на
картинѣ, нужно присутствіе того, чей ликъ изоб-
раженъ, такъ и при возстановленіи помраченнаго
грѣхомъ образа Божія въ челоѣкѣ, потребно было
содѣйствіе Образа и Сіянія Божія—Отчаго Слова.
Только Сынъ Божій одинъ довѣль къ тому, чтобы
возстановить помраченный образъ Божій въ чело-
вѣкѣ и вновь сообщить челоѣку боговѣденіе ²⁾.

Если бы не Самъ Сынъ Божій принялъ на себя
дѣло спасенія челоѣчества, то смерть и тлѣніе,
обладавшія челоѣчествомъ, никогда не были бы
побѣждены, никогда не совершилось бы возстанов-
леніе образа Божія въ челоѣкѣ и возвращеніе его

¹⁾ Тамъ же стр. 89.

²⁾ Тамъ же стр. 98.

въ первобытное состояніе невинности и блаженства. Но Сынъ Божій благоволилъ искунить человѣчество, и поелику люди, подпавъ игу грѣха, не могли иначе, какъ въ видимомъ чувственномъ образѣ принять Того, образомъ Коего они должны быть, то Онъ сталъ плотію, привилъ на себя естество человѣческое. А такъ какъ не всякая плотъ человѣческая могла послужить приличнымъ орудіемъ для дѣла воплощенія и только чистое и непорочное тѣло могло быть обителію Сына Божія, то Онъ вселился въ чистую, нескверную, неискусобрачную дѣву и отъ нея заимствовалъ плотъ человѣческую ¹⁾.

Такимъ образомъ необходимость воплощенія Сына Божія открывается изъ необходимости освобожденія рода человѣческаго отъ грѣха и наказанія за грѣхъ — проклятія и смерти. Облекшись человѣческою плотію, Богъ Слово не утратилъ, впрочемъ, свойствъ Божества. Въ Немъ, по воплощеніи, ясно были двѣ природы съ совершенно-различными свойствами и потребностями. Онъ былъ рожденъ, питался, страдалъ, слѣдовательно, показывалъ въ Себѣ истиннаго человѣка, имѣющаго дѣйствительное человѣческое тѣло. Съ другой стороны, въ тѣлѣ Онъ совершалъ такія дѣла, которыя свойственно творить Единому Богу. Не говоря о чудесахъ, совершенныхъ Имъ во время общественнаго служенія, самое уже дивное Его рожденіе отъ Дѣвы неискусомужной показывало въ Немъ Силу, превышую ангеловъ и человѣковъ—Истиннаго Творца міра и Господа ²⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 103—105.

²⁾ Тамъ же.

Соединеніе съ человѣческою плотію отнюдь не было оскверненіемъ для Божества. Какъ солнце не оскверняется чрезъ то, что его лучи падаютъ на земную поверхность и не омрачается, но, напротивъ, само освѣщаетъ землю, такъ и соединившееся съ плотію Божество Слова не пріяло на себя скверны тѣла; напротивъ, само только очищало и оживотворяло его. Оно не было объято и препобѣждено тѣломъ, напротивъ, Само всѣмъ обладало. Оно обнимало все, но само ничѣмъ не обнималось; было во всемъ созданіи своею силою, внѣ его своимъ существомъ. «Оно — какъ выражается апологетъ—и въ тѣлѣ было, и вмѣстѣ находилось во всѣхъ тваряхъ, и было внѣ существъ и упокоевалось во Единомъ Отцѣ. И что удивительнѣе всего, проводило жизнь, какъ человѣкъ, все оживотворяло, какъ Слово и пребывало съ Отцемъ, какъ Сынъ» ¹⁾).

Уже гораздо ранѣе Аѳанасія были люди, которые механически понимая отношеніе Бога къ міру отвергали возможность вочеловѣченія Бога—Слова. Вопреки имъ Св. Аѳанасій замѣчаетъ, что нѣтъ ничего несообразнаго съ разумомъ въ ученіи, что Слово явилось въ тѣлѣ. Если язычники вовсе отрицаютъ, что есть Божіе Слово, то они смѣются надъ тѣмъ, чего не знаютъ ²⁾. Если же они признаютъ, что есть Божіе Слово, что Оно—Властитель вселенной, что все въ ней Имъ озаряется, оживотво-

¹⁾ Тамъ же стр. 103.

²⁾ Тамъ же стр. 138

ряется и получаетъ бытіе, то что удивительнаго, или несообразнаго въ томъ, что Слово пребывало и въ человѣкѣ? Если по ученію самихъ языческихъ философовъ, Слово пребываетъ въ мірѣ, какъ въ Своемъ тѣлѣ, то почему же Оно не можетъ пребывать и явиться въ человѣкѣ, который есть часть міра? Для Слова явиться въ человѣческомъ тѣлѣ, которое бы Имъ озарилось и приводимо было въ дѣйствіе, столь же прилично, какъ пребывать въ мірѣ и открывать Себя во вселенной ¹⁾.

Но почему Спаситель явилъ Себя не въ другихъ, лучшихъ частяхъ твари и не употребилъ въ орудіе совершеннаго Имъ дѣла искупленія что либо лучшее, напр. солнце, эфиръ и проч? Потому, что Онъ пришелъ не показать Себя, но уврачевать и научить страждущихъ. Между тѣмъ, если бы Онъ явился страждущимъ въ образѣ, превосходящемъ ихъ понятія, то они были бы приведены въ смущеніе, отъ чего и самое пришествіе Его сдѣлалось бы бесполезнымъ ²⁾.

Уничженное состояніе Христа, его страданія и смерть особенно соблазняютъ язычниковъ. Но страданія и смерть Сына Божія, сопровождавшіяся столь чудными событіями и потому бывшія самымъ яснымъ и рѣшительнымъ свидѣтельствомъ Его величія и божественной силы, необходимо требовались воспринятымъ отъ Него дѣломъ спасенія человѣческаго рода; ибо только подъ эгидъ условіемъ Онъ могъ уплатить тяготившій надъ человѣчествомъ

¹⁾ Тамъ же стр. 139.

²⁾ Тамъ же стр. 141.

долгъ Правдѣ Божіей, спасти человечество отъ узъ смерти, сдѣлать его свободнымъ отъ ответственности за древнее преступленіе. Кромѣ того, Сынъ Божій долженъ былъ принести жертву за всѣхъ и показать Свое воскресеніе; а могъ ли бы Онъ воскреснуть, если бы не умеръ? ¹⁾.

Но спрашивается: почему Спаситель благоволилъ пріять смерть насильственную? почему не пріять естественную смерть, вслѣдствіе болѣзни и немощей тѣла? Потому, что смерть естественная есть слѣдствіе поврежденія человѣческой природы, котораго чуждо было человѣческое естество Христа. Слову, исцѣлявшему немощи другихъ, прилично ли было умирать вслѣдствіе своей немощи? И какъ люди повѣрили бы, что Онъ исцѣлялъ немощи людей, когда не могъ преобдѣлать собственныхъ немощи? ²⁾.

Еще: почему Богу не совершить бы во единый мигъ то, что совершено воплощеніемъ Слова, подобно тому какъ во единый мигъ Онъ творилъ міръ изъ ничего? Потому что теперь дѣло шло не о созданіи чего либо несуществующаго, но объ исцѣленіи падшаго и о восстановленіи его въ первобытное состояніе невинности. Поврежденіе человѣка не было лишь внѣшнимъ актомъ; не могло принести пользы и внѣшнее разрѣшеніе отъ слѣдствій грѣха; но, какъ смерть привилась къ человѣку внутренно, такъ и привитіе жизни должно быть внутреннѣйшее. Если бы Слово было внѣ тѣла, а не

¹⁾ Тамъ же стр. 111.

²⁾ Тамъ же стр. 110.

въ самомъ тѣлѣ, то, хотя смерть была бы побѣждена Словомъ, но, тѣмъ не менѣе, оставалось бы въ тѣлѣ начавшееся тлѣніе. Слово и безъ пріятія тѣла могло бы побѣдить смерть и лишить ее власти надъ людьми, но чрезъ это человѣческая природа не сдѣлалась бы безсмертною. Такъ солома, когда ее предохраняютъ отъ огня, остается всетаки удобосгораемою, но когда ее обложатъ каменнымъ лъномъ, тогда она не боится огня; каменный лѣнь уподобляется здѣсь дающей безсмертіе силѣ Слова ¹⁾).

Воплощеніемъ своимъ Сынъ Божій снова возвратилъ человѣческому роду первоначальную его жизнь (*τὴν ἀρχὴν ζωῆς*). Какъ преслушаніемъ перваго чело-вѣчка распространилась смерть на весь родъ чело-вѣческой, такъ чрезъ вочеловѣченіе Сына Божія и Его смерть, уничтожена смерть и всѣмъ дано обновленіе жизни. Грѣхъ со всѣми своими послѣд-ствіями, съ помраченіемъ образа Божія и утратою вѣденія о Богѣ, царствовалъ въ людяхъ. Слово Бо-жіе сдѣлалось чело-вѣкомъ и побѣдило грѣхъ вмѣсто насъ. Поелику Оно причастилось чело-вѣчества, ста-ло одно съ нимъ, то, посему, всѣ люди въ Немъ побѣдили и Оно за всѣхъ; Его жизненная, вѣчная сила сообщилась всѣмъ намъ и всѣхъ исполнила жизнію. Оно исполнило законъ вмѣсто насъ, и мы въ Немъ исполнили. Чуднымъ образомъ въ одномъ и томъ же тѣлѣ Христа совершилось и то и дру-гое: и смерть всѣхъ приведена въ исполненіе на немъ, и уничтожена смерть, ради соприсущаго съ

¹⁾ Тамъ же стр. 144

нимъ Слова. И какъ смерть не была въ человѣчествѣ чѣмъ либо внѣшнимъ, но явилась, какъ нечто внутреннее и необходимое, такъ и уничтоженіе грѣха было внутреннее и потому смерть для тѣхъ, которые увѣруютъ во Христа есть уже не наказаніе, а переходъ къ славѣ воскресенія. Они, хотя и умираютъ, по причинѣ смертности тѣла, но только на время, подобно сѣменамъ, посѣяннымъ не для того, чтобъ погибнуть, но чтобъ ожить и дать лучшей цвѣтъ и плодъ ¹⁾.

А что Иисусъ Христосъ былъ именно Слово Божіе воплотившееся и что чрезъ Него дѣйствительно совершено искупленіе человѣчества,—это ясно доказываютъ пророчества о Христѣ, разсѣяныя по всему Ветхому Завету. Къ кому могутъ относиться ветхозавѣтныя предсказанія о необыкновенномъ рожденіи Эммануила отъ Дѣвы (Исаиі VII, 14), о Его смерти ради насъ (Исаиі LIII.), о распятіи (Втор. XXVIII, 66; Иерем. XI, 19; Псал. XXI, 17—19), о Его владычествѣ надъ всѣми языками (Исаиі 11, 10) и проч. Ни къ кому, кромѣ Единого Господа Іисуса Христа ²⁾?

Несправедливо потомки отверженнаго Израиля, для которыхъ особенно должно быть очевидно это доказательство, стали бы утверждать, что, хотя ни на комъ еще не исполнились эти пророчества, но это не значитъ, чтобъ они не могли еще исполниться, что Мессія еще не пришелъ ³⁾. Пророкъ Даніиль, опредѣливъ семьюдесятью седминами вре-

¹⁾ Тамъ же стр. 107—108.

²⁾ Тамъ стр. 126—134. Ср. Demonst. Ev. I V—X.

³⁾ Тамъ же стр. 134.

мя пришествія Мессіи, ясно говоритъ противъ нихъ. Въ его пророчествѣ указанъ Христосъ-Помазанникъ, предвозвѣщено, что Помазуемый не просто человекъ, но Святойъ Святыхъ, что до пришествія Его будетъ стоять Іерусалимъ и, наконецъ, не станетъ пророка и видѣнія во Израиль. И это исполнилось въ точности. До пришествія Свасителя были и помазанники въ іудейскомъ народѣ; были и прорски; стоялъ храмъ и Іерусалимъ; когда явился Спаситель, все это уничтожилось: ибо не было уже нужды въ прикровенномъ и сѣновномъ, когда пришла сама Истина и Правда вѣчная ¹⁾).

Опытъ, взглядъ на дѣйствія христіанства въ человечествѣ служатъ новымъ несомнѣннымъ и неопровержимымъ доказательствомъ его истинности. Эта часть аргументаціи Св. Аѳанасія самая интересная. Онъ выходитъ изъ той мысли, что христіанство есть дѣло жизни и, потому, въ жизни, въ своихъ дѣйствіяхъ на человечество, оно можетъ всего поразительнѣе засвидѣтельствовать свою истинность.

Смертію Христовою, дѣйствительно, сокрушена держава смерти, какъ учатъ христіане; это видно изъ того безстрашія, съ которымъ исповѣдники Христовы — не только мужи, но и дѣти и слабыя женщины — стремятся на смерть. Человекъ боится, по природѣ, смерти. Что же бы могло поддержать въ этихъ безстрашныхъ исповѣдникахъ Христовыхъ презрѣніе къ смерти, если бы Спаситель не попралъ Своєю смертію смерть? Кто не довѣряетъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 135. Ср. Деян. Ев. I VIII

побѣдѣ надъ смертію, тотъ пусть приметъ вѣру Христову и тогда опытно увидитъ немощь смерти и побѣду надъ нею. Когда ночь разсвѣтается на землѣ и возсіяваетъ свѣтъ, когда солнце испускаетъ лучи свои, кто будетъ сомнѣваться, что солнце прогнало ночь и пролило дневной свѣтъ? Когда ученики Христа ежедневно презираютъ смерть, по вѣрѣ въ Него, то какой безумецъ не повѣрилъ бы, что Христосъ. Котораго они исповѣдуютъ, даровалъ имъ такую силу ¹⁾).

Христосъ — живъ; это видно изъ того, что Онъ сообщаетъ столь многимъ жизнь, отъ смерти грѣха преводя въ жизнь святыхъ. Если смерть упразднена и всѣ попираютъ ее, при содѣйствіи Христа, то тѣмъ паче Самъ Онъ попралъ ее. Больше, чѣмъ слова, доказываетъ это опытъ. Ежедневно великое множество еллиновъ и варваровъ невидимо убѣждается приступить къ вѣрѣ во Христа, — можетъ ли же кто сомнѣваться, что Христосъ живъ, или лучше, есть самая жизнь? Свойственно ли мертвому приводить мысль человѣческую въ такое умиленіе, чтобы люди отрекались отъ отеческихъ законовъ и слѣдовали Христову ученію? Спаситель совершаетъ ежедневно столь великія дѣла, всѣмъ даруетъ спасеніе, прогоняетъ демоновъ, — кто отвергнетъ воскресеніе тѣла Христова? Правда, тѣло Христово невидимо, но Богу и свойственно быть невидимымъ и познаваться изъ дѣлъ ²⁾).

Христосъ есть Истинное Слово Божіе, воплотив-

¹⁾ Тамъ же стр. 117—120

²⁾ Тамъ же стр. 121—125

тившееся ради нашего спасенія. Сколько ни писали и какъ краснорѣчиво ни писали греческіе мудрецы, они только немногихъ изъ своихъ послѣдователей успѣли убѣдить въ безсмертіи души и направитъ къ жизни божественной. Но Христось простыми рѣчами неученыхъ рыбарей убѣдилъ людей изъ всѣхъ странъ міра презирать смерть, помышлять о безсмертіи, презирать чувственность, устремляться умомъ къ вѣчному и небесному. Это — не слова только. Со времени пришествія Иисуса Христа на землю умолкли и опустѣли прорицалица, исчезла сила демоновъ, пришли въ заустѣнне училища волшебства. 1) Теперь всякій христіанинъ можетъ крестомъ побѣждать демонскія мечтанія 2). Какой мыслящій, не предубѣжденный язычникъ не согласится, что вѣра христіанъ истинна и Христось есть Божій Сынъ, Слово, Премудрость и Сила Отчая, а не простой человекъ? Можетъ ли быть даже сравненіе власти Его надъ природою и успѣховъ его дѣятельности со властію и дѣятельностію знаменитыхъ героевъ, полубоговъ, мудрецовъ, волхвовъ? Кто изъ бывшихъ когда-либо людей образовалъ себѣ тѣло отъ единой Дѣвы? Какъ слабо врачевное искусство Асклипія въ сравненіи съ силою исцѣленій, которою обладалъ Иисусъ Христось? Какой философъ такъ далеко распространилъ свое ученіе, какъ Христось? Чья смерть изгоняла когда-либо демоновъ? Кто могъ такъ подѣйствовать на людей, что они прежде грубые и развращенные

1) Тамъ же стр. 146

2) Тамъ же стр. 148

одушевлялись къ исполненію труднѣйшихъ и самыхъ высшихъ подвиговъ добродѣтели! Общій всѣхъ Спаситель—Христосъ такъ умягчилъ сердца людей, прежде жившихъ лишь грабежемъ и войною, что они преобразились въ мирныя націи. И это одною силою слова! Кто иной могъ совершить эту чудную перемѣну, какъ не возлюбленный Сынъ Отца Небеснаго, нашъ общій Спаситель Иисусъ Христосъ, который, по своей любви къ намъ, пріять смерть ради нашего спасенія ¹⁾).

Ежедневно все болѣе и болѣе падаетъ тьма идолослуженія. Какъ по восходѣ солнца, тьма не имѣетъ уже силы и, если остается еще гдѣ, то постепенно все болѣе и болѣе изгоняется, такъ по божественномъ явленіи Слова не имѣетъ уже силы демонская тьма. Но въ состояніи ли былъ простой человѣкъ, единственно своею силою, безъ всякихъ пособій со стороны внѣшней власти вступить въ борьбу съ язычествомъ, которое, во время пришествія Христа, было распространено по всему міру и выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы?... Какъ Богъ познается изъ дѣлъ творенія, такъ Христосъ въ удивительныхъ, чудесныхъ слѣдствіяхъ его дѣятельности ясно показываетъ Себя Богомъ ²⁾).

Послѣ Оригенова сочиненія «*περὶ ἀρχαῶν*» апологетическіе трактаты Св. Аѳанасія представляютъ первую попытку ученаго раскрытія всего христіанскаго вѣроученія изъ общихъ понятій о Богѣ и мірѣ, грѣхѣ и искупленіи. Съ особенною подроб-

¹⁾ Тамъ же, стр. 154 Ср. Граер *Evang.* I 1 с. 3—4

²⁾ Тамъ же стр. 156.

ністю и глибиною изложено, какъ и подлежало ожидать, ученіе о воплощеніи Сына Божія, составляющее основу и средоточіе всей христіанской догматики. Во всѣхъ отношеніяхъ апологетическія сочиненія Аѳанасія суть произведенія образцовыя. Писатель обнаруживаетъ въ нихъ, и глубокое знаніе Св. Писанія, и обстоятельное знакомство съ языческою литературою, хотя и не приводитъ, подобно Евсевію Кесарійскому, собственныхъ словъ изъ языческихъ писателей, касаясь ихъ мнѣній только въ общихъ чертахъ. Но отличительное свойство апологетическихъ трактатовъ Аѳанасія—строго-логическое расположеніе мыслей и неотразимая сила доказательствъ. Апологетъ исходитъ изъ одного общаго основанія и все строитъ на немъ; отсюда всякая мысль его находится въ тѣсной связи съ цѣлымъ и имѣетъ твердую опору. Изложеніе въ трактатахъ ясное и живое, что служитъ немало-важнымъ доказательствомъ, что это суть произведенія молодыхъ лѣтъ Св. Аѳанасія.

III.

АПОЛОГЕТИЧЕСКІЯ ПИСАНІЯ ХРИСТІАНСКІХЪ УЧИТЕЛЕЙ IV И V
ВѢКОВЪ ПРОТИВЪ ЮЛАНА.

Съ царствованія Константина, объявившаго христіанство господствующей религіей въ римской имперіи, наступила другая эпоха для язычества и христіанства въ греко-римскомъ мірѣ. Прежде христіанство было религіей гонимой, язычество религіей господствующей; теперь, наоборотъ, христіан-

ство беретъ верхъ, а язычество становится въ тяжкое положеніе побѣжденнаго. Украшенія языческихъ храмовъ похищаются рукою исполнителей воли императорской и поступаютъ на служеніе новой религіи ¹⁾. Христіанству оказываются со стороны предержавной власти почести и привилегіи; прежняя же религія терпитъ не только язвительныя насмѣшки, но даже явныя стѣсненія ²⁾.

Среди этихъ стѣсненій со стороны христіанскихъ государей, греко-римскій политеизмъ видимо клонился къ паденію. Со дня на день все больше и больше уменьшалось число его приверженцевъ. Если бы язычество, подобно христіанству, въ самомъ себѣ имѣло основы для жизни, то никакія усилія враговъ, никакія преслѣдованія со стороны высшей власти не могли бы поколебать его. Но въ томъ-то и дѣло, что внутренней силой давно уже у него не было; оно поддерживалось лишь привычкою, тѣмъ, что было освящено давностію и находилось въ связи со многими учрежденіями общественной жизни ³⁾.

Съ Юліаномъ язычество еще разъ пріобрѣтаетъ на краткое время политическое господство, какъ будто для того, чтобы еще больше ускорить свое паденіе; въ его царствованіе языческая религія сдѣлала послѣднія отчаянныя усилія поддержать себя, когда эта попытка не удалась, тогда все для нея было уже потеряно.

¹⁾ Chastel, I. c. p. 71.

²⁾ Beugnot: Histoire de la destruction du paganisme en Occident, t. I. p. 74; ср. Chastel. I. c. p. 95

³⁾ Chastel, I. c. p. 95

Юліанъ не воздвигаль открытаго гоненія на христіанъ, подобно Децію и Діоклетіану. Онъ началъ свое правленіе полной вѣротерпимостію и во все время своего владычества не посягаль насильственно на свободу совѣсти своихъ подданныхъ. Въ своихъ эдиктахъ и писмахъ, онъ нерѣдко внушаетъ префектамъ и начальникамъ провинцій не преслѣдовать христіанъ за религіозныя убѣжденія; онъ только выражаетъ сожалѣніе объ ихъ заблужденіяхъ и требуетъ, чтобы ихъ, какъ неразумныхъ, не наказывали, но учили. Но эта кротость Юліана относительно христіанъ была не выраженіемъ гуманнаго отношенія его ко всѣмъ подданнымъ, безъ различія ихъ религіозныхъ мнѣній, а просто дѣломъ разсчета. Юліанъ зналъ по опыту, что открытое преслѣдованіе не принесетъ никакой пользы, что оно только усилитъ христіанское общество; онъ видѣлъ, что кровь мучениковъ будетъ лишь сѣменемъ христіанъ ¹⁾ и не хотѣлъ доставить христіанамъ чести и выгоды мученичества. Вотъ почему онъ предпочелъ непрямая мѣры; вотъ почему онъ видимо казался благосклоннымъ къ христіанамъ и не преслѣдовалъ ихъ.

Какъ же Юліанъ дѣйствовалъ противъ христіанъ?

Самымъ, по видимому безупречнымъ, но вмѣстѣ самымъ опаснымъ средствомъ ослабить христіанство и возвысить язычество было перенесеніе въ язычество нѣкоторыхъ учрежденій, придававшихъ христіанству особенное уваженіе даже въ гла-

1) См. Златоуста: „Слово въ память священномученика Вавилы“ въ рус. пер. его „словъ и бесѣдъ“, т. 1 стр. 213.

захъ безпристрастныхъ язычниковъ ¹⁾. Юліанъ началъ съ улучшенія жреческаго сословія: повелѣлъ избирать жрецовъ изъ людей самыхъ уважаемыхъ и благочестивыхъ, предписалъ имъ заниматься, подобно христіанскимъ священникамъ, проповѣдію, изучать писанія классиковъ, прилѣжать къ дѣламъ благотворительности. Чтобы уничтожить силу нравственнаго впечатлѣнія, какое производили на язычниковъ нравственная дѣятельность христіанъ и благолѣпіе ихъ богослуженія, онъ повелѣлъ язычникамъ заботиться о погребеніи мертвыхъ, оказывать гостепрѣимство чужестранцамъ, благотворить бѣднымъ, учредить богадѣльни и страннопріимныя дома, назначивъ на это значительныя суммы; предписалъ заботиться о религіозномъ образованіи народа, о благолѣпнн богослуженія и проч. Между тѣмъ все христіанское, введенное при христіанскихъ императорахъ въ жизнь общественную и государственныя учрежденія, Юліанъ позаботился снова измѣнить на языческое; христіанскіе символы, отличавшіе лице Императора, были уничтожены;

¹⁾ Нѣкоторые ученые отвергаютъ эту мысль, что Юліанъ хотѣлъ преобразовать язычество по образцу христіанства. Беньо (*Hist. de la destr. du paganisme en Occident*, t. I p. 204—206) говоритъ: „христіанство казалося Юліану религіей невѣждъ и безумцевъ; онъ не только повторялъ это, но много разъ старался доказывать. При такихъ воззрѣніяхъ, измѣнить язычество по образцу христіанства,—значило бы не преобразовывать язычества, но искажать и обезображивать“ и на этомъ основаніи отвергаетъ мысль о преобразованіи язычества согласно съ нѣкоторыми идеями христіанскими. Но свидѣтельства Григорія Богослова слѣшкомъ прямы и достоверны, чтобы сомнѣваться въ ихъ истинѣ. Притомъ же, мысль о преобразовательныхъ планахъ Юліана подтверждается и собственными его сочиненіями. См. Шаффа, 1. с. р. 477.

государственныя знамена снова получили тотъ видъ, какой имѣли при языческихъ императорахъ ¹⁾.

Благопріятствуя язычеству, стараясь возвысить его нравственно и въ преобразованномъ видѣ противопоставить христіанству, Юліанъ въ то же время старался и внѣшнимъ образомъ стѣснять христіанъ. Не смотря на краснорѣчивыя фразы о равной любви ко всемъ подданнымъ, Юліанъ, собственно, не равнял христіанъ въ правахъ съ язычниками. Онъ не только предпочиталъ послѣднихъ при замѣщеніи должностей, но исключительно имъ благопріятствовалъ. То же различіе видимъ въ употребленіи мѣръ строгости за преступленія. Если и справедливо, что часто, безъ вѣдома Юліана, язычники умерщвляли христіанъ, какъ бы въ отмщеніе за дѣйствія ихъ при христіанскихъ императорахъ ²⁾, то, тѣмъ не менѣе, онъ снисходительно смотрѣлъ на эти убійства и убійцы оставялись безъ наказанія.

Особенною несправедливостію, возбуждившею негодованіе даже со стороны язычниковъ отличался эдиктъ Юліана, которымъ онъ запрещалъ христіанамъ заниматься науками, не относящимися, собственно, къ христіанской религіи ³⁾. Цѣль этого

¹⁾ Св. Григорія Богослова: 1 Сл. Облич. на Юліан. въ Твор. Св. Отц. въ рус. пер. кн. 1. стр. 164—166. Созом. V, 16. 17. Ср. Ulman's Gregorius von Nazianz, p. 57—59; Chastel, 1. с. p. 132—136

²⁾ Veugnot, 1. с. t. 1. p. 188. 189. Ulmann, 1. с. p. 63.

³⁾ См. Григ. Бог. 1 облич. слово на Юл. 1. с. стр. 161. 162. Собственно говоря, этимъ эдиктомъ не запрещалось дѣяньемъ христіанскимъ посѣщать школы риторовъ и софистовъ; напротивъ, Юліанъ даже желалъ этого въ той мѣрѣ, что всякій благородный юноша, учась подъ руководствомъ настав-

эдикта состояла въ томъ, чтобы классическое образованіе обратить въ пользу только язычества и подавить христіанское просвѣщеніе; христіанамъ предоставлялось одно изъ двухъ: или лишать своихъ дѣтей классическаго образованія, или отдавать ихъ въ школы языческія, подвергая опасности возвращенія въ язычество краснорѣчивыми послѣдствіями политеизма.

Какъ много зла должны были принести христіанству эти мѣры,—само собою понятно. Но гражданскія узаконенія не были единственнымъ выраженіемъ непріязни Юліана къ христіанству. Ему казалось не довольно обольщать христіанъ мірскими разсчетами и житейскими выгодами, или дѣйствовать противъ нихъ силою власти; онъ рѣшился еще употребить въ дѣло оружіе Порфирія и открылъ литературную полемику противъ христіанства.

Главнымъ сочиненіемъ Юліана, въ которомъ онъ обнаружилъ всю силу своего тонкаго, изобрѣтательнаго ума и весь ядъ своей ненависти къ христіанамъ, было его большое сочиненіе противъ христіанъ ¹⁾. Оно писано было преимущественно въ

никовъ языческіихъ, отпадалъ бы отъ христіанства и переходилъ въ язычество Эдиктъ его воспрещалъ христіанамъ „преподавать“ свѣтскія науки. Юліанъ знаетъ, что многіе изъ христіанъ, оставаясь въ школахъ подъ предлогомъ преподаванія стовесности, распространяютъ христіанское ученіе и, изъясняя древнихъ писателей, пользуются этимъ лишь для того чтобы опровергать заблужденія язычества, и хотѣлъ предотвратить указанныя эдиктомъ подобныя явленія Ср Ullman, l. c. p. 60—62

¹⁾ Точное названіе его неизвѣстно. Сократъ (Ц. П. III, 23) цитуетъ это сочиненіе просто такъ: *βιβλίον κατὰ χριστιανῶν*. Равно и Григорій Богословъ, упоминая въ концѣ перваго „обличительнаго слова“ о „несчастивыхъ бнигахъ Юліана“, въ числѣ конхъ разумѣлось, конечно, и поле-

362 и 363 годах и окончено во время персидскаго похода ¹⁾).

Цѣлю полемическаго сочиненія Юліана, какъ онъ самъ говоритъ, ²⁾ было показать, что христіанство ни въ своемъ вѣроученіи, ни въ своихъ учрежденіяхъ и законахъ не содержитъ ничего божественнаго и есть изобрѣтеніе человѣческое, притомъ, неразумное. Что касается главныхъ мыслей, содержащихся въ этомъ нечестивомъ произведеніи ³⁾ и расположенныхъ, по замѣчанію Кирилла Александрійскаго, безъ всякаго порядка, то ихъ можно свести къ слѣдующимъ пунктамъ:

мическое сочиненіе Отступника противъ христіанъ, не называетъ его опредѣленно Ср. предисловіе Спашейма въ Patr. Curs. Compl. t. 76. p. 490.

1) Hieron. ep. ad Magnum.—О числѣ книгъ этого сочиненія Юліанова противъ христіанъ два равно достовѣрные свидѣтеля даютъ не одинаковыя показанія Св Кириллъ Александрійскій говоритъ въ своемъ опроверженіи сочиненія Юліана, что оно состояло изъ трехъ книгъ (Contg Iulian Praef. ed Aub. p. 3). Напротивъ, Иеронимъ, который по времени жизни былъ ближе къ Юліану, утверждаетъ, что оно состояло изъ 7 книгъ (ep. ad Magnum). На чьей сторонѣ правда, трудно рѣшить. Изъ словъ Юліана видно, что онъ хотѣлъ подвергнуть своему разбору „все догматы христіанства“ (Contg. Iul. 11, 41); итакъ, повидимому, болѣе основаній доврѣться показанію Иеронима (ср. Кельнера, 1. с. р. 295) Но а) странно, что Кириллъ, жившій такъ недолго спустя послѣ Юліана, не зналъ остальныхъ книгъ труда Юліанова, если бы они, дѣйствительно, были; б) если въ 10 первыхъ книгахъ Кириллъ опровергалъ лишь первую книгу Юліана и если весь трудъ Кирилла состоялъ, сколько извѣстно, изъ 19 книгъ (см. Patr. Curs. Compl. t. 76 p. 1057), то выходитъ, что на остальные шесть книгъ сочиненія Юліана Кириллъ отвѣчалъ только десятью книгами, что довольно странно Итакъ, повидимому, болѣе основаній доврѣться свидѣтельству Кирилла Александрійскаго.

2) Contg Iul II, p. 39. ed. Aub.

3) Почти единственнымъ источникомъ свѣденій о содержаніи сочиненія Юліанова служитъ апологетическій трудъ Кирилла Александрійскаго, содѣржащій много отрывковъ изъ онаго.

а) Ученіе язычества о многихъ богахъ, подъ которыми должно разумѣть боговъ національныхъ, областныхъ, признаваемыхъ чокровителями различныхъ состояній и отношеній человѣческой жизни, не только не противорѣчитъ здравому разуму, но и подтверждается положительными фактами дѣйствительности, имѣя основаніе въ различіи характера народовъ и въ ихъ національныхъ особенностяхъ. «Наши учителя—говоритъ Юліанъ, обращаясь къ христіанамъ—утверждаютъ, что Творецъ міра есть общій всѣхъ Отецъ и Царь; но онъ раздѣлилъ всѣ народы между національными и областными богами, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои особенныя цѣли и управляетъ, какъ ему угодно... Вѣковой опытъ подтверждаетъ наше ученіе; а ваши воззрѣнія ни въ чемъ не находятъ подтвержденія» (Contr. Iul. IV кн.).

б) Греки, какъ по умственному образованію, такъ и по военной и гражданской доблести стоятъ несравненно выше Евреевъ. Между Евреями нѣтъ ни одного лица, которое могло бы равняться въ военномъ искусствѣ Александру Македонскому или Цезарю, въ законодательствѣ—Ликургу и Солону, въ житейской мудрости—Θεοгниду и Сократу. Такъ какъ свойства и отношенія народовъ зависятъ отъ національныхъ боговъ, которые управляютъ ими по своему произволу, направляя ихъ къ лучшему, то должно согласиться, что боги Эллады превосходятъ Іеговы, который есть не верховный міроправитель, но національный богъ еврейскій и слѣд. религія греческая выше еврейской (Ibid. V—VII кн.).

в) Священныя писанія Евреевъ, которыя приняли

христіане и считаютъ богодухновенными, ниже произведеній греческихъ мыслителей. Повѣствованія Моисея о твореніи человѣка, грѣхопаденіи и проч. суть не что иное, какъ басни, исполняемыя смѣшныхъ противорѣчій (*Ibid.* II—III кн.).

г) Основатель христіанской религіи вовсе не заслуживаетъ того благоговѣйнаго почитанія и поклоненія, которое воздаютъ ему христіане. Онъ не только не Богъ, но и человѣкъ вовсе незамѣчательный, не сдѣлавшій ничего великаго; ибо его исцѣленія въ весяхъ Виѳсаиды и Виѳаніи вовсе нельзя считать чѣмъ либо необыкновеннымъ. Не признанный и не принятый даже своими сродниками, онъ, уже послѣ, вслѣдствіе заявленія Іоанна, былъ признанъ христіанами за Бога, хотя никто другой, даже изъ апостоловъ, не зналъ и не училъ о Его божествѣ (*Ibid.* VI и X кн.).

д) Христіанство есть не что иное, какъ смѣсь іудейства и язычества, смѣсь, притомъ, въ которой остались худшіе элементы того и другаго: іудейское легкомысленное презрѣніе боговъ и склонность къ пороку языческаго общества (*Ibid.* II кн.).

е) Мнѣніе христіанъ, будто ихъ религія есть продолженіе и развитіе религіи еврейской,—совершенно ложно. Уклоненіе отъ обрядоваго закона Моисея, который соблюдать заповѣдалъ самъ Христосъ, который составлялъ сущность іудейства, есть очевидный признакъ отпаденія христіанъ отъ религіи Моисея. Напротивъ, языческая религія носитъ ясные слѣды близости къ іудейству, несомнѣнно открывающейся изъ сходства обычаевъ и учрежденій той и другой религіи (*Ibid.* VII—X кн.).

Юліанъ, подобно Порфирію, не взводитъ уже на христіанъ тѣхъ нелѣпныхъ обвиненій въ безправственныхыхъ почныхъ соборищахъ, ѳіестійскихъ пиршестввахъ и эдишовыхъ преступленіяхъ, въ заговорахъ на жизнь Императора и посягательствъ на благоденствіе общественное,—обвиненій, на которыя такъ щедры были въ первые три вѣка христіанства язычники, и которыхъ ложь теперь, при ближайшемъ ознакомленіи съ христіанствомъ, была слишкомъ очевидна. Онъ чуждъ и тѣхъ грубыхъ навѣтовъ на христіанство, какіе мы находимъ у Цельса. Его критика болѣе спокойна. Его можно упрекнуть въ томъ, что онъ иногда повторяетъ тѣ, что давно уже было опровергнуто Оригеномъ въ «осьми книгахъ противъ Цельса» и Евсевіемъ въ «Евангельскомъ приготовленіи» и «Евангельскомъ доказательствѣ»; также въ томъ, что онъ иногда дѣлаетъ, подобно Порфирію, пустыя возраженія, напр. какъ можетъ называться происходящимъ изъ колѣна Іудова Іисусъ, когда Онъ родился не отъ Іосифа, но отъ Св. Духа (Contr. Jul. VIII, p. 259. 260. ed Aub.). Но, при этомъ, у него не мало новаго, таково напр. его объясненіе дѣйствительнаго бытія національныхъ божествъ. Его трудъ отличался искусствомъ софистовъ и краснорѣчивымъ изложеніемъ ¹⁾ и обнаруживаетъ въ авторѣ значительное знакомство не только съ Св. Писаніемъ, но и съ писаніями христіанскихъ учителей ²⁾. Языческій софистъ

¹⁾ Кириллъ Александрійскій выражается такъ объ Юліанѣ: „*Ἐφραῖ μὲν ἔχων τῆν γλῶσσαν οὐκ ἀθαύμαστον δὲ τὸ καλλιπέσο*“ Contr. Jul VI, p 183

²⁾ Созоменъ (Церк. Истор. V, 18.) рассказываетъ, что Юліанъ прочитавъ написанную противъ него и языческихъ философовъ книгу „объ

Ливаній старался увѣрить даже, что Юліанъ въ своемъ трудѣ далеко оставилъ за собой всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Полемика Юліана противъ христіанъ не осталась безъ отвѣта со стороны христіанскихъ учителей. Апологетическія писанія сихъ послѣднихъ противъ Юліана дѣлятся на два отдѣла. Одни разсматриваютъ не столько враждебныя христіанству мысли Юліана, сколько его дѣянія, направленныя къ вреду церкви; сюда относятся: два «обличительныя слова на Юліана» Св. Григорія Богослова и «слово въ память священно-мученика Вавилы» Св. Іоанна Златоуста. Другія занимаются собственно разборомъ полемическаго сочиненіе Юліанова противъ христіанъ. Таковы: 1) сочиненіе Аполлинарія Сирскаго, написанное еще при жизни Юліана. Свидѣтельство Созомена объ этомъ сочиненіи (Ц. И. V. 18) подтверждается мѣстомъ изъ хронографа Теофанова, въ которомъ читается: «Аполлинарій, заимствуя содержаніе изъ Св. Писанія и, подражая древнимъ, книгою, которую онъ написалъ противъ Юліана и озаглавилъ «объ истинѣ», весьма великую принесъ пользу Церкви. ¹⁾ 2) Сочиненіе Филиппа, пресвитера сидскаго (въ Памфиліи), о которомъ упоминаетъ Сократъ. ²⁾ 3) Сочине-

истинѣ», сказалъ,—смыслъ: ἀνέγνων ἔργον κατέγνων (т. е. прочиталъ, понялъ, осудилъ), на что христіанскіе епископы (вѣроятно, Василій Великій) въ подобномъ же тонѣ отвѣчали ἀνέγνως, ἀλλ' οὐκ ἔγνως ἐδ' ὑάρ ἔγνως, οὐκ αὖ κατέγνως (т. е. ты читалъ, но не понялъ; ибо если бы понялъ, то не осудилъ бы) Ср. также отзывъ Юліана объ Евсеіи Кесарійскомъ. Contr. Iul. VII, p. 222.

¹⁾ См. предисловіе Спаггейма въ Patr. Curs. Compl. Т. 76¹ p. 495.

²⁾ Ц. И VII, 27; ср. Köllner, I с р. 296; Chastel, I с р. 268

ніе Θεодора Моисуетскаго. ¹⁾4) Сочиненіе Св. Кирилла Александрійскаго. Изъ всѣхъ этихъ трудовъ до насъ дошли въ полномъ видѣ (или по кр. мѣрѣ въ большей части) только слова Григорія Богослова и Златоуста и сочиненіе Кирилла Александрійскаго.

а.) ОБЛИЧТЕЛЬНЫЯ СЛОВА НА ЮЛІАНА Св. ГРИГОРІЯ
БОГОСЛОВА.

Два обличительныя слова Григорія Богослова противъ Юліана написаны спустя около шести мѣсяцевъ по смерти Юліана. ²⁾ Этотъ трудъ великаго святителя не есть апологетическое сочиненіе въ собственномъ смыслѣ; въ немъ нѣтъ прямого систематическаго опроверженія заблужденій язычества и возраженій его противъ христіанской религіи, нѣтъ защищенія ея истинности и божественности, что мы привыкли соединять съ именемъ апологетическаго сочиненія. Содержаніе «обличительныхъ словъ на Юліана» инаго рода. Это выраженіе скорби о тѣхъ смущеніяхъ въ церкви христовой, которыя произвелъ въ ней Отступникъ. Григорій Богословъ ³⁾ «думалъ въ этихъ обличительныхъ словахъ воздвигнуть Юліану памятникъ, который, какъ современникамъ, такъ и потомству, показалъ бы въ немъ человѣка, достойнаго всеобщаго презрѣнія»,—и все

¹⁾ Chastel, l. c. p. 268 Отрывки изъ сочиненія Θεодора Моисуетскаго смъ въ Patr. Curs. Comp. t. 66. p. 715 и слѣд.

²⁾ Шафъфъ: Церк. Ист. Lpz. 1867 p. 470.

³⁾ Ullman's Gregorius von Nazianz. Gotha, 1866. p. 66—67. Стр. 1 облич. слово на Юліана въ Тв. Св. Отцъ въ рус. пер. кн. 1 стр. 84—86; 2 обл. слово 1 с. 215

сочиненіе его есть не что иное, какъ разборъ и осужденіе всѣхъ мѣръ, принятыхъ Юліаномъ противъ христіанства. По этой основной цѣли «обличительныя слова» Св. Григорія должны быть отнесены къ числу апологетическихъ сочиненій. Мысль, какъ гибельно кончаются всѣ предиріятія враговъ церкви противъ христіанства, примѣромъ чего служитъ гибель Юліана, проглядываетъ повсюду, особенно во второмъ словѣ, а это прямо сообщаетъ имъ апологетическій характеръ.

Что «обличительныя слова на Юліана» были составлены и написаны, по видимому, для произнесенія предъ народомъ, показываетъ начало перваго изъ этихъ словъ, а равно и нѣкоторыя другія мѣста въ оныхъ. Но что они на самомъ дѣлѣ никогда произнесены не были, на это дастъ свидѣтельство самъ Григорій Богословъ. Онъ говоритъ въ словѣ «о мирѣ», что, когда монахи отдѣлились отъ общенія съ его отцемъ, онъ отказался отъ проповѣдыванія и ни съ кѣмъ не бесѣдовалъ. ¹⁾ Но это раздѣленіе въ назіанзской церкви произошло именно въ то время, когда онъ писалъ свои «обличительныя слова на Юліана», какъ видно изъ слѣдующаго мѣста въ первомъ обличительномъ словѣ: «о если бы составилъ часть нашего лика и тотъ соборъ, который прежде вмѣстѣ съ нами воспѣвалъ Богу неподдѣльную и чистую пѣснь, даже удостоивался никогда стоять на десной странѣ и, какъ надѣюсь, вскорѣ оная удостоится! Но не

¹⁾ Слово „о мирѣ“ въ Тв. Св. Отц. въ рус. пер. кн. 1. стр. 219.

знаю, по какому побужденію, онъ вдругъ измѣняется, отдѣляется и (чему особенно дивлюсь) не приступаетъ къ общему веселію» и т. д. ¹⁾ Слова эти, очевидно, относятся не къ аріанамъ, а къ монахамъ, отдѣлившимся отъ общенія съ назіанзскою церковію. ²⁾ Если же такъ, если, дѣйствительно, эти слова надобно разумѣть о монахахъ, отдѣлившихся отъ общенія съ назіанзскимъ Епископомъ, то, значить, «обличительныя слова», написанныя Св. Григоріемъ во время отдѣленія, не были произнесены предъ народомъ. ³⁾

Въ первомъ обличительномъ словѣ противъ Юліана Св. Григорій представляетъ историческій очеркъ нечестивыхъ распоряженій, направленныхъ ко вреду церкви.—Жизнь Юліана онъ разсматриваетъ какъ одинъ непрерывный рядъ дѣйствій и мѣропріятій, враждебныхъ христіанству. Спасенный Констанціемъ отъ общей участи своего семейства и воспитанный вмѣстѣ съ братомъ Галломъ въ наукахъ и христіанскомъ благочестіи, Юліанъ рано предался всею душею язычеству, хотя показывалъ въ себѣ видимо—по словамъ Св. Григорія—человѣка любознательнаго и усерднаго ко Христу. Это наружное усердіе об-

¹⁾ 1 Слово облич. на Юліана 1 с. р. 90.

²⁾ Ораторъ говоритъ, что „называть ихъ удерживаетъ его вѣра“, что „онъ щадитъ ихъ, какъ собственные члены“ и т. д. Выразился ли бы онъ такъ объ аріанцахъ?

³⁾ См. in orationes Gr. Theol IV et V monitum въ Patr. Cours. Compl. t. 35. р. 527.—Ульманъ (Gregorius von Nazianz, р. 66) считаетъ, впрочемъ, наиболее вѣроятнымъ, что эти „обличительныя слова“ и не предназначались для произнесения.

наружилось особенно въ то время, когда оба брата, соперничествовавшіе другъ съ другомъ въ ревности и усердіи къ почитанію святыхъ мучениковъ, создали храмъ во имя Св. мученика Маманта. Но такъ какъ труды ихъ происходили не отъ одинаковаго расположенія, то и конецъ ихъ, по замѣчанію Св. Григорія, былъ различенъ. Между тѣмъ какъ дѣло брата Юліанова Галла, искренно преданнаго христіанству, шло успѣшно, труды Юліана оставались напрасными; землетрясеніе разрушало неоднократно все имъ созданное. ¹⁾

Достигнувъ мужескаго возраста, оба брата начали изучать философію и риторику. Юліанъ ясно сталъ обнаруживать свои наклонности, которыя досель сдерживалъ, по причинѣ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Въ диспутахъ онъ всегда защищалъ язычниковъ противъ своего благочестиваго брата, подъ предлогомъ упражненія въ словъ посредствомъ споровъ, а на самомъ дѣлѣ, для противоборства истинѣ, потому что, какъ показали послѣдствія, онъ, дѣйствительно, тогда сочувствовалъ язычеству. ²⁾

По смерти Констанція, въ которой Юліанъ,—по мнѣнію аологета,—принималъ несомнѣнное участіе, ничто уже не препятствовало ему открыть то, что таилось въ глубинѣ его развращеннаго сердца. И вотъ, не успѣвъ еще наслѣдовать царства, онъ уже съ дерзостію обнаруживаетъ нечестіе.—«Скверною кровію онъ смываетъ воду крещенія, таинствен-

¹⁾ Твор. Св. Отц. въ рус. пер. т. 1 стр. 99.

²⁾ *ibid.* стр. 102.

ное христіанское совершеніе замѣняя языческимъ. ¹⁾»

Но Десница Вседержителя не оставила злочестиваго царя безъ вразумленія. Нѣкогда, рассказываютъ, приносѧ жертву, онъ нашель во внутренностяхъ животнаго крестъ въ вѣнцѣ. Во всѣхъ присутствовавшихъ это явленіе возбудило ужасъ и смятеніе. Лишь злочестивый отступникъ не внялъ знаменію: «крестъ и кругъ — сказалъ онъ окружающимъ — означаютъ, что христіане отвсюду окружены и заперты. ²⁾»

Небесныя знаменія не вразумили Отступника. Но, ненавидя христіанство, онъ не рѣшился, однако, воздвигнуть открытое гоненіе на его исповѣдниковъ. Злое дѣло свое онъ началъ съ приближенныхъ и окружающихъ его, однихъ изъ царедворцевъ подъ разными предлогами предавъ смерти, другихъ удаливъ отъ себя.—Изображеніе креста на знаменахъ было уничтожено, восстановлены были прежнія на нихъ изображенія. ³⁾ На своихъ изображеніяхъ Юліанъ повелѣлъ окружить себя языческими богами, такъ что воздающій честь Императору неизбѣжно долженъ былъ воздавать ее и идоламъ, а уклоняющійся отъ чествованія идоловъ казался оскорбителемъ чести Императора. Обмана избѣгли лишь немногіе, только тѣ, которые были богобоязненныѣ и проникательныѣ другихъ, но они и наказаны за свою проникательность подъ предлогомъ, что ос-

¹⁾ Ibid. стр. 115.

²⁾ Ibid. стр. 116 ср Созом. II. II V, 2.

³⁾ Ibid. стр 123.

корбили честь Императора. ¹⁾ Еще характеристичнѣе слѣдующій случай. Однажды, въ день раздачи наградъ, явился Императоръ, окруженный знаками своего достоинства и изображеніями боговъ. Солдаты проходили мимо: каждому предложено было золото, предложенъ былъ и ладанъ. Если они рѣшались, будучи христіанами, возложить на огонь еиміамъ и поклониться идоламъ, ихъ награждалъ благосклонный взоръ царя и ожидала богатая плата. «Цѣлое воинство—воскликаетъ Св. Григорій—продавалось однимъ злоухищреніемъ... Какія тысячи персовъ, стрѣлковъ и пращниковъ, какіе закованные въ желѣзо и ни откуда не уязвляемые воины, какія стѣлобитныя орудія успѣли бы въ томъ, что совершено было одною рукою, въ одно время гнуснымъ умысломъ.» ²⁾

Разсказываютъ, что, когда подвергшіеся обольщенію, возвратились домой раздѣлить съ товарищами трапезу, и когда пришло время, по обычаю, прохладиться питьемъ, то нѣкоторые, принявъ прохладительную чашу, стали возводить очи горѣ и съ крестнымъ знаменіемъ призывать имя Христова. Прочіе товарищи съ удивленіемъ спрашивали: «что же это? послѣ отреченія вы снова призываете Христа?» На отвѣтъ спрошенныхъ: «когда же они отрекались отъ Христа?»—вопрошавшіе отвѣчали: «вы

¹⁾ Ibid. стр. 135 Обыкновенно, подлѣ Юпіана, изображался или Зевсъ возлагающій на него вѣнецъ и багряницу, или Марсъ и Меркурій, своими благосклонными взорами, обращенными къ нему, свидѣтельствующіе о его храбрости и краснорѣчии. Созом. Ц. II, V, 17

²⁾ Ibid. стр. 136—137 Ср. Созом. Ц. II, III, 17

возлагали онѣмъ на огонь, а это то же значитъ, что отреченіе». Тогда обманутые немедленно оставляютъ пиршество и бѣгутъ на площадь и, желая отклонить отъ себя всякій видъ отреченія отъ Христа, громко восклицаютъ, что они — христіане и императоръ пусть не думаетъ, что они согласны за цѣну золота продать свою вѣру. Юліанъ не рѣшился за это смѣлое признаніе возложить на нихъ, сообразно ихъ желанію, вѣнецъ мученичества и осудилъ ихъ на изгнаніе. ¹⁾

Хотя Отступникъ не объявлялъ открытаго гоненія на христіанъ, но безнаказанность ихъ преслѣдователей и явное доброжелательство друзьямъ язычества свидѣтельствовали не двусмысленно о его намѣреніяхъ касательно христіанъ. Во многихъ городахъ произошли народныя волненія, имѣвшія слѣдствіемъ умерщвленіе нѣкоторыхъ христіанъ и оскверненіе христіанскихъ святилищъ. Такъ было въ Иліополь, Александрію, Газъ, Ареѳузъ. Кромѣ многихъ другихъ замѣчательныхъ событій при этомъ, особенно характеристиченъ слѣдующій случай. Въ одной области языческая чернь неистовствовала противъ христіанъ и, умертвивши многихъ изъ нихъ, грозила сдѣлать еще болѣе; областной начальникъ наказалъ многихъ христіанъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвергъ наказанію и немногихъ изъ язычниковъ. Что же? Съ великимъ безчестіемъ этотъ областной начальникъ былъ схваченъ, представленъ царю, преданъ суду за то, что наказалъ язычниковъ и едва не былъ приговоренъ къ смерти; только по

¹⁾ Ibid. 137—139.

снисхожденію императора, смертный приговоръ былъ замѣненъ ссылкой. При этомъ въ отвѣтъ на извиненіе начальника тѣснотою обстоятельствъ, Юліанъ произнесъ слѣдующія слова: «что за важное дѣло, если одна рука языческая умертвила десять галлеянь.» ¹⁾

Какъ можно, при этомъ, прославлять кротость и добродушіе Юліана, что дѣлають его панегиристы! Дѣла его ясно обнаруживаютъ его свойства и его намѣренія. Много зла онъ сдѣлалъ христіанамъ и еще отъ большихъ неистовствъ былъ удержанъ Божиимъ человеколюбіемъ и слезами христіанъ.

Особенно огорчало высокообразованнаго христіанскаго апологета запрещеніе христіанамъ пользоваться классическимъ образованіемъ. Что за причина такого запрещенія? Словесныя науки и греческая образованность (*τὸ ἑλληνίζειν*) наши—говорилъ Юліанъ христіанамъ,—подобно какъ намъ принадлежитъ и чествованіе боговъ, а вашъ удѣлъ необразованность и грубость, такъ какъ у васъ вся мудрость состоитъ въ одномъ: «вѣруй.» Но, спрашиваетъ апологетъ, чѣмъ лучше пифагорейское *αὐτὸς ἔφα*,—христіанскаго «вѣруй!» И чѣмъ доказать, что словесныя науки принадлежать исключительно язычникамъ? Гдѣ, у какихъ жрецовъ предписана греческая образованность, подобно, какъ предписано, что и какимъ демонамъ приносить въ жертву? Или кому изъ боговъ посвящена образованность греческая? Да если бы и такъ было, все же, однако, не

видно изъ того, что она должна принадлежать однимъ язычникамъ. Если же называть собственностію язычниковъ греческій языкъ, и на этомъ основаніи устранивъ христіанъ отъ него, какъ отъ отеческаго наслѣдія, ни мало имъ не принадлежащаго, то и отсюда не видно, какъ это можно связывать съ почитаніемъ боговъ. Ибо изъ того, что у однихъ и тѣхъ же людей, и языкъ, и вѣрованія — греческіе, еще не слѣдуетъ лишать употребленія сего языка нераздѣляющихъ сихъ вѣрованій. И могутъ ли язычники утверждать, что греческая образованность есть ихъ исключительная принадлежность, ихъ, такъ сказать, собственность? И языкъ, и всякое искусство или полезное учрежденіе принадлежать не однимъ изобрѣтателямъ, а всѣмъ, ими пользующимся; ибо Высочайшій Зиждитель и Художникъ — Слово, хотя избралъ различныхъ изобрѣтателей разныхъ полезныхъ учреждений и искусствъ, но все предложилъ всѣмъ, кто хочетъ, дабы соединить насъ узами взаимнаго общенія и челоѡколюбія ¹⁾. Если бы запретить пользоваться заимствованнымъ у другихъ, то никому отъ этаго не было бы столь худо, какъ Грекамъ, потому что большую часть полезныхъ изобрѣтеній и искусствъ они заимствовали у другихъ народовъ; напримѣръ искусство письма у Финикійцевъ или у Египтянъ, искусство счисленія и измѣренія у Эвбеянъ и проч. ²⁾.

Чтобы нанести ущербъ христіанству, Отступникъ умыслилъ придать язычеству болѣе благовидный

¹⁾ Ibid. стр. 161.

²⁾ Ibid. стр. 162.

характеръ. Онъ вознамѣрился во всѣхъ городахъ завести училища на подобіе христіанскихъ и каѳедры для чтенія и толкованія языческихъ ученій, относящихся къ образованію нравовъ и таинствамъ, хотѣлъ предписать изученіе молитвъ, установить эпитиміи согрѣшающимъ, сообразныя преступленію, правила для приготовленія къ посвященію и самаго посвященія, думалъ устроить гостинницы и страннопріимныя дома, убѣжища для любителей цѣломудрія, для дѣвъ, обители для посвятившихъ себя размышленію и т. п. ¹⁾ Всѣ эти замыслы нечестиваго царя не исполнились. Но если бы и исполнились, то отнюдь не достигли бы цѣли. Сколько бы ни подражало христіанамъ, сколько бы ни перенимало ихъ учрежденія язычество, никогда бы оно не получило внутренней силы и жизненности христіанства. Кто не видитъ, какое глубокое противорѣчіе образовали бы эти учрежденія сущности, внутреннимъ основамъ язычества, — какъ его вѣроученію, такъ и нравственнымъ предписаніямъ? Христіанскіе обычаи и законы однимъ только христіанамъ и свойственны, такъ что никому другому, кто только захотѣлъ бы подражать имъ, не возможно перенять оныя, и это оттого, что они утвердились не человѣческими соображеніями, но силою Божіею и долговременнымъ постоянствомъ ²⁾.

Второе обличительное слово Григорія Богослова на Юліана, о которомъ онъ замѣчаетъ, что оно будетъ особенно пріятно и полезно его читателямъ,

¹⁾ Ibid стр. 165

²⁾ Ibid. стр. 166.

имѣеть цѣлю — показать, что гнѣвъ Божій не мигуетъ нечестивыхъ.

Гнѣвъ Божій на отступничество Юліана, обнаруживавшійся уже съ самаго начала его царствованія, съ теченіемъ времени, все очевиднѣе открывался въ разрушеніи злочестивыхъ замысловъ. Всего поразительнѣе рука Божія обнаружилась при возобновленіи Іудеями іерусалимскаго храма. Чтобы склонить на свою сторону іудеевъ и разрушить въру въ пророчество о зауствннн храма іерусалимскаго, Юліанъ дозволилъ іудеямъ возстановить ихъ разрушенный храмъ. Дѣятельно и ревностно стали іудеи трудиться надъ постройкою храма. Рассказываютъ, что и жены ихъ не только охотно жертвовали свои украшенія въ пользу предпринятаго дѣла и трудящихся, но сами на рукахъ носили землю, не щадя ни дорогой одежды, ни нѣжныхъ членовъ. Но землетрясеніе уничтожило всѣ ихъ труды, разрушивъ самыя, положенныя ими, основанія храма. Огонь вырвался изъ рововъ, и однихъ пожегъ и истребилъ, а другихъ, изувѣчивъ, оставилъ живымъ памятникомъ Божія гнѣва и мщенія на противниковъ Его. 1).

Не вразумленный и этими знаменіями, Юліанъ все болѣе и болѣе приближался къ своей погибели. Походъ противъ Персовъ, въ случай благопріятнаго исхода котораго, онъ обѣщался всѣхъ христіанъ

1) *ibid.* стр. 180 Ср. Златоуста: „Слово въ память священно-мученика Вавилы“ въ „Собраніи словъ и бесѣдъ“ Сикт. 1864 т. I. стр. 211.

принести въ жертву богамъ ¹⁾), былъ послѣднимъ дѣломъ Отступника. Безславная смерть положила конецъ его богоненавистнымъ дѣяніямъ. ²⁾)

Достоинство обличительныхъ словъ Св. Григорія и значеніе для своего времени давно признаны и оценены церковію и наукою. Хотя и не всегда въ нихъ слышится спокойный тонъ христіанскаго долготерпѣнія: но рѣзкіе отзывы и порицанія становятся совершенно понятны, при взглядѣ на обстоятельства времени. «Образъ правленія Юліана—скажемъ словами Ульмана—вызывалъ всякаго, кому было дорого христіанство, на борьбу противъ него, и кто рѣшался на эту борьбу, долженъ былъ дѣйствовать сильно и рѣшительно, чтобы утратить всякаго дерзкаго, кто бы снова осмѣлился возстать на церковь Христову. Григорій видѣлъ въ христіанствѣ спасеніе, самой дорогой оцлоть человечества,—могъ ли онъ равнодушно относиться къ тому человѣку, который хотѣлъ отнять у него это дорогое наследіе? Далѣе, когда Григорій писалъ, весь христіанскій міръ былъ еще полонъ ужаса, возбужденнаго правленіемъ Юліана, которое, какъ злобный метеоръ, явилось на христіанскомъ небѣ, и, естественно, въ рѣчахъ его высказалось состояніе еще свѣжаго огорченія, обнимавшаго большую часть христіанъ... Въ это время великой, на жизнь

¹⁾ Ср. Злагоуста: „Слово въ память священно-мученика Вавилы“ I. с. стр. 214.

²⁾ Сл. 2. облич. на Юліана, I. с. стр. 186—190.

и смерть веденной, борьбы между язычествомъ и христіанствомъ не возможна была хладнокровная оцѣнка человѣка, который, стоя во главѣ языческой партіи, угрожалъ гибелью христіанству, или требовала свыше-человѣческой умѣренности и осмотрительности» ¹⁾).

б) слово св. Іоанна Златоуста въ память священномученика Вавилы и противъ еллиновъ.

Весьма сходно съ «обличительными словами на Юліана» по характеру содержанія и цѣли «Слово въ память Священномученика Вавилы» Св. Іоанна Златоуста. Оно имѣетъ предметомъ своимъ также изобразить враждебныя дѣйствія Юліана противъ Церкви, а цѣлію—разъяснить невозможность поколебать христіанство, которое есть дѣло Божіе.

Златоуста нельзя назвать апологетомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Онъ не написалъ ни одного собственно апологетическаго сочиненія. Но въ его различныхъ словахъ и бесѣдахъ встрѣчается множество свѣтлыхъ мыслей чисто-апологетическаго свойства.—Обладая умомъ болѣе практическимъ, чѣмъ спекулятивнымъ, Златоустъ, и выступая въ качествѣ апологета, держится, по преимуществу, практической почвы. Онъ не входитъ въ умозрительныя доказательства истины христіанства и ложности язы-

¹⁾ Ullman, l. c. p. 70.

чества. но указываетъ всего чаще на высокое преимущество нравственнаго ученія и нравственной жизни христіанъ предъ ученіемъ и жизнью язычниковъ, а равно на самый фактъ существованія и всемірнаго распространенія христіанства, не смотря на весь противопоставленный ему преиятствія со стороны язычниковъ. Если по сказанію самихъ языческихъ поэговъ Зевсъ былъ оскверненный низкими пороками и преступленіями челоувкъ; если подобное разсказывается и о другихъ богахъ языческихъ, то это самое уже, по мнѣнію Златоуста, свидѣтельствуеть о ложности язычества. Невозможно допустить, чтобы содержала въ себѣ чистую истину религія, узаконяющая поклоненіе таковымъ божествамъ ¹⁾. Философы языческіе, также, не отличались ни чистотою нравственнаго ученія, ни святостію жизни. Извѣстно напр., что Платонъ допускалъ общеніе женъ и т. под. Отсюда слѣдуетъ тотъ же выводъ о неудовлетворительности и ложности язычества ²⁾. Наконецъ, все философы языческіе не создали ничего прочнаго, не оставили по себѣ почти никакого слѣда. Гдѣ нынѣ Платонъ—восклицаетъ Златоустъ,—гдѣ Пифагоръ? гдѣ цѣлый рядъ философовъ стоической школы? Съ своими блестящими рѣчами, за которыми скрывается суетность

¹⁾ См. статью Ферстера: „Chrisostomus als Apologet“ въ „Jahrbücher für deutsche Theologie“, XV Bd. 3 Heft. 1870. p. 445 sqq.

²⁾ „Слово въ память священно-мученика Вавилы“ въ Собраніи словъ и бесѣдъ Златоуста въ рус. пер. т. 1. стр. 161. Ср. Ферстера, 1. с. p. 446.

и безбожіе, они подобны гробамъ повапленнымъ и потому, естественно, подверглись забвенію, между тѣмъ какъ слово Христово пребываетъ во вѣки. ¹⁾

Подобнымъ образомъ Златоустъ во многихъ своихъ бесѣдахъ доказываетъ истинность и божественное достоинство христіанства, именно, не умозрительнымъ раскрытіемъ его основаній, но изображеніемъ самыхъ его дѣйствій. Къ такому способу доказательства приводило Златоуста самое свойство истинъ христіанства, которыя, какъ истины, откровенныя Самимъ Богомъ, превосходятъ всякое человѣческое разумѣніе и требуютъ для своего принятія вѣры или нѣкотораго подчиненія ума и воли. Если бы въ доказательство истины христіанства кто либо сталъ указывать невѣрующему на то, что Христосъ воскрешалъ мертвыхъ и совершилъ многія другія чудеса, то язычникъ могъ бы еще возразить, что эти факты сами нуждаются въ доказательствѣ. Но есть возможность отыскать нейтральную почву, указать такія явленія и факты, которые самими невѣрующими должны быть признаны за неоспоримые и не сомнѣнные. Такіе факты суть: происхожденіе христіанства, его повсюдное распространеніе и, притомъ, распространеніе одиннадцатію мужчинами простыми, незнатными, неучеными. На нихъ и опирается Златоустъ, доказывая истинность христіанства и превосходство его предъ другими религіями. Онъ ставитъ противникамъ христіанства вопросъ: отчего столь многіе знаменитые мужи, про-

¹⁾ Слово въ память Священномученика Вавилы, 1 с. стр. 161. Ср. Ферстера, 1 с. р. 446.

повѣдывавшіе новыя ученія съ цѣлію основать общество, имѣли столь малый успѣхъ, что едва извѣстны ихъ имена, между тѣмъ какъ число послѣдователей Христа все болѣе и болѣе возрастаетъ? Какъ случилось, что апостолы—люди неученые, не имѣвшіе блестящихъ внѣшнихъ качествъ, имѣющихъ цѣну въ глазахъ язычниковъ, прошли съ проповѣдію евангельскою всю вселенную, являясь предъ властителями, мудрецами, и побѣдили ихъ? Нужно допустить, что ими двигала Высшая Сила, которая и доставила имъ успѣхъ, совершенно необъяснимый изъ однихъ естественныхъ причинъ ¹⁾).

Съ особенною силою старается Златоустъ выяснить нравственный моментъ въ явленіи Апостоловъ. Онъ обращаетъ вниманіе на то, какъ отличается ихъ простота и смиреніе отъ тщеславія и суетности языческихъ проповѣдниковъ и учителей, и какъ различны, вслѣдствіе того, были ихъ успѣхи. Платонъ не смотря на всѣ старанія, не успѣлъ убѣдить ни одного властителя въ истинѣ своего ученія, а скинотворецъ Павелъ не только пріобрѣлъ Христу Италію и Сицилію, но и всю вселенную. «Если язычники—говоритъ Златоустъ—стадутъ съ торжествомъ указывать на то, что ихъ Платонъ много былъ ученѣе и образованнѣе, чѣмъ Павелъ, и что Апостолы, вообще, не имѣли высокаго умственного образованія и утонченныхъ нравовъ, то нѣтъ нужды ихъ оспаривать и доказывать противное, именно,

¹⁾ Златоуста: „Сл. въ память свящ.-мученика Вавилы“, 1 с. стр. 161. Ср. Ферстера, 1 с. р. 449.

что Апостолы были свѣдуши въ языческихъ наукахъ. Мы—продолжаетъ Златоустъ — соглашася съ этимъ, даже охотно объявляемъ, что Апостолы были люди бѣдные, не просвѣщенные, неученые; но выводимъ заключеніе: если, однако, Павелъ побѣдилъ Платона, не смотря на все образованіе сего послѣдняго, то не есть ли побѣда его тѣмъ блистательнѣе и чудеснѣе, и не ясно ли, что не чело-вѣческая мудрость сдѣлала это, но сила Божія? Далѣе, можно указать на силу давно утвердившихся мнѣній, на силу привычки къ прежнимъ порядкамъ противостоявшую дѣятельности Апостоловъ. Глубоко лежитъ въ сердцахъ людей страхъ предъ отступленіемъ отъ общепризнаннаго, предъ разрывомъ съ прошедшимъ, и далеко не все равно, вырывать ли растеніе, укоренившееся и окрѣпшее въ теченіе многихъ лѣтъ, или вырывать лишь только что посаженное въ землю ¹⁾). Не должны ли были Апостолы ожидать возраженія: итакъ весь міръ до вашего появленія находился въ заблужденіи, и въ рыбахъ съ мытарями онъ долженъ предположить большую мудрость, чѣмъ какою обладали всѣ досель бывшіе философы, риторы, ученые?... Но однако это возраженіе оказалось безсильнымъ; слушатели Апостоловъ со всею ревностію приняли ихъ слово и признали, что они, дѣйствительно, возвѣщаютъ такую мудрость, какой ни отъ кого неслыхали прежде. Это тѣмъ болѣе удивительно, что Апостолы не только хотѣли у своихъ послѣдователей замѣнить одинъ образъ

¹⁾ Златоуста: „Слово въ память Св. мученика Вавилы“, I. с. р. 144.

мыслей и жизни другимъ, не только вынуждали переменить старое убѣжденіе на новое, но требовали духовнаго переворота, требовали высшей нравственной чистоты. Что могло бы побудить человѣчество не смотря на все это, внять евангельской проповѣди, какъ не сила Божія, ей присущая? Какъ иначе объяснить, что одиннадцать бѣдныхъ, незнатныхъ, непросвѣщенныхъ мужей преобразовали цѣлые народы и обратили къ своему Учителю, Который претерпѣлъ позорную смерть и, именно вслѣдствіе этаго, прославился? ¹⁾

Чудесное распространеніе Евангелія Апостолами служить Златоусту доказательствомъ и частныхъ истинъ христіанства. Необъяснимая перемена въ Апостолахъ по кончинѣ ихъ Учителя, можетъ быть разрѣшена лишь признаніемъ воскресенія Іисуса Христа; безъ воскресенія Іисуса Христа Апостолы были бы лишены всякой вѣры и надежды и потому едва ли бы выступили на всемірную проповѣдь. На чемъ бы они могли основать свою вѣру въ успѣхъ своей проповѣди? На силѣ своей рѣчи? Но они были необразованные тѣхъ, которые ихъ слушали. Или на своемъ богатствѣ? Но они не имѣли ничего, кромѣ посоха и сапоговъ. Или на знатности своего рода? Но они были незнатны и происходили изъ низкаго сословія. Или на своей многочисленности? Но ихъ было только одиннадцать, притомъ же разсѣянныхъ въ разныя страны. Или на обѣщаніяхъ Учителя? Но, если Онъ не воскресъ, то

¹⁾ „Сл. въ память Св. Вавилы“ I. с стр. 146; ср. Förster, I. с р. 450.

какъ они могли надѣяться на исполненіе Его обѣщаній? Какъ могли бы они вынести ярость и ненависть цѣлаго іудейскаго народа, когда ученикъ, стоящій во главѣ ихъ, до воскресенія сдѣлалъ троекратное отреченіе при обвиненіи простой служанки? Какъ могла бы, безъ факта воскресенія, явиться въ нихъ самая мысль—пройти всѣ концы вселенной съ проповѣдію Евангелія? Если эти люди, которые, при жизни Христа, боялись нападеній іудеевъ и не отваживались выступить къ нимъ съ проповѣдію, послѣ его смерти и погребенія, обнаруживаютъ въ своихъ предпріятіяхъ такіе широкіе планы и подчиняютъ весь міръ своему Учителю, то это совершенно необъяснимо безъ увѣренности въ Его воскресеніи, такъ какъ они могли всегда ждать возраженія: если себя не спасъ, то какъ можетъ спасти другихъ? ¹⁾

Возраженіе, будто ученики Іисуса Христа ввели весь міръ въ обманъ, совершенно опровергается характеромъ этихъ мужей. Притомъ, если бы они умышленно захотѣли придавать своему Учителю божественное достоинство, котораго Онъ не имѣлъ, то нельзя понять, почему они съ такою искренностію и безпристрастіемъ рассказываютъ объ Немъ нѣчто такое, чтò, по обыкновенному сужденію, вовсе не приличествуетъ Богу, каковы напр. поношенія, которымъ подвергался Іисусъ Христосъ предъ Синедріономъ (Матѣ. 26, 67) и т. под.

Замѣчательна у Златоуста апологія чудесь, о

¹⁾ Ср. Ферстера, I. с. р. 151

которыхъ повѣствуется въ Св. Писаніи. Не опуская изъ вниманія метафизической стороны чудесъ, ¹⁾ съ особеннымъ вниманіемъ онъ останавливается на нравственной ихъ сторонѣ, указывая на нравственную перемѣну въ людяхъ, вслѣдствіе пріятія ими христіанства, какъ на самое очевидное и несомнѣнное чудо. На вопросъ: почему Богъ не совершаетъ болѣе такихъ чудесъ, какія совершались при первомъ распространеніи христіанской Церкви, онъ отвѣчаетъ, что чудесами могла бы ослабляться вѣра, направленная къ предметамъ невидимымъ. Между тѣмъ, кто хочетъ видѣть чудеса, тотъ можетъ ихъ видѣть каждый день, только въ другой формѣ. Златоустъ указываетъ на постепенное исполненіе обѣтованій Христовыхъ (Матѣ. XXVIII, 20, XVI, 18; XXVI, 13),—на продолжающееся обращеніе народовъ, на нравственно-преобразующую и обновляющую силу христіанства, стремящагося утвердить истинное вѣденіе и добродѣтель «вмѣсто грубости и варварства» и не затрудняется даже сказать, что нравственныя перемѣны, производимыя въ сердцахъ людей христіанской религіей, которыя онъ называетъ «духовными чудесами», имѣютъ даже большую важность, чѣмъ чудеса въ обыкновенномъ ихъ значеніи. Чтобы имѣть силу творить чудеса, нужно быть свободнымъ отъ грѣха; грѣхъ есть самый сильный демонъ, и кто окрѣпъ въ противоборствѣ грѣху, тотъ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ тѣ, которые изгоняли тысячи демоновъ. Если Павель—замѣчаетъ Златоустъ—говорить о «пути по превосхожденію»

1) „Слово въ память Св. Вавилы“ I. с. стр. 147.

(1 Кор. II, 31), то онъ разумѣетъ не воскрешеніе мертвыхъ, не исцѣленіе разслабленныхъ, но любовь. И самъ Господь предъ Своею смертію какъ на признакъ своихъ послѣдователей указалъ не на силу изгонять демоновъ, а на взаимную братскую любовь. Сдѣлаться изъ жестокаго человѣка милосердымъ, — значить исцѣлить сухую руку; прекратить посѣщеніе безнравственныхъ зрѣлищъ театра и цирка и начать ревностно посѣщать храмъ, — значить воздвигнуть разслабленнаго; остерегаться отъ нескромныхъ взоровъ и неозволенныхъ наслажденій, — значить открыть глаза слѣпому; вмѣсто сатанинскихъ пѣсень пѣть духовныя пѣсни, — значить открыть уста нѣмому. ¹⁾

Отъ этой характеристики всей вообще апологетической дѣятельности Златоуста обращаемся къ разсмотрѣнію «слова въ память Священномученика Вавилы».

Время, въ которое написано Златоустомъ «слово въ память Священномученика Вавилы» опредѣляется указаніемъ въ семь словъ на то, что идетъ уже двадцатый годъ съ тѣхъ поръ, какъ Юліанъ Отступникъ пытался возстановить іерусалимскій храмъ. ²⁾ Такъ какъ попытка Юліана — возстановить іерусалимскій храмъ относится къ 362 году, то изъ приведеннаго указанія слѣдуетъ, что слово написано въ 382 году. Но, имѣя въ виду, что Златоустъ не всегда со всею точностію обозначаетъ время событій, можно считать указанное обозначеніе времени лишь приблизительнымъ и принять, что

¹⁾ См. Ферстера, I. с. р. 453. 454.

²⁾ Слова и бесѣды на разные случаи, т. 1. стр. 183.

слово написано Златоустомъ около 382 года ¹⁾. - Что касается вопроса: было ли «слово въ память Священномученика Вавилы» произнесено въ церкви при собраніи народа, или нѣтъ, то на него можно скорѣе дать отрицательный отвѣтъ. Кто повѣритъ, чтобы столь длинное слово было произнесено заразъ! Притомъ, оно не имѣетъ заключительнаго слово словія въ честь Пресвятой Троицы, которыми обыкновенно оканчиваются церковныя поученія Златоуста. Наконецъ, выраженія этого слова: «я потому и описываю это предъ живыми еще свидѣтелями» ²⁾, по видимому, едва ли могли быть произнесены въ народномъ собраніи. Правда, во многихъ мѣстахъ этого слова Златоустъ обращается къ «нѣкоторымъ» или «присутствующимъ». Но, по всей вѣроятности, это обращеніе есть обычный оборотъ ораторской рѣчи, какъ какъ и все вообще слово изобилуетъ цвѣтами обычнаго краснорѣчія, или произошло отъ того, что авторъ намѣревался прочитать свое слово друзьямъ. ³⁾

Выше было замѣчено, что «слово Златоуста въ память Священномученика Вавилы», подвергая разсмотрѣнію не возраженія Юліана противъ христіанскаго ученія, по его враждебныя христіанству дѣйствія, имѣетъ не столько собственно апологетическій, сколько полемическій характеръ. Произведе-

¹⁾ См. „in duos sermones in S. Babylam—S. Chrysostomi—admonitio“ въ Patr. Curs. Compl. t. 50. p. 527 (Ср. Werner, l. c. p. 263; Chastel. l. c. p. 175.

²⁾ Слова и бесѣды на разные случаи, т. 1 стр. 183

³⁾ Ср. in duos sermones in S. Babylam—S. Chrysostomi admonitio въ Patr. Curs. Compl. t. 50. p. 527

не Златоуста даже и враждебный христианству мѣропріятія Юліана разсматриваетъ не во всей подробности, а занимается, главнымъ образомъ, однимъ событіемъ, именно описываетъ что случилось въ Дафнѣ съ камнемъ Аполлона до и послѣ перенесенія мощей Священномученика Вавилы, касаясь лишь отчасти и стороною прочіихъ дѣяній Отступника. Вотъ въ краткихъ чертахъ разсказъ Златоуста объ этомъ событіи.

Нѣкогда въ Антиохіи былъ епископъ Св. Вавила. Горя ревностно по благочестію и любовью къ ближнимъ, онъ, дважды, неустрашимо воспретилъ входить въ церковь одному изъ императоровъ римскихъ, умертвившему взятаго имъ самимъ въ заложники царскаго сына. Озлобленный Императоръ повелѣлъ заключить въ темницу, и потомъ умертвить неустрашимаго епископа. Вавила только просилъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣломъ положены были въ гробъ и цѣпи, которыми онъ былъ связанъ въ темницѣ. Эти цѣпи, дѣйствительно, были найдены при останкахъ, когда Галль, управившій Антиохіею при Констанціи, повелѣлъ открыть гробъ, перенести св. мощи мученика въ Дафну, антиохійское предмѣстье, и положить въ нарочно-устроенномъ для этой цѣли храмъ. Цѣль Галла состояла въ томъ, чтобы воспрепятствовать безнравственнымъ потѣхамъ въ Дафнѣ, любимомъ гульбищѣ антиохійцевъ. Дѣйствительно, пресловутое предмѣстіе мало-по-мало стало преобразовываться изъ мѣста увеселеній въ мѣсто благочестиваго поклоненія. По перенесеніи останковъ мученика въ Дафну, замолкъ и оракуль Аполлона, бывший тамъ. Когда Юліанъ сдѣлался

императоромъ и сталъ повсюду возстановлять языческую религію, онъ спросилъ Аполлона о причинѣ его молчанія. Жрецы отвѣчали, что ему мѣшаютъ гробы съ костями, находящіеся неподалеку отъ него. Юліанъ понялъ, что рѣчь идетъ объ останкахъ мученика Вавилы и приказалъ перенести ихъ на прежнее мѣсто внутри города, гдѣ они были открыты при Галлѣ. Но, вслѣдъ за перенесеніемъ, сошла при ясномъ небѣ молнія на Дафнисскій храмъ Аполлона, сожгла кровлю храма и превратила въ прахъ идолъ Аполлона. О причинахъ и значеніи этого чуда никто не сомнѣвался; подтверждаетъ это событіе своимъ свидѣтельствомъ и самъ Ливаній, хотя и даетъ ему другое объясненіе. Стѣны и колонны зданія остались цѣлы; даже изъ колоннъ, находящихся при задней части зданія, одна только была тогда разбита, но и та не упала, а сдвинута лишь съ мѣста и, припавъ къ стѣнѣ, такъ и осталась. «Хотя и вѣтры часто съ силою устремлялись на это мѣсто—прибавляетъ Св. Златоустъ—и землетрясенія были, но остатки отъ пламени стоятъ твердо и непоколебимо, какбы сохраняясь для разуменія будущихъ поколѣній... Такъ зданіе, бывшее вмѣстѣлищемъ заблужденія и богохульства, теперь становится поводомъ къ славословію; такъ премудръ нашъ Богъ! и такія дивныя дѣла Онъ совершаетъ не теперь только, но издревле и отъ первыхъ родовъ». ¹⁾

Подобно обличительнымъ словамъ Григорія Бого-

¹⁾ Слова и бесѣды на разные случаи, Т. I, стр. 209 Ср. Созомена, II. II. V, 19.

слова, слово Златоуста имѣеть цѣлю — показать въ примѣръ случившагося въ Дафнѣ безсиліе язычества воспрепятствовать дѣлу распространенія христіанства. Написанное болѣе спокойнымъ и умѣреннымъ тономъ, чуждое тѣхъ жесткихъ порицаній и укоризнъ, какія встрѣчаются въ словѣ Св. Григорія, оно, тѣмъ не менѣе, исполнено искренняго одушевленія, растворено истинною любовію и ревностію къ Христовой истинѣ, и, потому, не менѣе сильно должно было дѣйствовать на читателей и возбуждать въ нихъ чувство благоговѣнія къ Богу — покровителю христіанъ. Съ другой стороны, хотя оно изображаетъ одинъ частный случай изъ жизни Юліана, тѣмъ не менѣе, образъ сего врага христіанства и судъ Божій надъ нимъ представлены въ немъ съ неменьшею ясностію и живостію, чѣмъ въ «обличительныхъ словахъ на Юліана». — Отсюда, безспорно, «Слово въ память священномученика Вавилы» есть одинъ изъ лучшихъ памятниковъ христіанскаго краснорѣчія и, такъ какъ Григорій Богословъ, описывая жизнь и дѣянія Юліана, почему-то опускаетъ случай въ Дафнѣ, то оно служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ его «обличительнымъ словамъ на Юліана».

с) СВ. КИРИЛЛА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО ДЕСЯТЬ КНИГЪ ПРОТИВЪ
ЮЛИАНА.

«Десять книгъ противъ Юліана» — Кирилл Александрійскаго есть единственный изъ дошедшихъ до насъ апологетическихъ трудовъ въ собственномъ смыслѣ, писанныхъ христіанскими учителями про-

гивъ Юліана. Онъ представляетъ не столько изображеніе дѣяній и мѣропріятіи Юліана ко вреду Церкви, сколько критическій разборъ упоминаемаго прежде сочиненія его противъ христіанъ и, отсюда, при потерѣ остальныхъ аналогетическихъ писаній противъ Юліана, получаетъ особенную важность и значеніе.

Ближайшимъ поводомъ къ появленію «десяти книгъ противъ Юліана» было пагубное вліяніе, которое, особенно между христіанами, производила книга Юліана. Прошло уже около 70 лѣтъ со времени появленія этой книги, а она еще не встрѣтила обстоятельнаго разбора и опроверженія со стороны христіанскихъ учителей. Язычники, въ слѣдствіе этого, приписывали неотразимую силу аргументамъ Юліана, а христіане слабые смущались и колебались, что наносило не малый ущербъ вѣрѣ. Была настоятельная потребность восполнить этотъ недостатокъ и сочиненіе Кирилла было отвѣтомъ на эту потребность. ¹

Временемъ происхожденія труда Кирилла можно признать 433-й годъ. ² Изъ того, что Кириллъ посылалъ свой трудъ къ Іоанну Антиохійскому, прося показать его знаменитѣйшимъ учителямъ Востока, видно, что составленъ этотъ трудъ послѣ примиренія Св. Кирилла съ Восточными епископами, слѣд. послѣ 432 года. ³

Цѣлю Кирилла въ этомъ трудѣ было изобличить

¹) Cont. Jul. praef. p. 3—4 Ed. Aub.

²) Шафферъ, I. c. p. 1182 Ср. Chastel I. c. p. 268.

³) См. Tillemont. Memoires t. XIV. p. 671. Cellier I. c. t. III. p. 344.

непониманіе и намѣренное перстолкованіе Юліаномъ писаній Ветхаго и Новаго Завета, которыя Отступникъ постоянно приводилъ въ своемъ сочиненіи, порицая или извращая ихъ ложными и несправедливыми объясненіями, чѣмъ особенно смущались вѣрные, и опровергнуть тѣ возраженія, которыя Отступникъ дѣлалъ противъ христіанства и личности его Основатѣля. Справедливо говоритъ Шатель. «Кирилль имѣеть въ виду не столько обращеніе язычниковъ, упорствующихъ въ своихъ закоренѣлыхъ заблужденіяхъ, сколько предотвращеніе того вліянія, которое сочиненіе Юліана могло оказывать на христіанъ, или на язычниковъ, расположенныхъ къ обращенію». ¹ Отсюда объясняется и діалогическая форма, которая преобладаетъ въ сочиненіи Кирилла и по которой оно представляетъ видъ диспута между Юліаномъ и Кирилломъ.

Въ первыхъ книгахъ своего труда Кирилль доказываетъ достовѣрность повѣствованій Моисея о твореніи, грѣхопаденіи и проч., которыя подвергалъ сомнѣнію Юліанъ.

Два главныя возраженія представлялъ Юліанъ противъ ученія о твореніи: а., что оно противорѣчитъ мысли о величій Божіемъ: ибо Верховный Богъ, какъ учитъ Платонъ, можетъ творить только высшія, божественныя существа, единственно будто бы его достойныя; существа же матеріальныя получили свое бытіе отъ низшихъ божествъ: ² б., что все созданное Богомъ должно быть неразру-

¹) Chastel I c. p. 268

²) Contr. Jul. II p. 58. Ed. Aub.

шию и безсмертно; притомъ, различіе тварей прямо предполагаетъ не одного Творца, но многихъ.

Отвѣчая на первое возраженіе, Кирилль указываетъ на противорѣчіе Юліанова мудрованія понятію о свойствахъ божественнаго существа. Почему Богъ—говоритъ онъ—творитъ не Самъ низшія существа, а предоставляетъ это низшимъ божествамъ? По лѣности, или по презрѣнію всего человѣческаго? Но то и другое представленіе не достойно Бога и не приложимо къ божественной сущности. Понятіе о Богѣ предполагаетъ вѣчную Его дѣятельность; съ другой стороны, мы представляемъ Бога благимъ; но если благъ художникъ, будетъ ли онъ нерадѣть о какой либо вещи? Сказать, что все человѣческое—недостойно Бога, значитъ приписать Ему гордость и вмѣнять преступленіе высокоумія, а это значитъ хулить Бога. Далѣе, если Богъ не считалъ насъ достойными Его творчества, то отчего Ему теперь благоугодно наше почитаніе Его? Почему Онъ теперь такъ заботится объ насъ, что, по свидѣтельству Писанія, «власти главы нашей вси изочтены суть у Него» и «ни одна птица не умираетъ безъ воли Отца Небеснаго» (Матѣ. X, 29—30), съ чѣмъ согласны и сами языческіе писатели ¹⁾.

Въ отвѣтъ на другое возраженіе Юліана противъ исторіи творенія Кирилль замѣчаетъ, что и самъ Юліанъ допускаетъ возможность происхожденія смертнаго отъ Верховнаго Бога. Ибо тѣ сами—говоритъ Кирилль—которые утверждаютъ, что Верховный Богъ передалъ твореніе міра низшимъ богамъ,

¹⁾ Ibid. p. 61

не говорятъ, что эти боги безсмертны, но что они остаются чуждыми разрушенію, поколику есть на то воля Божія. ¹⁾ Съ другой стороны, единство Творца не устраняетъ различія между существами и не требуетъ сходства и одинаковости сотворенныхъ вещей. Или, наконецъ, не достало бы у Создателя власти для произведенія существъ различныхъ? ²⁾

Два, преимущественно, возраженія представлялъ Юліанъ и противъ повѣствованія о грѣхопаденіи: а., признавъ грѣхопаденіе надобно допустить, будто бы Богъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ; ибо Онъ создалъ жену быть помощницею мужа, а между тѣмъ она сдѣлалась виною зла и несчастій для себя и для мужа, и по ея винѣ оба были изгнаны изъ рая и надолго лишены безсмертія; ³⁾ б., ученіе о грѣхопаденіи противорѣчитъ мысли о благодати и правосудіи Божіемъ; ибо представляетъ, что Богъ лишилъ человѣка мудрости-величайшаго изъ даровъ, изгнавъ изъ рая за стремленіе пріобрѣсти это драгоценное сокровище ⁴⁾.

Отвѣчая на первое возраженіе Кирилль доказываетъ, что цѣлю Божіею при созданіи жены было способствовать размноженію рода человѣческаго (Быт. I, 28) ⁵⁾. Но при этомъ Богъ отъ вѣчности предвидѣлъ паденіе людей и допустилъ его, потому

¹⁾ Ibid p. 63

²⁾ Ibid p. 68.

³⁾ Ibid. III, p. 75.

⁴⁾ Ibid p. 89.

⁵⁾ Ibid p. 77

что не хотѣлъ лишать человѣка свободы, которою одарилъ его ¹⁾

Что касается другаго возраженія, то, по мнѣнію апологета, оно есть слѣдствіе невниманія къ силѣ словъ, которыми запрещалось вкушеніе отъ древа познанія добра и зла (Быт. II, 16—17). Заповѣдію запрещалась человѣку не теоретическая мудрость; на языкѣ Писанія «познаніе добра и зла» обозначаетъ не разсудочное, отвлеченное познаніе добра и зла, но опытное познаніе оныхъ, за которымъ должно слѣдовать опытное уразумѣніе разрушительныхъ дѣйствій зла: вотъ отъ чего предостерегали и предохраняли Богъ прародителей, давая запрещеніе вкушать отъ древа познанія добра и зла ²⁾. Нельзя Творцу вмѣнять въ нареканіе и считать противорѣчающимъ правдѣ Божіей изгнаніе изъ рая; ибо въ этомъ изгнаніи была только соблюдена справедливость: оно было выполненіемъ опредѣленнаго праотцамъ наказанія за несоблюденіе Божіей заповѣди. А если бы человѣкъ сохранилъ данную ему заповѣдь, то вѣчно наслаждался бы блаженствомъ ³⁾.

Подрывая истинность историческихъ повѣствованій Моисея, Юліанъ старался, также, унижить нравственный законъ Моисея, утверждая, что онъ не содержитъ въ себѣ ничего особенно важнаго. «Какой народъ—говоритъ онъ—не считаетъ нужнымъ

¹⁾ Ibid. III. p. 78--80

²⁾ Ibid. p. 92 Ср. Аванасія Александрійскаго Слово на язычниковъ въ 1в Св. Отцъ въ рус. пер. т. 17. стр. 7—12

³⁾ Ibid. p. 80

сохранять все заповѣди десятословія, кромѣ «не покланяйся инымъ богамъ» и «шти субботу»! ¹⁾

Защищая достоинство Божественнаго закона, Кирилль указываетъ на нравственное развращеніе языческихъ народовъ, которымъ Юліанъ приписываетъ соблюденіе тѣхъ же самыхъ нравственныхъ предписаній, и на древность сего закона. Откуда у язычниковъ ихъ нравственные законы? Отъ природы или отъ людей? Но Самъ Юліанъ говоритъ, что природа человѣческая сама собою не можетъ понять, что для нея полезно, и, слѣдовательно, все люди нуждаются въ наученіи. Если же народы языческіе, сами собою, безъ посредства Моисеева закона, ввели у себя законы, подобные Моисеевымъ, руководимые однимъ естественнымъ чувствомъ, то это значитъ, что Моисеевы законы имѣютъ основаніе въ человѣческой природѣ, слѣдовательно въ своемъ родѣ совершенны. И если все народы, населяющіе вселенную знаютъ и соблюдаютъ заповѣди Моисея, то это служить только большаго честию и славою для нихъ. А что они не могли быть заимствованы ни у кого, кромѣ Моисея, видно изъ того, что нѣтъ законодателя древнѣе Моисея ²⁾.

Особенно важное мѣсто въ «десяти книгахъ противъ Юліана», какъ и въ другихъ апологетическихъ сочиненіяхъ IV и V вѣковъ, занимаетъ ученіе о Лицѣ Основателя христіанской религіи, наиболее возбуждавшее недоумѣній и возраженій со стороны язычниковъ.—Отвѣчая на упрекъ Юліана, будто христіа-

¹⁾ Ibid. V, p. 152.

²⁾ Ibid. V, p. 153—154.

не отвергли единство Божества, заповѣданное Моисеемъ, и привнесли начало множественности, Кирилль съ великою глубиною и ясностію, достойною его знаменитаго предшественника—Св. Афанасія, раскрываетъ ученіе объ отношеніи Иисуса Христа, какъ Сына Божія къ другимъ Лицамъ Св. Троицы. Богу Отцу — говоритъ онъ—совѣчно собственное Ему, Единородное Богъ Слово и Богъ Духъ Святыи, со-
 существенный Ему. Хотя всѣ три различны по ипостасямъ (*καὶ ἐν ἑκάστῳ ἰδιουσιότητος ὑφεστάται νοῦντο*), но божественная природа во всѣхъ одна и таже. Посему, когда говорится, что единъ Богъ, то, и при этомъ, никакъ не разумѣется одинъ Отецъ безъ Сына Своего и Духа Святаго, по природѣ отъ Него происходящаго и Ему собственнаго ¹⁾. Разбирая, въ частности, отношеніе Сына Божія къ Богу Отцу, Кирилль рассуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Какъ то, что существенно въ человѣкѣ и относится къ сущности его природы, не можетъ быть мыслимо отдѣльно отъ него, такъ и Бога Отца нельзя представлять безъ собственнаго Ему Сына, равно какъ и Сына безъ Отца ²⁾. Бытіе Бога Отца и Творца необходимо предполагаетъ совѣчное бытіе Сына Божія. Если Богъ Отецъ вѣчно пребываетъ Отцемъ (такъ какъ ничто случайное не можетъ приражаться Ему), то вмѣстѣ съ Нимъ вѣчно долженъ существовать и Сынъ, безъ котораго Онъ не есть Отецъ. И если вѣчно Богъ Отецъ пребываетъ Творцемъ міра, то вмѣстѣ съ Нимъ, вѣчно, прежде всякаго

¹⁾ Ibid VIII, p 264

²⁾ Ibid. VIII, p 265

времени, есть, также, и Тотъ, чрезъ кого Онъ все творить, т. е. Создатель всѣхъ вѣковъ и временъ, Сіяніе славы и Образъ Упостаси Его (Евр 1, 3) ¹⁾.

Сынъ Божій рожденъ отъ Бога Отца. Рожденіе это есть вѣчное; ибо не было времени, когда бы Сынъ Божій былъ нерожденнымъ; есть, вмѣстѣ съ глѣмъ, полное и всецѣлое, такъ какъ чрезъ него Рожденному вполне переданы свойства Родителя. Какъ твари, одаренныя силой рожденія, раждаютъ подобныхъ себѣ существъ, а не существа другой природы, такъ и Сынъ Божій, родившійся отъ Отца, не иной природы съ Нимъ и есть Его Слово, и Мудрость, и Сила. Свойства Отца вполне просіяваютъ (*διαφάνεται*) въ Сынъ. Онъ выражаетъ въ собственной природѣ Родителя Своего, существовать же Самъ во Отцѣ; различаясь отъ Отца глѣмъ, что есть Его Сынъ, Онъ есть одно съ Отцемъ по единству природы; Онъ есть Сущій отъ Сущаго, и это есть самое приличное Ему имя ²⁾.

Сынъ Божій имѣетъ близкое отношеніе и къ міру человѣческому, какъ Искупитель. Будучи истиннымъ Богомъ, Онъ есть и истинный человѣкъ. Когда, вслѣдствіе грѣхопаденія, люди уклонились отъ истиннаго боговѣденія и богопочитанія и подверглись смерти; когда нечестіе распространилось по землѣ повсюду, такъ что не было ни одного, какъ поетъ Давидъ (Псал. XIII, 3), кто бы дѣлалъ доброе, и не было между людьми никого, кто освободилъ бы ихъ отъ ига смерти и изгладилъ другія слѣдствія

¹⁾ Ibid. p. 264.

²⁾ Ibid. VIII, p. 265. 266

грѣха, тогда Сынъ Божій, ради нашего спасенія сошелъ съ небесъ и принялъ на себя плоть человѣческую. Но такъ какъ божественная природа Іисуса Христа была чужда измѣненія, не могла преобразиться въ иной видъ бытія, то Онъ заимствовалъ Себѣ плоть отъ Пресвятой Дѣвы необыкновеннымъ и сверхъестественнымъ образомъ и сдѣлался человѣкомъ, не переставая быть Богомъ ¹⁾.

Соединеніе Божества и человѣчества въ Іисусѣ Христѣ было, какъ и рожденіе Его отъ Отца, поистиннѣ чудно. Обитая въ маломъ тѣлѣ, Слово не было стѣснено и ограничено предѣлами тѣла. Будучи единымъ и единственнымъ Сыномъ Божиимъ, возвышаясь надъ всею тѣлеснымъ, Оно по причастію (*κατὰ μέθεξιν*) было вездѣ, и во всѣхъ, и въ каждомъ, не разсѣкаясь на части и не раздѣляясь во пребывая природою внѣ всего и во всемъ какъ Богъ. Въ чистѣйшемъ и святомъ тѣлѣ обитала полнота Божества (Филип. II, 7) и, будучи въ немъ, какъ въ своей плоти, наполняла все. Какъ лучъ солнца, если упадетъ на какую нибудь нечистоту, не дѣлается отъ сего нечистымъ, такъ и Божество въ пречистой плоти Христа, обращаясь въ земномъ тѣлѣ, только помогало ему, не заимствуя отъ него ничего себѣ противнаго. Наши тѣла побѣждаются страстями и легко предаются нечистымъ удовольствіямъ. Но въ божественномъ и святомъ тѣлѣ Христа не было никакихъ возмущеній: никакія стра-

¹⁾ Ibid. p. 277—280. Ср. Аванасія. „Слово о возношеніи Бога Слова“, I с. стр. 90—91

сти не были ему присущи. Оно было святымъ храмомъ Его, освящавшимъ всю тварь ¹⁾.

Хотя воплощеніе Сына Божія совершилось недавно; тѣмъ не менѣе, великое таинство его воплощенія, совершенное для искупленія грѣшнаго рода человѣческаго, не есть таинство новое, но древнѣйшее, предопредѣленное прежде созданія міра. Оно было извѣстно и древнимъ праведникамъ, напр. Аврааму, какъ указываетъ Самъ Спаситель, говоря іудеямъ: *Авраамъ отецъ вашъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ день мой. и видѣ, и возрадовался* (Іоан. VIII, 56). О немъ знали также, Исаакъ, Іаковъ, Моисей, повелѣвшій сынамъ Израиля закалатъ агнца во образъ Христа, и всѣ пророки, многократно и многообразно предвозвѣстившіе о Немъ ²⁾.

Юліанъ соблазняется отсутствіемъ земнаго величія въ Іисусѣ Христѣ; онъ съ презрѣніемъ указываетъ, что основатель христіанства не имѣлъ внѣшняго могущества, но былъ подданный римскаго кесаря, не оказавшій никакихъ полезныхъ услугъ своимъ соплеменникамъ, не принятый и не признанный даже своими, пріавшій поносную смерть ³⁾. Но въ этомъ нѣтъ ничего соблазнительнаго. Испытатель могъ бы явиться и въ славномъ видѣ. Но Онъ Самъ восхотѣлъ умалить Себя (Филип. II, 6-7), почему и крестъ претерпѣлъ, пренебрегши посягательство (Евр. XII, 2) ⁴⁾. Онъ, дѣйствительно, пріавъ

¹⁾ Ibid VIII, p. 287. Ср Demonst Evang IV, 11—13.

²⁾ Ibid. VIII, p. 280—283.

³⁾ Ibid. VI, p. 213 и въ др мѣст.

⁴⁾ Ibid VI, p. 195.

позорную смерть, но лишь для того, чтобы разрушить ее. Непобѣжденный смертію, Онъ Самъ побѣдилъ ее, воззвавъ многихъ другихъ къ жизни и воскреснувъ Самъ, почему и названъ первожденнымъ изъ мертвыхъ (Кол. 1, 18) ¹⁾. Онъ не далъ своимъ послѣдователямъ земныхъ благъ, но за то даровалъ имъ духовныя блага: сдѣлалъ причастниками божественнаго естества, сожителями Христу и присными Богу и ниспослалъ Духа Святаго ²⁾. Онъ умеръ одинъ за всѣхъ, и Его смерть сдѣлалась освобожденіемъ всѣхъ отъ смерти ³⁾. Онъ Самъ сказалъ: *царство Мое нѣсть отъ міра сего* (Іоан. XVIII, 36),—зачѣмъ же видѣть въ Немъ земнаго владыку, измѣрять Его достоинство мѣркою земнаго величія?

При отсутствіи земнаго блеска и величія, чудеса Іисуса Христа ясно показывали, что Онъ не простой человѣкъ.—Юліанъ старается унизить значеніе чудесъ, не видя въ нихъ ничего чрезвычайнаго. Но чѣмъ, какъ не чудесами, могъ Іисусъ Христосъ обратить невѣрующихъ и упорныхъ и привлечь нашъ духъ къ познанію истины? Тварь познала своего Создателя и безпрекословно Ему повиновалась, а развѣ это не есть что либо необычайное? Чтò славнѣе и удивительнѣе напр. исцѣленія слѣпаго отъ рожденія? Чтò поразительнѣе воскрешенія однимъ словомъ людей умершихъ и подвергшихся тлѣнію? ⁴⁾.

¹⁾ Ibid. VI, p. 197.

²⁾ Ibid. p. 214.

³⁾ Ibid. IX, p. 303.

⁴⁾ Ibid. VI, p. 192. Ср. Dem. Ev III, cap. 3—7

Но не могъ ли Богъ, какъ Всемогущій, однимъ махіемъ настроить сердца людей такъ, чтобы они воспріяли и почувствовали необходимое для ихъ спасенія и расположить къ благочестивой и богобоязненной жизни? ¹⁾ Зачѣмъ Сынъ Божій сдѣлался человѣкомъ и принялъ плоть нашу?

Причиною, почему Богъ избралъ именно это средство для спасенія людей было желаніе Создателя сохранить человѣку ту свободу, которою Онъ одарилъ его въ началѣ. Какимъ образомъ—спрашиваетъ апологетъ—былъ бы чуждъ Творецъ нареканій, когда бы Онъ, въ началѣ допустивши человѣку управлять свободною волею, послѣ подчинивъ его необходимости и неотразимо сталъ бы влечь его къ тому, что ему надлежало дѣлать? Не значило ли бы это, что Онъ измѣняетъ своимъ непреклоннымъ рѣшеніямъ о человѣческомъ родѣ? Посему Единородное Слово Божіе сдѣлалось человѣкомъ и обращалось съ человѣками: и частію посредствомъ знаменій и чудесъ, превышавшихъ силу человѣческую, убѣждая, что Оно есть Богъ, явившійся въ образъ человѣка, а частію посредствомъ увѣщаній отклоняя отъ соблюденія иудейскаго закона и озаря сердца върующаго свѣтомъ богопознанія, давало, такимъ образомъ, возможность свободно усвоить и прилагать совершенное Имъ дѣло спасенія ²⁾. Если бы—прибавляетъ апологетъ—мы говорили, что человѣкъ сдѣлался Богомъ и вводили инаго

¹⁾ Ibid. VIII. p. 284

²⁾ Ibid VIII. p. 284 sqq. С. Аѳанасія «Слово о воплощеніи Бога Слова» I с. стр. 144.

Бога, кромѣ Святой и Единосущной Троицы, то это было бы обоготвореніемъ чловѣка. Но если мы говоримъ, что Единородное Слово Божіе свѣщенственнымъ образомъ сдѣлалось чловѣкомъ, подобнымъ намъ, не переставая быть Богомъ, то что въ этомъ невѣроятнаго, или достойнаго порицанія ¹⁾?

И не одинъ Іоаннъ—какъ утверждаетъ Юліанъ,—но и другіе священные писатели—Павелъ, Маркъ, Матѳей, Лука усвояютъ ясно Іисусу Христу божественное достоинство, воздаютъ то, что приличествуетъ высшей и совершеннѣйшей Его природѣ и называютъ Его Богомъ. Такъ Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ называетъ Іисуса Христа Богомъ надъ всѣми, благословеннымъ во вѣки (Римл. IX, 5), Духа Божія называетъ Духомъ Христовымъ (Римл. VIII, 8—9), называетъ Іисуса Христа Господомъ славы (1 Кор. II, 8.). Маркъ начинаетъ свое евангеліе словами: начало евангелія Іисуса Христа Сына Божія (Марк. I, 1); но Сынъ Божій по естеству есть вмѣстѣ съ тѣмъ и Богъ. Подобнымъ образомъ у евангелиста Луки Онъ называется Сыномъ Вышняго (Лук. I, 32.). Съ другой стороны, Іоаннъ во все не потому, что видѣлъ гробницы Петра и Павла въ почтеніи у нѣкоторыхъ—какъ говоритъ Юліанъ—назвалъ Іисуса Христа Богомъ, но наставленный Духомъ Святымъ, наставляющимъ на всякую истину, о Которомъ Самъ Спаситель сказалъ ученикамъ Своимъ: *не вы будете глаголющии, но Духъ Отца вашего, глаголай въ васъ* (Матѳ. X, 20.) ²⁾.

¹⁾ Ibid VIII, p 285—286.

²⁾ Ibid. X p 327—331. Cp. M. 213

Какъ не содержать ничего истиннаго возраженія Юліана противъ Личности Божественнаго Основателя христіанства, такъ несправедливы и упрёки его христіанамъ въ мнимомъ отпаденіи ихъ отъ закона Моисеева. Только предзанятая мысль, преднамѣренное отвращеніе видѣть истину можетъ находить противорѣчіе Ветхаго Завета Новому. Между тѣмъ и другимъ совершенное согласіе; Новый Заветъ служитъ въ полномъ, точнѣйшемъ смыслѣ продолженіемъ и исполненіемъ Ветхаго.

Сущность и средоточіе Новаго Завета есть Иисусъ Христосъ. Признаніе Его божественнаго достоинства составляетъ отличительный характеръ его. Но и въ Ветхомъ Заветѣ не было безызвѣстно ученіе объ Искушитель родѣ человѣческаго; напротивъ, оно составляло сущность и Ветхаго Завета. Цѣль писаній Моисея состоитъ именно въ томъ, чтобы сообщить познаніе о Христѣ, какъ засвидѣтельствоваль Апостоль Павелъ, говоря, что Христосъ есть «конецъ закона и пророковъ,» а равно и самъ Спаситель, сказавъ іудеямъ: *аще бысте вървали Моисеови, вървали бысте и ми: о ми бо той писа* (Іоан. V, 46.)¹⁾.

Правда, Моисей говоритъ о многихъ сынахъ Божіихъ, подъ которыми разумѣтъ ангеловъ, какъ справедливо замѣчаетъ Юліанъ²⁾. Но несправедливо было бы утверждать, что Моисей не зналъ о собственномъ и Единородномъ Сынѣ Божіемъ. Именно къ сему Сыну Божію относятся мѣста изъ Моисея

¹⁾ Ibid VIII, p. 256.

²⁾ Ibid IX, p. 290.

сея и другихъ ветхозавѣтныхъ писаній, гдѣ употребляются названія Десницы Божіей, Слова Божія и проч. ¹⁾ Ангелы называются сынами Божіими только въ несобственномъ смыслѣ, подобно какъ у Псалмопѣвца употребляется наименованіе боговъ въ отношеніи къ существамъ сотвореннымъ вообще (Псал. LXXXI, 6.). А Иисусъ Христосъ, какъ истинный и естественный Сынъ Божій, называется такъ въ прямомъ собственномъ смыслѣ ²⁾.

Какъ не было безызвѣстно въ Ветхомъ Завѣтѣ ученіе о Лицѣ Иисуса Христа, такъ не былъ безызвѣстенъ и догматъ о Св. Троицѣ, въ которомъ Юліанъ находитъ рѣшительное отступленіе отъ закона Моисеева, утверждающаго единство Божіе. Моисей, котораго христіане почитаютъ, какъ и апостоловъ, учителемъ въ дѣлахъ вѣры и нравственной жизни, признавать ясно, и Бога Отца, и Собственного, Совѣчнаго Ему Сына, и Духа Святаго ³⁾. Такъ, повѣствуя о происхожденіи челоуька—говоритъ Св. Кириллъ—Моисей представляетъ Бога говорящимъ: *сотворимъ челоуька по образу Нашему и по подобію* (Быт. I, 26); въ этихъ словахъ, такъ какъ Богъ — Единый Премудрый и Всемогушій не нуждается въ совѣтахъ меньшихъ и второстепенныхъ боговъ, или существъ созданныхъ, ясно обозначается полнота Божества и выражается ученіе о Св. Троицѣ ⁴⁾. Подобнымъ образомъ, повѣствуя о смѣ-

¹⁾ Ibid IX, p. 291—292.

²⁾ Ibid IX, p. 291.

³⁾ Ibid VIII, p. 255

⁴⁾ Ibid. 1, 24—25

шеніи языковъ, онъ представляетъ Бога говорящимъ: *приидите и, сошедше, смлсимъ тамо языкъ* (Быт. XI, 7); и въ этихъ словахъ, такъ какъ Богъ, очевидно, также, обращается къ Сыну и Духу Святому, указывается на таинство Св. Троицы во Единомъ Божествѣ, въ которомъ былъ наставленъ Моисей и о которомъ онъ ясно учитъ, выражаясь о Богѣ то въ единственномъ числѣ, то во множественномъ ¹⁾.

Нѣтъ различія между Ветхимъ и Новымъ Заветомъ въ ученіи о Божествѣ, нѣтъ разногласія и въ образѣ богопочитанія. Правда, христіане не приносятъ въ жертву животныхъ, не совершаютъ обрѣзанія, не наблюдаютъ различія пищи и другихъ предписаній и обрядовъ Моисеевой религіи, тѣмъ не менѣе, они ослѣются вѣрны Моисею.

Ветхій Заветъ имѣлъ прообразовательное значеніе; всѣ обряды, узаконенные Моисеемъ, были типами, образами духовнаго, совершеннѣйшаго служенія Богу, провозвѣщеннаго Новымъ Заветомъ. Моисей не потому запретилъ употреблять въ пищу извѣстныхъ животныхъ, что они, дѣйствительно, были сами по себѣ нечисты; онъ самъ приводитъ слова Божіи по сотвореніи міра: *вся добра злы*: но потому, что хотѣлъ чрезъ это внушить удаленіе отъ различныхъ пороковъ и нечестивыхъ людей, которыхъ представляютъ нечистыя животныя ²⁾. Равно, обрѣзаніе имѣло значеніе не само по себѣ, но какъ образъ будущаго, духовнаго обрѣзанія стра-

¹⁾ Ibid. IV, p. 147

²⁾ Ibid. IX, p. 316—319; ср. VII, p. 342. 343.

стей и нечистыхъ пожеланій¹⁾. Жертвы, наконецъ, также, имѣли значеніе не сами по себѣ, но какъ образы великой Жертвы, принесенной на Голгоѣ Сыномъ Божиимъ²⁾. Еслибы христіанство было религіею совершенно новаго характера, проповѣдываю щія истины религіи, чѣмъ какія проповѣданы Моисеемъ, то христіане были бы отступниками Моисеева закона. Но въ христіанствѣ Ветхій Заветъ только получилъ свое исполненіе; духовное служеніе Новаго Завета есть истинное служеніе, котораго требовалъ всегда самъ Богъ. Въ чемъ же уклоненіе христіанъ отъ Закона Моисеева, если они, самымъ дѣломъ, исполняютъ то, что Ветхій Заветъ заповѣдалъ исполнять въ образахъ.

Но справедливо ли учать христіане—возражалъ Юліанъ,—что законъ Моисеевъ былъ лишь законъ сѣновный, прообразовательный и данъ былъ только на время? Моисей прямо называетъ свой законъ вѣчнымъ, ненарушимымъ и угрожаетъ казнію за нарушеніе его (Второз. IV, 2; XIII, 27; Исх. XII, 14, 15.). А гдѣ написано, что «Христосъ есть конецъ закона», какъ осмѣлился утверждать Павелъ (Римл. X, 4)? Гдѣ Богъ обѣщаль другой законъ для исправленія даннаго!³⁾

Законъ Моисеевъ—отвѣчаетъ Св. Кириллъ—есть, дѣйствительно, законъ вѣчный, который всегда долженъ существовать, не терия прибавленія, или убавленія, но пребывая всегда однимъ и тѣмъ же.

¹⁾ Ibid X, p. 353.

²⁾ Ibid IX, p. 299 sqq.; ср. X, p. 343 sqq.

³⁾ Ibid. IX, p. 319—320.

Но онъ и не пересталъ существовать и не уменьшился христіанами. Христосъ самъ засвидѣтельствовалъ, что Онъ пришелъ не разрушить законъ, но исполнить (Матт. V, 17); Его законъ есть тотъ же вѣчный законъ, который проповѣданъ былъ Моисеемъ; онъ данъ не для уничтоженія закона Моисеева, но только приводитъ къ болѣе ясному познанію вещей, требуя исполненія самаго смысла, самой сущности того, что заповѣдано было Моисеемъ въ образахъ ¹⁾. И несправедливо утверждаетъ Юліанъ, будто въ Ветхомъ Заветѣ нѣтъ указаній на новый христіанскій законъ. Пророкъ Іеремія (XXXI, 31 — 32) ясно предвозвѣстилъ о немъ, говоря, что Богъ дастъ новый, совершеннѣйшій законъ, написанный не на скрижаляхъ каменныхъ, а на сердцахъ людей. ²⁾

Такъ какъ съ Новымъ Заветомъ законъ Моисеевъ получилъ совершеннѣйшее выраженіе, то понятно, что нужда исполненія его въ первоначальномъ его видѣ прекратилась. Образы имѣютъ значеніе, пока не исполнилось прообразуемое ими. Но, съ пришествіемъ Христа Спасителя, роду человеческому, дѣйствительно, возсіяла сама неирриковенная истина. Зачѣмъ же теперь христіанамъ оставаться при образахъ? Зачѣмъ имъ воздерживаться отъ вкушенія извѣстныхъ животныхъ, запрещенныхъ Моисеемъ, когда имъ прямо объявлена запо-

¹⁾ Ibid IX, p. 322—324; ср. X. 355

²⁾ Ibid. IX, p. 324. Въ другомъ мѣстѣ (VI, p. 199) апологетъ указываетъ на прекращеніе пророчествъ, какъ на доказательство прообразовательнаго значенія Ветхаго Завета.

вѣдь о воздержаніи отъ пороковъ, когда прямо сказано: *не входящее въ уста сквернитъ человека, но исходящее изъ устъ?*¹⁾ Зачѣмъ имъ совершать обрѣзаніе тѣлесное, предписанное Моисеемъ, когда въ нихъ самымъ дѣломъ благодать Св. Духа совершаетъ обрѣзаніе похотей и нечистыхъ пожеланій, котораго Моисеево обрѣзаніе было образомъ и отъ котораго только и получало свою силу?²⁾ Зачѣмъ имъ приносить въ жертву животныхъ, когда за всѣхъ принесена единая великая Жертва, когда сами они приносятъ духовную и безкровную жертву—вѣру, надежду, правду, милосердіе и, вообще, всякую добродѣтель, каковой жертвы ясно Самъ Богъ требовалъ чрезъ Пророка: *милости хочу, а не жертвы.* (Ос. VI, 6.)³⁾

Но не долженъ ли былъ Богъ—замѣчаетъ Юліанъ--не измѣнять своихъ мыслей объ образъ Его почитанія и съ самаго начала постановить лучшее, не допуская, даже до мысли людей то, что Онъ имѣлъ послѣ отыгнѣть. Но Богъ никогда и не измѣнялъ своихъ мыслей, отвѣчаетъ Св. Кириллъ и законъ Его всегда одинъ и тотъ же, только выраженіе этаго закона было различно, сообразно различному состоянію пріемлющихъ. Въ то время когда Израильтяне еще находились на степени дѣтства и едва ли могли совершать поклоненіе Богу въ духѣ и истинѣ и проводить совершенную, свяіую и чистую, подлинно, евангельскую жизнь, имъ

¹⁾ Ibid. IX, p. 316—319; ср. VII, p. 242—243.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid. IX, p. 320—321

предложенъ былъ законъ въ образахъ, приготовлявшихъ къ духовному служенію Богу. Когда же родъ человѣческій достигъ болѣе высокой степени совершенства и образы стали не нужны, Христось учредилъ духовное, истинное служеніе, установилъ Новый Заветъ, который есть не что иное, какъ исполненіе Ветхаго, освобожденіе его отъ образности и сѣновности. 1) Если Юліанъ подвергаетъ нарекачію христіанскую религію за то, что христіане оставили образы и избрали духовное служеніе, то онъ долженъ обвинить и всѣ свои знанія, такъ какъ и онъ, оставляя прежнія начала и основы, переходятъ къ болѣе совершенному. 2)

Итакъ, Христось есть, подлинно, исполненіе закона и пророковъ. И поелику законъ и пророки, — замѣчастъ апологетъ, — привели насъ къ вѣрѣ во Христа и пріятію Его ученія, то мы не отмечаемъ ихъ, но и нынѣ чтимъ; а поелику прообразованія не имѣютъ смысла по явленіи истины, то обрядовъ закона Моисеева не исполняемъ, считая ихъ излишними 3

1) Ibid IX, p. 307 sqq.

2) Ibid p. 313 Ср. объ отношеніи закона Христова къ закону Моисееву въ Dem Ev Lib 1; также у Θεодорита: „Graec. aff. eugatio s VII, p 585 sqq Ed Cramoisy

3) Нельзя не замѣтить, что ни у одного изъ апологетовъ христіанской церкви разсматриваемаго нами періода, ученіе объ отношеніи Ветхаго Завета къ Новому не раскрыто съ такою пошотою и ясностію какъ у Св. Кирилла Евсевій Бесарійскій въ Dem Ev. касается этого пункта, но не останавливается на немъ подробно Равно и Θεодоритъ въ „Graecarum affectionum eugatio“ хотя посвящаетъ этому вопросу нѣкое слово (VII), говорить о немъ кратко У Св Кирилла этотъ вопросъ проведенъ во всѣхъ подробностяхъ, разобранъ отчетливо и всесторонне

Такъ какъ Юліанъ не только старался подорвать божественное достоинство и истинность христіанства, но и оправдать язычество, то Кириллъ не ограничивается только отраженіемъ нападеній Юліана на христіанство, но въ свою очередь дѣлаетъ попытку опровергнуть тѣ основанія, которыми Отступникъ хотѣлъ оправдать упавшее язычество.

Возражая противъ Юліана, апологетъ развиваетъ три главные мысли: а) нѣтъ національныхъ боговъ, которыхъ управленію ввѣрены, будто бы, отдельные народы и области; б) блестящее умственное развитіе Грековъ и политическая доблесть Римлянъ не служатъ доказательствомъ истинности языческой религіи; в) сходство язычества съ іудействомъ не имѣетъ за себя никакихъ основаній.

Юліанъ, чтобы защитить множественность боговъ, утверждалъ, что боги язычества суть не что иное, какъ особыя, невидимые, поставленные отъ общаго Отца и Царя всѣхъ, правители народовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой округъ, которымъ управляетъ онъ, какъ ему свойственно и, имѣя одно какое либо индивидуальное свойство (напр. Марсъ—военное искусство, Минерва—мудрость и проч.), передаетъ необходимо свое дарованіе управляемому имъ народу или области. Въ доказательство этой теоріи онъ указывалъ на національныя особенности различныхъ народовъ и племенъ, происходящія, будто бы, отъ частныхъ, національныхъ боговъ ¹⁾.

¹⁾ Ibid. IV, p. 115. 116.

Противъ этой въ некоторомъ отношеніи оригинальной теоріи Св. Кирилль возражаетъ: если боги необходимо передаютъ управляемымъ ими народамъ тѣ свойства, коими сами обладаютъ, отстраняя, такимъ образомъ, свободное произволеніе людей, то почему же не всѣ люди, населяющіе землю, кротки и добры, и не всѣ одинаковы въ своихъ стремленіяхъ и наклонностяхъ? Воля Божія не различна и всегда хочетъ одного и того же—добраго и похвальнаго ¹⁾.—Съ другой стороны, можемъ ли мы, въ такомъ случаѣ, обвинять тѣ народы, которые живутъ беззаконно, предаваясь крайнимъ порокамъ и преступленіямъ? Или: можемъ ли хвалить людей благочестивыхъ и добродѣтельныхъ за ихъ превосходныя дѣла, если они не по своей волѣ стремятся къ добродѣтели, но вынуждаемые къ тому необходимо богами—защитниками обществъ и городовъ ²⁾? Въ такомъ случаѣ, напрасны увѣщанія отцевъ дѣтямъ, излишни и бесполезны наставленія учителей, должны быть уничтожены и законы, и прочія полезныя учрежденія ³⁾.

Такъ какъ всѣ народы, кромѣ іудейскаго, предоставленные, по мнѣнію Юліана, частнымъ божествамъ впали въ самое грубое идолопоклонство и, наученные своими богами, стали воздвигать имъ храмы и приносить жертвы, то, очевидно, что эти боги суть не что иное, какъ злые демоны, бывшіе

¹⁾ Ibid IV, p. 117

²⁾ Ibid IV, p. 118

³⁾ Ibid

нѣкогда ангелами божими, но потомъ отдѣлившіеся отъ Бога и сдѣлавшіеся учителями всякаго нечестія ¹⁾). Это, въ особенности, доказывается тѣми безчеловѣчными обычаями, которые совершались язычниками въ честь боговъ, какъ напр. принесеніе человѣческихъ жертвъ, и которыми, однако, язычники приписываютъ происхожденіе отъ боговъ ²⁾).

Если нравственная порча народовъ, управляемыхъ національными богами, есть нѣчто необходимое, а известныя дурныя свойства народовъ необходимо зависятъ отъ внѣшнихъ условій жизни, то спрашивается: одобряютъ ли національные боги эти качества подвластныхъ имъ народовъ, или нѣтъ? Если не одобряютъ, то они суть бессильные боги, которые должны находить удовольствіе въ ненавистномъ имъ служеніи и сносить обычаи и поступки, которыхъ измѣнить сами не въ состояніи. Если же одобряютъ, напротивъ, безнравственное и порочное, то они сами суть злыя и порочныя существа. — Юліанъ извиняетъ эту естественную необходимость такъ: какъ огонь по своей легкости, стремится къ верху, а земля, по своей тяжести, стремится внизъ, такъ, вмѣстѣ съ людьми, обращающими свой взоръ къ горнему, должны быть другіе, въ природѣ коихъ лежитъ стремленіе къ противоположному, од-

¹⁾ Подобнымъ образомъ выражается о богахъ языческихъ Феодоритъ въ „Graec. aff. curatio“. „Если — замѣчаетъ онъ — то, что говоритъ о злыхъ демонахъ Порфирій, согласить съ тѣмъ, что говоритъ о богахъ Гомеръ, то окажется, что злые демоны Порфирія суть то же, что боги Гомера“ и т. д. S. III. p. 516

²⁾ Ibid IV. p. 127 sqq

нимъ словомъ, необходимо должны быть порочные люди и народы.—Но говорить такъ—значить взводить обвиненіе на Самого Творца ихъ; изъ такого мудрствованія открывается, что Онъ, или золь, или безсиленъ, смотря потому, добровольно Онъ создалъ этихъ людей и эти народы, или неволью, слѣдуя высшему року. Въ послѣднемъ случаѣ Онъ не Богъ, въ первомъ—Онъ не добрый Богъ, отъ Котораго можетъ исходить одно доброе ¹⁾).

Юліанъ и Іегову считаетъ національнымъ богомъ іудейскимъ, ссылаясь на то, что, по Моисееву повѣствованію и писаніямъ пророковъ, Творецъ міра избралъ себѣ одинъ народъ іудейскій, объ немъ однимъ заботился, его одного удостоивалъ своего попеченія, къ нему одному посылалъ пророковъ, учителей и провозвѣстниковъ Своей воли, держа, въ продолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій, всѣ народы, за исключеніемъ іудейскаго, въ невѣжествѣ, или какъ христіане выражаются, во тьмѣ идолослуженія ²⁾).

Но самъ Моисей первыми словами своего бытописанія избличаетъ ложь Юліана. Онъ говоритъ: «въ началъ сотвори Богъ небо и землю» (Быт. 1, 1). Сотворившему ли все и всю вселенную Содержащему Своимъ маніемъ ограничиться попеченіемъ о немногихъ, когда ничто не можетъ воспрепятствовать Ему быть Промыслителемъ всѣхъ! ³⁾). Не всѣ ли народы были истреблены потопомъ, когда весь

¹⁾ Ibid IV, p. 144. 145.

²⁾ Ibid III, p. 99, 100; ср. IV, p. 138

³⁾ Ibid, III, p. 101.

родъ человѣческой развратился и уклонился ко злу! ¹⁾. И когда Израиль называется «первороднымъ» сыномъ Божиимъ, то не предполагаетъ ли это уже, что и прочіе народы были сынами Божиими? ²⁾ Наконецъ, Иисусъ Христосъ, по пророчествамъ, былъ «чашиемъ всѣхъ народовъ» ³⁾.

Неосновательно, также, Юліанъ съ цѣлію доказать христіанамъ несправедливость предпочтенія, которое они дѣлаютъ религіи Евреевъ предъ язычествомъ, указываетъ на блестящее умственное развитіе древней языческой Греціи и политическую славу языческаго Рима. Хотя бы, дѣйствительно, Евреи уступали Грекамъ въ просвѣщеніи и усовершенствованіи полезныхъ для жизни искусствъ, Римлянамъ же въ военномъ искусствѣ, это еще не даетъ права унижать религію Евреевъ. Умственное просвѣщеніе и воинская доблесть и истинная религія—вещи совершенно различныя. «Мы—говоритъ Св. Кириллъ—потому предпочли законъ еврейской религіи язычниковъ, что нашли у іудеевъ, или лучше сказать, въ святыхъ писаніяхъ, которыхъ они были хранителями, истинное ученіе о Богѣ и правила, способныя способствовать добродѣтели, великія обътованія, твердую надежду на будущую вѣчную жизнь, отпущеніе грѣховъ, дары Св. Духа, благодать усыновленія—такія блага, которыя превосходятъ всякій умъ и всякое слово человѣческое; у

¹⁾ Ibid. III, p. 103.

²⁾ Ibid. III, p. 105.

³⁾ Ibid. III, p. 111 Ср. IV, p. 139—141.

язычниковъ же находили только басни, достойныя презрѣнія и раздражающія чувственность ¹⁾).

То обстоятельство, что христіане изучаютъ творенія греческихъ писателей, нимало не служитъ въ пользу язычества. Христіане изучаютъ произведенія Грековъ не потому, что бы считали Св. Писаніе недостаточнымъ для того, кто поучается въ немъ, но, съ одной стороны, по свойственному людямъ желанію—знать все, а, съ другой, потому, что въ этомъ они находятъ средство для пораженія заблужденій эллинскихъ. Изучая писанія древнихъ, мы—говоритъ Св. Кирилль—тѣмъ болѣе чувствуемъ удивленіе къ божественному Писанію, въ которомъ находятся, и истинное ученіе о Богѣ, и превосходнѣйшія правила высшаго нравственнаго совершенства. Оно написано языкомъ простымъ и чуждо витійства, какое находимъ въ произведеніяхъ греческихъ писателей. Но за то, оно понятно для всѣхъ ученыхъ и неученыхъ, простыхъ и образованныхъ. Между тѣмъ, сочиненія знаменитыхъ языческихъ писателей, хотя написаны витіевато и благозвучнымъ языкомъ, далеки отъ настоящаго благородства и красоты и лишены истины. Видя это, мы тѣмъ болѣе проникаемся мыслию о превосходствѣ Св. Писанія и тѣмъ болѣе находимъ побужденій поучаться въ немъ; ибо кто, намѣреваясь пить, предпочтетъ горькое питье въ золотомъ стаканѣ питью сладкому, хотя бы содержащемуся въ небогатомъ сосудѣ? ²⁾

¹⁾ Ibid. VI, p. 210. 211

²⁾ Ibid. VII, p. 230—232

Въ Священномъ Писаніи мы поучаемся всякому роду добродѣтели; писаніями же древнихъ пользуемся, какъ бы нѣкоторымъ предварительнымъ упражненіемъ въ истинномъ ученіи (*τὴ προϋμνασία τῆς ἀληθοῦς παιδείας*) ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ, если, дѣйствительно, эллинскій языкъ, которымъ написаны лучшія произведенія языческихъ писателей, не имѣетъ себѣ равнаго по благозвучію и пріятности, отличающаго, притомъ, особеннымъ образовательнымъ значеніемъ, на что особенно, указываетъ Юліанъ, ²⁾ если, дѣйствительно, Греки превосходятъ весь народы по умственному развитію, то это еще не даетъ права обвинять и позорить тѣхъ, которые, хотя не искусны въ греческомъ языкѣ, но просвѣщены въ божественныхъ законахъ и ведутъ похвальную жизнь, которымъ, наконецъ, Самъ Богъ явилъ Свою славу и величіе и сдѣлалъ ихъ причастниками созерцанія вещей божественныхъ. Развѣ Богу болѣе пріятно умъше краснорѣчиво и пріятно выражаться, чѣмъ храненіе Его святыхъ заповѣдей? Всѣ языки происходятъ отъ Бога; каждый изъ нихъ имѣетъ что либо особенное. И мы называемъ—говоритъ Св. Кирилъ—греческій языкъ удивительнымъ по его пріятности ³⁾. Но онъ ни мало не содѣйствовалъ къ достиженію святости и къ нравственному усовершенствованію. поэтому онъ ни мало не служитъ доказательствомъ

¹⁾ Ibid VII. p. 234—235

²⁾ Ibid. VII. p. 229 sqq.

³⁾ Ср. Григорія Богослова: 1 облич. слово на Юліана. I с. стр. 161

истинности религіи тѣхъ, кто способствовалъ его благозвучію ¹⁾. Истинно мудрый есть тотъ, кто имѣетъ ясное, твердое познаніе о Богѣ, кто устремляетъ свой взоръ къ Божественному, на сколько это возможно человеку, кто свои религіозныя и нравственныя понятія осуществляетъ въ самой жизни. Вотъ въ чемъ истинная философія; и вотъ чего нѣтъ у Грековъ и что мы видимъ у Евреевъ. Можно ли сравнить хоть одного изъ греческихъ мудрецовъ, восхваляемыхъ Юліаномъ, съ Моисеемъ—кротчайшимъ мужемъ и первымъ, по признанію самихъ Грековъ, законодателемъ, совершившимъ великія чудеса въ Египтѣ, и съ его многими знаменитыми преемниками, *ихъ же*—какъ говоритъ Павелъ—*не бы достоинъ весь міръ* (Евр. XI, 38) ²⁾. Какъ низокъ, въ сравненіи съ нимъ, и самъ Миносъ, который, по словамъ Юліана, наставленъ былъ самимъ Зевсомъ! Ибо, между тѣмъ какъ еврейскіе цари, слѣдуя закону Моисея, жили мирно съ своими сосѣдями, сей перевозносимый язычниками законодатель, обуреваемый властолюбіемъ, нападалъ на сосѣдей и обращалъ въ рабство людей свободныхъ ³⁾.

Такимъ образомъ, если, дѣйствительно, Греки по умственному развитію и знаніямъ разныхъ полезныхъ житейскихъ искусствъ, превосходятъ Евреевъ, то это еще не служитъ доказательствомъ превосходства языческой религіи. Надобно притомъ замѣ-

¹⁾ Ibid. VII, p. 234.

²⁾ Ibid. VI, p. 186—189.

³⁾ Ibid. VI, p. 190. 191 Ср. VI, p. 205

тять, что Юліанъ часто преувеличиваетъ и, сравнивая греческихъ мудрецовъ съ знаменитыми мужами еврейскими, доходить до крайности, возвышая первыхъ и унижая послѣднихъ. Такъ напр. совершенно не справедливо Юліанъ отдаетъ преимущество предъ Соломономъ Исократу, Фокилиду и Феогниду. Они и жили послѣ Соломона, да и самыя ихъ нравственныя наставленія не имѣютъ такого значенія, какъ притчи Соломона; первыя полезны только для юношей, послѣднія же достаточны и полезны и для юношей и для старцевъ.¹⁾—Что же касается Гиппократа и другихъ знаменитыхъ врачей міра языческаго, то, хотя христіане и не искусны въ наукѣ врачеванія, но язычники вовсе не могутъ гордиться своими знаменитыми врачами. Отверзали ли когда либо сіи препрославленные врачи очи слѣпому? воскрешали ли когда мертвыхъ? исправляли ли хромыхъ? исцѣляли ли, вообще, подобные недостатки,—въ чемъ собственно и проявляется сила божественная, и что, дѣйствительно, совершаютъ христіане не земными врачевствами, но силою, которую далъ имъ Богъ²⁾.

Отвѣчая на другой подобный доводъ Юліана въ пользу языческой религіи, опирающийся на превосходствъ военной доблести у Грековъ и Римлянъ, Кириллъ замѣчаетъ, что истинность религіи познается не изъ внѣшняго благосостоянія ея послѣдователей, а изъ внутреннихъ ея свойствъ. «Хотя—

¹⁾ Ibid. VII, p. 224. 225.

²⁾ Ibid. VII, p. 223—224. Ср. VI, 200—202.

говоритъ оаъ—никакой народъ не можетъ сравниться съ Римлянами въ военной доблести, но это вовсе не даетъ Юліану права дерзко хулить благочестивые догматы Евреевъ и христіанъ. У насъ рѣчь идетъ о божественныхъ постановленіяхъ; изслѣдуется то, у кого находится истинная религія,—зачѣмъ же смѣшивать то, что не должно быть смѣшиваемо, и соединять вещи разнородныя? Что изъ того, что іудеи были покорены Римлянами и подпали подъ ихъ иго, какъ замѣчаетъ Юліанъ въ укоръ іудейской религіи? Показываетъ ли это, что они были нечестивы, или неправо мыслить о Божествѣ? Если подчиняться побѣдителямъ для нѣкоторыхъ кажется безчестнымъ, то не болѣе ли безчестна наносившая побѣжденнымъ столько зла страсть побѣдителей къ завоеванію, которою такъ извѣстны Римляне? ¹⁾ Впрочемъ, хотя Евреи, дѣйствительно, уступаютъ въ знаніи военного дѣла другимъ народамъ, но они всегда противились нападеніямъ враговъ и защищали свое отечество. Если они не нападали на другіе народы, то потому, что законъ внушалъ имъ понятіе о справедливости и умѣренности, а это достойно не порицанія, но похвалы. ²⁾—Что касается боговъ, которымъ Юліанъ приписываетъ необычайное искусство и счастье своихъ полководцевъ, то они и сами себѣ не могутъ помочь, когда разрушаютъ ихъ жертвенники, уничтожаютъ изображенія и проч., тѣмъ болѣе не могутъ помо-

¹⁾ Ibid. VII, p. 219.

²⁾ Ibid V, p 177.

гать своимъ поклонникамъ. Между тѣмъ изъ свящ. книгъ мы знаемъ, что Всемогуцій Богъ, по благоволенію къ еврейскому народу разсѣвалъ иногда многочисленныя враждебныя ему воинства. Такъ напр. въ книгахъ Царствъ мы читаемъ, что Богъ, по молитвѣ благочестиваго царя Езекии, истребилъ въ одну ночь болѣе 180 тысячъ ассирійскаго войска (1 Пар. XIX, 35) ¹⁾.

Наконецъ, что касается оригинальной мысли Юліана о существующей будто бы солидарности учрежденій язычества съ учрежденіями іудейской религіи, посредствомъ которой онъ думалъ оправдать язычество въ глазахъ Евреевъ, то она совершенно не имѣетъ никакой прочной опоры для себя. Юліанъ въ доказательство согласія и близости между собою іудейства и язычества указываетъ на обычай обрѣзанія у Евреевъ и у нѣкоторыхъ языческихъ народовъ, на принесеніе въ жертву животныхъ, общее тѣмъ и другимъ и проч. Но, при этомъ, онъ прибѣгаетъ къ очевиднымъ натяжкамъ и явнымъ несообразностямъ. Какое сходство между еврейскимъ обрядомъ принесенія въ жертву козла отпущенія съ языческимъ служеніемъ „*diis avertentibus*“ или „*avertentibus*“ (богамъ, отвращающимъ зло), которыя сближаетъ Юліанъ? ²⁾ Принесеніе въ жертву козла отпущенія, какъ и весь обрядовый законъ Іудеевъ имѣло значеніе прообразовательное, прикровенно изображая таинство принесенія Христа въ жертву

¹⁾ Ibid. VII, p. 221

²⁾ Ibid. IX, p. 299

за грѣхи всего міра. ¹⁾ Не явная ли нелѣпость со стороны Юліана, на основаніи того мѣста изъ книги Бытія, гдѣ Богъ говоритъ Аврааму: «воззри на небо и исчисли звѣзды, если можешь» и потомъ: «такъ будетъ сѣмя твое» (Быт. XV, 1—3) утверждать, будто Авраамъ подражалъ гаданіямъ языческимъ, занимался отгадываніемъ будущаго по звѣздамъ? ²⁾ Изъ контекста этого мѣста ясно видно, что Богъ указалъ на звѣзды Аврааму только для означенія многочисленности потомства. Сказано только, что Богъ указалъ Аврааму на звѣзды, но нигдѣ не сказано, что Авраамъ наблюдалъ за теченіемъ и положеніемъ звѣздъ ³⁾. Не явная ли, также, нелѣпость со стороны Юліана утверждать на основаніи того мѣста изъ книги Бытія, гдѣ Богъ подтверждаетъ свое обѣтованіе Аврааму особаго рода клятвою (Быт. XV. 6—21), будто Авраамъ наблюдалъ за полетомъ птицъ? ⁴⁾ Обрядъ клятвы, на который указываетъ Юліанъ, есть не что иное, какъ особый способъ увѣренія, которымъ Богъ, снисходя къ слабости вѣры Авраама, подтверждаетъ только свое обѣтованіе Аврааму о наслѣдованіи его сѣменемъ земли Ханаанской, — способъ, заимствованный у халдеевъ, у которыхъ было въ обычаѣ подтверждать клятву прохожденіемъ между двумя половинами разсѣченныхъ животныхъ ⁵⁾. Наконецъ, нареканіе, которое

¹⁾ Ibid. IX, p. 301—304.

²⁾ Ibid X, p. 356—357

³⁾ Ibid. X, p 357. 358.

⁴⁾ Ibid X, p 358; Ср. Кельнера: I. с. p. 305.

⁵⁾ Ibid. X, p 359

взводитъ Юліанъ на Еліезера, будто онъ узналъ и избралъ Ревекку, пользуясь птицегаданіемъ,—совершенная ложь. Еліезеръ узналъ Ревекку по водительству Единаго, испытующаго сердца и утробы, которому усердныя молитвы онъ вознесъ ¹⁾. Сей Единный, Всевѣдущій и Всемогущій есть истинный Виновникъ и Творецъ религіи Евреевъ, котораго Моисей былъ только орудіемъ и посредникомъ ²⁾; безнравственные же и ложные обряды язычества суть произведенія демоновъ ³⁾,—въ этомъ безконечная бездна различія между язычествомъ и іудействомъ, не допускающая никакого сближенія, никакой солидарности того и другаго.

Въ противоположность большому апологетическому сочиненію Евсевія Кесарійскаго (разумѣемъ вмѣстѣ и «Евангельское приготовленіе» и «Евангельское доказательство») расположенному систематически, по строго опредѣленному плану и порядку, апологетическій трудъ Кирилла Александрійскаго отличается отсутствіемъ систематическаго изложенія. Слѣдя, подобно Оригену, шагъ за шагомъ, за своимъ противникомъ, Кириллъ не различаетъ главныхъ и частныхъ мыслей и равно останавливается на тѣхъ и другихъ. Отсюда встрѣчаются у него почти неизбежно повторенія. Кромъ того, апологетъ, не считая нужнымъ обосноваться на чемъ либо болѣе важномъ и существенномъ, постоянно переходитъ

¹⁾ Ibid. X, p. 361

²⁾ Ibid IV, p. 126.

³⁾ Ibid. IV, p. 121 sqq

отъ одной мысли къ другой и очень рѣдко даетъ законченный и обстоятельный отвѣтъ на приводимое имъ возраженіе противника ¹⁾). Нельзя не замѣтить еще, что онъ иногда подтверждаетъ свои мысли не теоретическими соображеніями, но изреченіями Св. Писанія, что, конечно, не имѣло убѣдительности для язычниковъ, хотя вполнѣ объясняется изъ цѣли самаго сочиненія.

Но, при этихъ слабыхъ сторонахъ, «десять книгъ противъ Юліана» по разнообразію содержанія и глубинѣ воззрѣнія на сущность христіанства мало имѣютъ равныхъ себѣ трудовъ во всей христіанской апологетической литературѣ. Въ этомъ сочиненіи мы встрѣчаемъ раскрытіе такихъ сторонъ въ христіанствѣ, которыхъ прежніе апологеты вовсе не касались и разъясненіе которыхъ, собственно, было вызвано трудомъ Юліана. Съ какою ясностію и вмѣстѣ точностію раскрываетъ апологетъ ученіе о Лицѣ Иисуса Христа! Съ какою глубиною и тонкостію разъясняетъ онъ отношеніе между Вѣтхимъ и Новымъ Завѣтомъ!—Вообще можно сказать прямо, что въ этомъ сочиненіи Кирилла Александрійскаго данъ былъ Юліану сильный и твердый отвѣтъ ²⁾).

До насъ дошло десять книгъ изъ сочиненія Кирилла противъ Юліана, которыхъ содержаніе представлено выше. Но, по мнѣнію Анжело Маія, это лишь часть Кириллова труда. Основанія для этого слѣдующія: а) въ десяти книгахъ Кирилла опро-

¹⁾ Ср. Кельеера, I с. р. 298—299

²⁾ Ср. Chastel, I. с. р. 268.

вергнута только первая книга сочиненія Юліана противъ христіанъ; двѣ другія оставлены безъ отвѣта ⁴⁾). Спрашивается: почему Кириллъ оставилъ безъ опроверженія двѣ другія книги Юліана, въ которыхъ, также, заключалось много мыслей, требовавшихъ опроверженія? Едва ли можно предположить, что онъ не считалъ нужнымъ ихъ опровергать; б) съ другой стороны, у нѣкоторыхъ церковныхъ писателей прямо приводятся мѣста изъ остальныхъ книгъ сочиненія Кириллова. Св. Іоаннъ Дамаскинъ въ своихъ «параллеляхъ» цитуетъ XII, XV, XVI, XVII, XVIII книги Кирилла противъ Юліана. Въ книгѣ Леонтія и Іоанна «о священныяxъ вещахъ», изданной Анжело Маіемъ, приводятся отрывки, изъ книгъ XI—XIX сочиненія Кириллова противъ Юліана. И замѣчательно, что упомянутые два писателя въ своемъ сочиненіи цитуютъ изъ первыхъ десяти книгъ однажды, а изъ послѣднихъ

⁴⁾ Селье, l. c. t. XIII, p. 345.; Тильмонъ, l. c. t. XIV, p. 671.—Мнѣніе, будто опроверженіе Кириллово въ томъ видѣ, какъ оно дошло до насъ, имѣетъ дѣло лишь съ частію Юліанова сочиненія опирается на слѣдующихъ соображеніяхъ: а) Кириллъ вовсе не дѣлаетъ никакихъ замѣчаній о двухъ послѣднихъ книгахъ Юліана, характеризуя только первую; б) есть мѣста, въ которыхъ Юліанъ общается разсуждать объ извѣстныхъ предметахъ во 2 книгѣ, но разсужденій объ этомъ мы не находимъ въ трудѣ Кирилловомъ. Юліанъ говоритъ напр., что будетъ разсуждать впоследствии о чудесахъ Иисуса Христа и покажетъ ихъ ложность, что будетъ доказывать ложность Евангелій и проч.; опроверженій этихъ возраженій не встрѣчается у Кирилла; в) Сократъ (Ц. И III, 23) цитуетъ одно мѣсто изъ 3 книги Юліана; его нѣтъ, однако, у Кирилла

цитуютъ два раза. Не прямо ли отсюда слѣдуетъ, что существовало, по крайней мѣрѣ, столько же книгъ этого труда, сколько теперь имѣемъ мы ¹⁾!

П. Цвѣтковъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ См. „Bibliotheca nova Patrum“ II, 488 sqq. u. Patr. Curs. Compl. t. 76 p. 1057

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru